

2015  
№ 09

# ЗАКОН И ПРАВО

## Редакционная коллегия

**Патриарх Московский и всея Руси Кирилл** — почетный член редколлегии журнала  
**Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II** — почетный член редколлегии журнала

**В.Д. Зорькин,**  
доктор юридических наук,  
профессор, Заслуженный юрист  
РФ, председатель  
Конституционного Суда РФ

**В.М. Лебедев,**  
доктор юридических наук,  
профессор, председатель  
Верховного Суда РФ

**А.И. Бастрыкин,**  
доктор юридических наук,  
профессор, Заслуженный юрист  
РФ, председатель Следственного  
комитета РФ

**В.В. Устинов,**  
доктор юридических наук,  
профессор, Заслуженный юрист  
РФ, Полномочный представитель  
Президента РФ в ЮФО

**И.Н. Зубов,**  
доктор юридических наук,  
профессор, статс-секретарь —  
заместитель министра  
внутренних дел РФ

**С.С. Абдулханов,**  
Председатель Конституционного  
Суда Чеченской Республики,  
Заслуженный юрист  
Чеченской Республики

**О.И. Александрова,**  
кандидат юридических наук,  
доцент, ректор Российской  
правовой академии Минюста  
России

**А.У. Альбеков,**  
доктор экономических наук,  
профессор, Заслуженный  
деятель науки РФ, ректор  
Ростовского государственного  
экономического университета  
(РИНХ)

**И.Ф. Амельчаков,**  
кандидат юридических наук,  
доцент, начальник  
Белгородского юридического  
института МВД России

**С.Н. Бабурин,**  
доктор юридических наук,  
профессор, Президент  
Ассоциации юридических вузов  
России, Президент Института  
национальной стратегии реформ

**А.М. Багмет,**  
кандидат юридических наук,  
и.о. ректора Академии  
Следственного комитета РФ

**Е.П. Бажанов,**  
доктор исторических наук,  
профессор, академик  
Всемирной экологической  
академии, Заслуженный  
деятель науки РФ,  
ректор Дипломатической  
академии МИД России

**Е.Н. Барикаев,**  
кандидат экономических наук,  
доцент, начальник Контрольно-  
ревизионного управления  
МВД России

**А.Р. Белкин,**  
доктор юридических наук,  
профессор, профессор  
Московского государственного  
университета приборостроения  
и информатики, академик РАЕН

**А.В. Белоцерковский,** доктор  
физико-математических наук,  
профессор, ректор Тверского  
государственного университета

**Л.А. Бокерия,**  
доктор медицинских наук,  
профессор, директор Научного  
центра сердечно-сосудистой  
хирургии имени А.Н. Бакулева  
РАМН, академик РАН и РАМН

**Н.С. Бондарь,**  
доктор юридических наук,  
профессор, Заслуженный  
юрист РФ, Заслуженный  
деятель науки РФ, судья  
Конституционного Суда РФ

**А.В. Быков,**  
доктор юридических наук,  
профессор, начальник ФКУ  
НИИ ФСИН России

**С.Н. Волков,**  
доктор экономических наук,  
профессор, академик РАСХН,  
ректор Государственного  
университета по землеустройству

**Г.А. Гаджиев,**  
доктор юридических наук,  
профессор, Заслуженный  
юрист РФ, судья  
Конституционного Суда РФ

**Р.Ш. Гветадзе,**  
доктор медицинских наук,  
профессор, Заслуженный врач  
РФ, заместитель директора  
по научно-лечебной работе  
Центрального научно-  
исследовательского института  
стоматологии и челюстно-  
лицевой хирургии Министерства  
здравоохранения РФ

**В.Ю. Голубовский,**  
доктор юридических наук,  
профессор, директор  
Департамента государственной  
службы, кадров и управления  
делами Министерства  
образования и науки РФ

**И.В. Гончаров,**  
доктор юридических наук,  
профессор, Почетный сотрудник  
МВД России, заместитель  
начальника Академии  
управления МВД России

**В.И. Гришин,**  
доктор экономических наук,  
профессор, ректор Российского  
экономического университета  
имени Г.В. Плеханова

**А.Я. Гришко,**  
доктор юридических наук,  
профессор, Уполномоченный  
по правам человека  
в Рязанской области

**И.В. Грошев,**  
проректор по научной работе  
Тамбовского государственного  
университета имени  
Г.Р. Державина, доктор  
психологических наук, доктор  
экономических наук, профессор,  
Заслуженный деятель науки РФ

**А.И. Гук,**  
кандидат философских наук,  
начальник Уральского  
юридического института  
МВД России

**Ю.Н. Демидов,**  
доктор юридических наук,  
профессор, начальник Всерос-  
сийского института  
повышения квалификации  
сотрудников МВД России

**С.Н. Емельянов,**  
кандидат педагогических наук,  
доцент, начальник  
Владимирского юридического  
института ФСИН России

**Ф.К. Зиннуров,**  
кандидат психологических наук,  
доктор педагогических наук,  
профессор, начальник  
Казанского юридического  
института МВД России

**В.С. Ивановский,**  
доктор технических наук,  
профессор, Заслуженный  
деятель науки РФ,  
Начальник Военной академии  
материально-технического  
обеспечения имени генерала  
армии А.В. Хрулева  
Министерства обороны РФ

**Д.Г. Иоселиани,**  
доктор медицинских наук,  
профессор, директор НПЦ  
интервенционной  
кардиоангиологии

**И.А. Калининченко,**  
кандидат педагогических наук,  
доцент, начальник Московского  
университета МВД России  
имени В.Я. Кикотя

**О.С. Капинус,**  
доктор юридических наук,  
профессор, Почетный работник  
прокуратуры РФ, ректор  
Академии Генеральной  
прокуратуры РФ

**О.Г. Карпович,**  
доктор политических наук,  
доктор юридических наук,  
профессор, руководитель  
Центра сравнительно-правовых  
исследований, Институт США  
и Канады РАН, первый замести-  
тель директора Института  
стратегических исследований  
и прогнозов РУДН

**А.В. Кикоть,**  
кандидат юридических наук,  
прокурор Новгородской области

**А.И. Комзолов,**  
кандидат юридических наук,  
доцент, Начальник правового  
управления Управления делами  
Президента РФ

**П.В. Крашенинников,**  
доктор юридических наук,  
профессор, Заслуженный юрист  
РФ, председатель Комитета  
по гражданскому, уголовному,  
арбитражному и процессуальному  
законодательству  
Государственной Думы РФ

**А.А. Крымов,**  
начальник Академии права  
и управления ФСИН России  
(г. Рязань), кандидат  
юридических наук, доцент

**В.Л. Кубышко,**  
кандидат педагогических наук,  
начальник Департамента  
государственной службы  
и кадров МВД России

**В.А. Кудин,**  
кандидат юридических наук,  
профессор, Заслуженный юрист  
РФ, начальник Санкт-Петербург-  
ского университета МВД России

**Р.В. Кулешов,**  
начальник отдела координации  
научной деятельности в МВД  
России управления организации  
профессиональной подготовки  
Департамента государственной  
службы и кадров МВД России,  
кандидат юридических наук

**А.А. Ласкин,**  
доктор педагогических наук,  
профессор, старший научный  
сотрудник Научно-исследова-  
тельского института  
образования и науки

**Е.Л. Логинов,**  
доктор экономических наук,  
дважды лауреат премии  
Правительства РФ в области  
науки и техники, заместитель  
директора Института проблем  
рынка РАН

**В.О. Лучин,**  
доктор юридических наук,  
профессор, Заслуженный  
деятель науки РФ, Заслуженный  
юрист РФ, судья Конституционного  
Суда РФ (в отставке)

**В.Б. Мантусов,**  
доктор экономических наук,  
профессор, начальник  
Российской таможенной  
академии

**С.Е. Метелёв,**  
доктор экономических наук,  
профессор, директор Омского  
института (филиала) Российского  
экономического университета  
имени Г.В. Плеханова

**Г.Б. Мирзоев,**  
доктор юридических наук,  
профессор, Заслуженный юрист  
РФ, ректор Российской академии  
адвокатуры и нотариата

**Ю.С. Пилипенко,**  
доктор юридических наук,  
первый вице-президент  
Федеральной палаты адвокатов РФ

**А.А. Реан,**  
доктор психологических наук,  
профессор, Заслуженный  
деятель науки РФ, профессор  
кафедры юридической  
психологии Московского  
университета МВД России  
имени В.Я. Кикотя

**Г.М. Резник,**  
доктор юридических наук,  
председатель Президиума  
Московской городской коллегии  
адвокатов

**Б.В. Россинский,**  
доктор юридических наук,  
профессор, Заслуженный  
юрист РФ, первый проректор  
Российской правовой  
академии Минюста России

**З.А. Саидов,**  
кандидат экономических наук,  
ректор Чеченского государствен-  
ного университета

**С.Г. Симагина,**  
доктор экономических наук,  
директор Научно-  
исследовательского института  
образования и науки

**А.В. Симоненко,**  
доктор юридических наук,  
профессор, начальник  
Краснодарского университета  
МВД России

**С.А. Солодовников,**  
доктор юридических наук,  
профессор, начальник  
Управления  
МВД РФ по Кировской области

**С.В. Степашин,**  
доктор юридических наук,  
профессор, президент  
Российского книжного союза

**Т.Ш. Тиникашвили,**  
доктор экономических наук,  
заместитель председателя  
Собрания представителей  
г. Владикавказа, профессор  
кафедры «Финансы и кредит»  
Северо-Осетинского государст-  
венного университета  
имени К.Л. Хетагурова

**Ю.В. Торопин,**  
кандидат юридических наук,  
первый заместитель начальника  
Академии управления МВД  
России, Заслуженный работник  
МВД СССР, Почетный сотрудник  
МВД России

**А.Г. Хабибулин,**  
доктор юридических наук,  
профессор

**А.М. Цалиев,**  
доктор юридических наук,  
профессор, член Академии  
гуманитарных наук,  
член Академии юридических  
наук РФ, председатель Консти-  
туционного Суда Республики  
Северная Осетия — Алания

**Ю.А. Цыпкин,**  
доктор экономических наук,  
профессор, председатель  
Учебно-методического центра  
«Профессиональный учебник»

**Н.М. Чепурнова,**  
профессор кафедры государ-  
ственно-правовых дисциплин  
Института государственной  
службы и управления Академии  
народного хозяйства  
и государственной службы  
при Президенте РФ, доктор  
юридических наук, профессор,  
Заслуженный юрист РФ

**Б.С. Эбзеев,**  
доктор юридических наук,  
профессор, Заслуженный  
деятель науки РФ, Заслуженный  
юрист РФ, судья Конституционного  
Суда РФ (в отставке),  
член Центральной  
избирательной комиссии РФ

**Н.Д. Эриашвили,**  
кандидат исторических,  
юридических наук, доктор  
экономических наук,  
профессор, лауреат премии  
Правительства РФ в области науки  
и техники, главный редактор  
журнала «Закон и право»

**М.А. Эскиндаров,**  
доктор экономических наук,  
профессор, заслуженный  
деятель науки Российской  
Федерации, ректор  
Финансового университета  
при Правительстве РФ

### **Зарубежные члены Редакционной коллегии**

**В.В. Бачила,**  
кандидат юридических наук,  
доцент, начальник Академии  
МВД Республики Беларусь

**Г.А. Василевич,**  
доктор юридических наук,  
профессор, Заслуженный юрист  
Республики Беларусь

**Г.С. Гурбанов,**  
доктор юридических наук,  
профессор, заведующий отделом  
теории государства и права,  
гражданского права  
и гражданского процесса  
Института философии и права  
Национальной академии наук  
Азербайджана

**Г. Квеситадзе,**  
академик, президент  
Национальной академии наук  
Грузии

**Т.В. Гамкрелидзе,**  
академик, Почетный президент  
Национальной академии наук  
Грузии

**В. Папава,**  
доктор экономических наук,  
профессор, академик, ректор  
Тбилисского государственного  
университета  
имени Иванэ Джавахишвили

**А.В. Деметрашвили,**  
доктор юридических наук,  
профессор  
(Республика Грузия)

**Г.Г. Чараев,**  
доктор экономических наук,  
профессор, директор  
Русско-Грузинской Академии

**Л.М. Прейгерман,**  
доктор физико-математических  
наук, профессор, президент  
Израильской Независимой  
Академии Развития Науки

**Л.Н. Тепман,**  
доктор экономических наук,  
профессор, Израильская  
Независимая Академия Развития  
Наук (ИНАРН)

**Р. Чингиз,**  
Президент Университета  
правоохранительных органов  
Монголии, профессор

2015  
№ 09

# LAW & LEGISLATION

## Editorial board

**Kirill, Patriarch of Moscow and all Russia** — Honorary member of an editorial board  
**Ilia II, Catholicos-Patriarch of all Georgia** — Honorary member of an editorial board

**V.D. Zorkin,**

doctor of law, professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Chief Justice of the Constitutional Court of the Russian Federation

**V.M. Lebedev,**

doctor of law, professor, Chief Justice of the Supreme Court of the Russian Federation

**A.I. Bastrykin,**

doctor of law, professor, Honored lawyer of the Russian Federation, the Chairman of Investigation Committee of the Russian Federation

**V.V. Ustinov,**

doctor of law, professor, Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in South Federal District

**I.N. Zubov,**

doctor of law, professor, secretary of state — deputy minister of Interior of the Russian Federation

**S.S. Abdulhanov,**

Chief Justice of the Constitutional Court of the Chechen Republic, Honored lawyer of the Chechen Republic

**O.I. Aleksandrova,**

candidate of law, associate professor, rector of Russian Academy of Ministry of justice of the Russian Federation

**A.U. Albekov,**

doctor of law, professor, Honored master of sciences of the Russian Federation, rector of Rostov State University of Economics

**I.F. Amelchakov,**

candidate of law, associate professor, chief of Ministry of interior of Russian Federation Belgorod Institute of law

**S.N. Baburin,**

doctor of law, professor, President of Association of legal higher education institutions of the Russian Federation President of National strategy of reforms Institute

**A.M. Bagmet,**

candidate of law, acting rector of the Academy of the Investigative committee of the Russian Federation

**E.P. Bazhanov,**

doctor of historical sciences, professor, academician of the world ecological Academy, Honoured science worker of Russian Federation, rector of the Diplomatic academy of the Ministry of foreign affairs of the Russian Federation

**E.N. Barikaev,**

candidate of economics, associate professor, Head of Audit Department of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation

**A.R. Belkin,**

doctor of law, professor, professor of Moscow state university instrument engineering and informatics, academician of the RANS

**A.V. Belotserkovsky,**

doctor of physics and mathematics, professor, rector of Tver State university

**L.A. Bokeria,**

doctor of medicine, professor, academician the principal of cardiovascular surgery Science center by the name A.N. Bakulev

**S.N. Volkov,**

doctor of economics, professor, academician of the RAAS, rector of the State University of Land Use Planning

**N.S. Bondar,**

doctor of law, professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Honored master of sciences of the Russian Federation, judge of the Constitutional Court of the Russian Federation

**A.V. Bykov,**

doctor of law, professor, chief of Federal Penitentiary Service of the Russian Federation Research Institute

**G.A. Gadzhiev,**

doctor of law, professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Justice of the Constitutional Court of the Russian Federation

**G.SH. Gvetadze,**

doctor of medicine, professor, Honored doctor of the Russian Federation, Deputy Director on scientific and medical work of the Central Scientific-Research Institute of dental and Cranio-facial Research, Ministry of health of the Russian Federation

**V.Yu. Golubovsky,**  
doctor of law, professor,  
the Director of the Department  
public service personnel  
and the administration of the  
Ministry of education and science  
of the Russian Federation

**I.V. Goncharov,**  
doctor of law, professor,  
Honorable worker Russian Ministry  
of internal affairs, deputy Chief  
of the Russian interior Ministry  
Academy of management

**V.I. Grishin,**  
doctor of economics, professor,  
rector of Russian University  
of economics  
by the name G.V. Plekhanov

**A.Y. Grishko,**  
doctor of law, professor,  
Commissioner for Human Rights  
in Ryazan region

**I.V. Groshev,**  
vice-rector on scientific work  
of Tambov state university  
named after G.R. Derzhavin,  
doctor of psychological sciences,  
doctor of economics, professor,  
Honored scientist of the Russian  
Federation

**A.I. Guk,**  
candidate of philosophy, chief  
of Ministry of Interior of the  
Russian Federation Ural institute  
of law

**Yu.N. Demidov,**  
doctor of law, professor, Head  
of the All-Russian institute  
for advanced studies Russian  
interior Ministry officers

**S.N. Emelyanov,**  
candidate of pedagogics,  
associate professor, chief Vladimir  
juridical Institute of the Federal  
penitentiary service of Russia

**F.K. Zinnurov,**  
candidate of psychology,  
doctor of pedagogics, professor,  
chief of Ministry of Interior  
of the Russian Federation  
Kazan institute of law

**V.S. Ivanovskiy,**  
doctor of technical sciences,  
professor, Honored scientist  
of the Russian Federation, Head of  
the Military Academy of logistics  
the name of the General of the  
army A. Khruleva of the Ministry  
of defense of the Russian Federation

**D.G. Ioseliani,**  
doctor of medicine, professor,  
director of interventional  
cardioangiology Science center

**I.A. Kalinichenko,**  
candidate of pedagogics,  
associate professor,  
chief of Ministry of Interior  
of the Russian Federation Moscow  
University named V.J. Kikotya

**O.S. Kapinus,**  
doctor of law, professor,  
Honorable prosecutor of the Rus-  
sian Federation, rector of General  
prosecutor's office Academy

**O.G. Karpovich,**  
doctor of politics, doctor of law,  
professor, Head of Russian  
Academy of Sciences Institute  
of USA and Canada Center  
of comparative and legal research,  
first deputy director of the Institute  
for strategic research and forecasts  
of the Russian University  
of friendship of peoples

**A.V. Kikot,**  
doctor of law,  
prosecutor of Novgorod region

**A.I. Komzolov,**  
doctor of law, associate  
professor, chief of Law  
department of the Presidential  
Executive Office

**P.V. Krashenninnikov,**  
doctor of law, professor,  
Honored lawyer of the Russian  
Federation, Head of committee  
on civil, criminal, arbitration  
and procedural legislation of State  
Duma of the Russian Federation

**A.A. Krymov,**  
the head of the Academy  
of law and administration of the  
Federal penitentiary serv-  
ice of Russia, Ryazan, candidate  
of law, associate professor

**V.L. Kubyshko,**  
candidate of pedagogics, chief  
of public service and personnel  
department of the Ministry  
of Interior of the Russian Federation

**V.A. Kudin,**  
candidate of law, professor,  
Honored lawyer of the Russian  
Federation, chief of Ministry  
of Interior of the Russian  
Federation Saint-Petersburg  
University

**R.V. Kuleshov,**  
head of Department for  
coordination of scientific activity  
in the MIA management training  
Department of state service and  
personnel of the MIA of Russia,  
candidate of law

**A.A. Laskin,**  
doctor of pedagogics, professor,  
senior researcher, Research  
institute for science and education

**E.L. Loginov,**  
doctor of economics,  
twice winner of the Government  
of the RF in the field of science  
and technology, deputy director,  
Institute of market problems RAS

**V.O. Luchin,**  
doctor of law, professor,  
Honored master of sciences  
of the Russian Federation,  
Honored lawyer of the Russian  
Federation, Justicea  
of the Constitutional Court  
of the Russian Federation  
(resigned)

**V.B. Mantusov,**  
doctor of economics, professor,  
the head of the Russian  
customs Academy

**S.E. Metelev,**  
doctor of economics, professor,  
Director of the Omsk Institute  
(branch) of the Russian economic  
University named  
after G.V. Plekhanov

**G.B. Mirzoev,**  
doctor of law, professor, Honored  
lawyer of the Russian Federation  
rector of Russian legal profession  
and notariate Academy

**Y.S. Pilipenko,**  
doctor of law, First Vice President  
of Federal Chamber  
of Lawyers of the Russian  
Federation

**A.A. Rean,**  
doctor of pedagogics, professor,  
Honored scientist of the Russian  
Federation, professor of legal  
psychology of Ministry of interior  
of the of Russian Federation  
Moscow University  
named V.J. Kikotya

**G.M. Reznik,**  
doctor of law, Chairman  
of Presidium of Moscow  
Chamber of Lawyers

**B.V. Rossinsky,**  
doctor of law, professor,  
Honored lawyer of the Russian  
Federation, first Vice-rector  
of Russian Academy  
of Ministry of justice  
of the Russian Federation

**Z.A. Saidov,**  
candidate of economic sciences,  
the rector of the Chechen state  
University

**S.G. Simagina,**  
doctor of economics,  
director of Scientific  
and research institute  
of education and science

**A.V. Simonenko,**  
doctor of law, professor,  
chief of Krasnodar University  
of Ministry of Interior  
of the Russian Federation

**S.A. Solodovnikov,**  
doctor of law, professor, head  
of the Ministry of Internal Affairs  
of the Russian Federation  
in the Kirov region

**S.V. Stepashin,**  
doctor of law, professor,  
president of the Russian book union

**T.Sh. Tinikashvili,**  
doctor of economics, deputy  
chairman of the Assembly  
of representatives of Vladikav-  
kaz, professor of «Finance and  
credit» of the North Osetia state  
university K.L. Khetagurova

**Yu.V. Toropin,**  
candidate of law, first deputy  
head of the Academy  
of the interior Ministry  
of Russia, Honored Worker  
of the USSR Ministry  
of internal affairs, Ministry  
of internal affairs Fellow Russian

**A.G. Khabibulin,**  
doctor of law, professor

**A.M. Tsaliev,**  
doctor of law, professor, president  
of the Constitutional court  
of North Osetia Republic — Alania

**Y.A. Tsyppin,**  
doctor of economics, professor,  
chairman of the Educational  
and Methodological Center  
«Professional textbook»

**N.M. Chepurnova,**  
doctor of law, professor,  
Honored lawyer of the Russian  
Federation,  
professor of the department  
of state and legal disciplines  
of the Institute of public service  
and administration, Academy  
of national economy and state  
service under the Russian  
Federation President

**B.S. Ebzeev,**  
doctor of law, professor,  
Honored master of sciences  
of the Russian Federation,  
Honored lawyer of the Russian  
Federation, member of Central  
election commission  
of the Russian Federation

**N.D. Eriashvili,**  
candidate of history, candidate  
of law, doctor of economics,  
professor, winner of an Award  
of the Government of the  
Russian Federation, chief editor  
of the «Law and legislation»

**M.A. Eskindarov,**  
doctor of economics, professor,  
Honored master of sciences  
of the Russian Federation rector  
of the Financial University under  
the Government of the Russian  
Federation

### Foreign members of an Editorial board

**V.V. Bachila,**  
candidate of law, associate  
professor, chief of Ministry  
of Interior of the Belarus Republic  
Academy

**G.A. Vasilevich,**  
doctor of law, professor,  
Honored Lawyer of the Belarus  
Republic

**G.S. Gurbanov,**  
doctor of law, professor, Head  
of the department of the theory  
of state and law, civil law  
and civil procedure  
of the Institute of philosophy  
and law National academy  
of sciences Azerbaijan

**G. Kvesitadze,**  
academician, president  
of the Georgian national  
Academy of sciences

**T.V. Gamkrelidze,**  
academician, Honored president  
of the Georgian national  
Academy of sciences

**V. Papava,**  
doctor of economics, professor,  
academician, rector of Tbilisi  
state University by the name  
I. Dzhavakhishvili

**A.V. Demetrashvili,**  
doctor of law, professor  
(Republic of Georgia)

**G.G. Charaev,**  
doctor of economics, professor,  
director of Russian and Georgian  
Academy

**L.M. Preygerman,**  
doctor of physico-mathematical  
sciences, professor, the President  
of the Israel independent  
Academy of development  
of sciences

**L.N. Tepman,**  
doctor of economics, professor  
(Israel independent Academy  
of development of sciences)

**R. Chingis,**  
President of the law enforcement  
university of Mongolia, professor  
and police colonel

Журнал зарегистрирован  
Комитетом Российской Федерации  
по печати

Свидетельство о регистрации  
№ 015203

Главный редактор  
Объединенной редакции  
**Н.Д. Эриашвили,**  
д-р экон. наук, канд. юрид. и истор. наук,  
проф., лауреат премии Правительства  
РФ в области науки и техники  
E-mail: nodari@unity-dana.ru

Шеф-редактор  
**Л.И. Булычева**  
E-mail: elena@unity-dana.ru

Дизайн и верстка  
**М.А. Бакаян**

Корр. пункты редакции:

в США: г. Нью-Йорк — С. Хаитов,  
тел.: (101) (718) 739-22-06;  
г.Тексаркана (шт. Техас) — К.Ховард,  
тел.: (903) 667-38-02;  
в Грузии: г. Тбилиси — А.Клдеисели,  
тел.: 8-10995322-42-12-07

© «Закон и право»

Учредитель:  
Издательство «ЮНИТИ-ДАНА»

Генеральный директор  
**В.Н. Закаидзе**  
[www.unity-dana.ru](http://www.unity-dana.ru)  
[www.niion.org](http://www.niion.org)

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов
- За сведения, содержащиеся в рекламных объявлениях, редакция ответственности не несет
- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «ЗАКОН И ПРАВО» ссылка на журнал обязательна

Формат 60x84 1/8. Печ. л. 19,5  
Печать офсетная

Отпечатано в типографии  
«Буки Веди» ООО «Ваш  
полиграфический партнер»

Москва, Ильменский пр-д, д. 1,  
корп. 6.  
Тел.: (495) 926-63-96

Цена договорная. Тираж 3000 экз.  
Первый завод — 1000 экз.

Адрес редакции: 123298, Москва,  
ул. Ирины Левченко, д. 1.  
Тел./факс: 8-499-740-60-14,  
8-499-740-60-15, 8-499-740-68-30

Номер подписан в печать 24.08.2015 г.

# ЗАКОН И ПРАВО

09 • 2015

## СОДЕРЖАНИЕ

### Современная жизнь ↔ в науке

**САВЧЕНКО С.А.** — Взаимодействие международного и национального права как гарантия прав и свобод человека ..... 15

**КАРНАУШЕНКО Л.В.** — Проблема формирования правовых ценностей в условиях общества риска ..... 19

**КРИКУНОВА Т.К.** — Формирование антикоррупционной направленности личности в образовательном процессе вуза. К вопросу о социальной ответственности бизнеса ..... 23

**КАРПОВ В.А.** — Основные вехи исторического развития правовой государственности в России до XIX века .... 29

### Диссертационные исследования

Теория и история права и государства;  
история учений о праве и государстве;  
конституционное право; конституционный  
судебный процесс; муниципальное право

**ГОГУРЧУНОВ Б.И.** — О статусе конституционного собрания субъекта Российской Федерации. На примере Республики Дагестан ..... 36

**БОРИСОВА О.В.** — Исследование традиции формирования принципов права ..... 39

**ВОРОБЬЕВ С.М.** — О некоторых законодательных актах, регулирующих дополнительные гарантии при реализации уголовно-процессуального института реабилитации жертв политических репрессий ..... 41

**РАМАЗАНОВА Э.Т., АГАРАБАДАНОВА Н.Р.** — Антикоррупционная экспертиза, проводимая органами прокуратуры, как способ противодействия коррупции ..... 43

**ФЕДОТОВА О.В.** — Конституционно-правовые особенности правового статуса высшего должностного лица республик в составе Российской Федерации ..... 46

**СЕМЕНЮК О.О.** — Даниил Заточник об образе великого князя ..... 50

Гражданское право; предпринимательское право;  
семейное право; международное частное право;  
гражданский процесс; арбитражный процесс

**ТКАЧЁВ В.Н.** — Об актуальных изменениях в законодательстве, исключающих возможность увольнения сотрудника органа внутренних дел, если в отношении него прекращено уголовное преследование, а также если преступность ранее совершенного им деяния устранена уголовным законом ..... 53

<b>БАБАЙЦЕВА Е.А.</b> — Средства правового регулирования предпринимательских отношений: понятие, значение, классификация .....	58
<b>СТРИГУНОВА Д.П.</b> — К вопросу о форме международного коммерческого договора .....	61
<b>КЛЮШИНА А.А., КАРТАШОВА Л.Э.</b> — Особенности возмещения работодателю затрат, связанных с обучением работника, как средство защиты интересов работодателя в Российской Федерации .....	65
<b>КУЛИЕВА Л.Р.</b> — Личные права и обязанности супругов. На основе законодательства Азербайджанской Республики .....	70
<b>ТЕР-ОВАКИМЯН А.А.</b> — Правовой статус арбитров в англо-американской системе права .....	73
<b>Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; уголовный процесс</b>	
<b>ЭРИАШВИЛИ Н.Д.</b> — Уголовное законодательство отдельных государств — участников Содружества Независимых Государств о присвоении и растрате чужого имущества .....	77
<b>ГУСЕЙНОВ Н.Д.</b> — Самовольное оставление воинской части или места службы .....	80
<b>ВИДЕНЬКИНА Ж.В., ДОБРИНСКИЙ В.А.</b> — О некоторых объективных признаках состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 210 УК РФ .....	86
<b>КРАВЧЕНКО М.Е.</b> — Оценка допустимости вещественных доказательств с точки зрения надлежащего способа их получения по уголовным делам .....	90
<b>КУРИЛОВ С.И.</b> — Научные подходы к исследованию уголовно-правовой природы компромисса .....	94
<b>СКРИПЧЕНКОВА О.В.</b> — Условия производства дознания в сокращенной форме. Проблемы совершенствования законодательства .....	97
<b>ГРИГОРЬЯН И.Г.</b> — Актуальные проблемы реализации взаимодействия органов внутренних дел и уголовно-исполнительных инспекций .....	101
<b>ЛОПАТИН С.А.</b> — К вопросу о реализации преюдиции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации .....	104
<b>Международное право; европейское право</b>	
<b>КИСЛИЦЫНА Н.Ф.</b> — Пропаганда нетрадиционных отношений среди детей: международно-правовые аспекты .....	109



**Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;  
оперативно-розыскная деятельность**

<b>РУМЯНЦЕВА И.В.</b> — Оптимизация распознавания личности военнослужащего, совершившего преступление против военной службы .....	112
<b>НЕУПОКОЕВА И.А.</b> — Обстоятельства, подлежащие установлению при допросе подозреваемого (обвиняемого) при расследовании организации незаконной миграции .....	119
<b>МАКАРОВА О.А., МАКОВЕЕВА А.Е.</b> — Криминалистическое изучение личности женщины, совершившей террористический акт .....	122
<b>ОМАЕВ А.Х.</b> — Понятие экстремизма в международном и российском праве .....	127

**Административное право; административный процесс**

<b>НАГОРНЫХ Р.В.</b> — Универсализация требований к государственной правоохранительной службе .....	133
<b>САИДОВ З.А.</b> — Административно-правовые основы регулирования экономики .....	137
<b>ЖАЛСАНОВ Б.Ц.</b> — Международные правовые принципы применения специальных средств полицией России .....	140
<b>ВАСИН В.С.</b> — Оспаривание нормативных правовых актов. I. Предмет доказывания .....	142
<b>ХАРЫБИН И.Ю.</b> — Некоторые вопросы организационного обеспечения агитационно-пропагандистской деятельности в области обеспечения безопасности дорожного движения .....	146
<b>ПОКЛАД Ю.С.</b> — Нарушение сроков рассмотрения дел об административных правонарушениях в практике арбитражных судов: основные причины. Часть III .....	148
<b>АНИКИН И.А.</b> — К вопросу о применении сотрудниками дорожно-патрульной службы ГИБДД МВД России отстранения водителей от управления транспортными средствами .....	152

**Критика и библиография**

<b>ТРОФИМОВ Е.В.</b> — Рецензия на книгу: Зеленцов А.Б. Административная юстиция. Общая часть: Теория судебного административного права .....	155
---	-----

# LAW & LEGISLATION

09 • 2015

## CONTENTS

### Modern life ↔ in the science

- SAVCHENKO S.A.**, doctor of law, associate professor Tyumen state university — **Interaction between national and international law as a guarantee of human rights protection** ..... 15
- KARNAUSHENKO L.V.**, Head of study-methodical work department Krasnodar University of Interior doctor of history, professor — **The problem of formation of legal values in the context of the risk society** ..... 19
- KRIKUNOVA T.K.**, senior researcher, Tver branch of Moscow humanitarian-economic Institute — **The formation of anti-corruption orientation of the individual in the educational process of the university. To the question of the social responsibility of business** ..... 23
- KARPOV V.A.**, Head of the Russian Audit Chamber inspection, candidate of law — **The main milestones of historical development of legal statehood in Russia to the XIX century** ..... 29

### Dissertation research

#### Theory and history of law and state; history doctrines of law and state; constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

- GOGURCHUNOV B.I.**, is the docent of chair of the constitutional and municipal law of Daghestan State University, candidate of law — **On status of the Constitutional Assembly as a subject of Russian Federation (on the example of the Republic of Daghestan)** ..... 36
- BORISOVA O.V.**, candidate of law, associate professor, department of theory and history of state and law of Law Institute of the North-Caucasus Federal State University — **The analysis of the tradition of legal principles' formation** ..... 39
- VOROBYEV S.M.**, candidate of law, associate professor, department of theory of state and law, international and European law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia — **Some of the legislative acts regulating additional safeguards in the implementation of the criminal procedure institute of rehabilitation of victims of political repressions** ..... 41
- RAMAZANOVA E.T.**, associate professor of constitutional and municipal law of Dagestan State University, candidate of law;  
**AGARABADANOVA N.R.**, — the post-graduate student of the department of constitutional and municipal law of Dagestan State University — **Anti-corruption expertise, conducted by the prosecutor's office, as a way of combating corruption** ..... 43

**FEDOTOVA O.V.**, constitutional and municipal law board's graduate student of Moscow University Ministry of Interior by the name of V. Kikot — **Constitutional and legal features of the legal status of the highest official of the republics of the Russian Federation** ..... 46

**SEMENYUK O.O.**, the graduate student of the third year in University of Russian Academy of education — **Daniil Zatochnik about the figure of great prince** ..... 50

#### **Civil law; business law; family law; private international law; civil process; the arbitration process**

**TKACHEV V.N.**, Head of service and law administration, treaty and law department, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; professor, doctor of law, Financial University under the Government of the Russian Federation; Honorary worker of Moscow Education — **On actual legislation changes that generally exclude the possibility of dismissal of internal affairs servicemen in case criminal proceedings against them are terminated, or if prior offences are decriminalized by law** ..... 53

**BABAYTSEVA E.A.**, candidate of law, associate professor of civil rights Volgograd Institute of business — **Means of legal regulation of the enterprise relations: concept, value and classification** ..... 58

**STRIGUNOVA D.P.**, candidate of law, senior lecturer, deputy head of the department of business and labor law of the State University of Management, Moscow — **On the question of the form of international commercial contract** ..... 61

**KLYUSHINA A.A.**, candidate of economic sciences, Head of the civil law disciplines, International Law Institute (Odintsovo branch);  
**KARTASHOVA L.E.**, candidate of philosophy, Head of the department of humanities and natural sciences, International Law Institute (Odintsovo branch) — **Features of compensation to the employer of the expenses connected with training of the worker, as a protection frame of interests of the employer in the Russian Federation** ..... 65

**KULIYEVA L.R.**, doctoral student of department of theory of state and law, civil law and civil process of the Institute of philosophy and law the National Academy Of Sciences Of Azerbaijan — **Individual rights and responsibilities of spouses (based on legislation of the Azerbaijan Republic)** .... 70

**TER-OVAKIMYAN A.A.**, post-graduate student (an aspirant) for the department of international private law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) — **The legal status of the arbitrators in the Anglo-American system of law** ..... 73

#### **Criminal law and criminology; penal law; criminal process**

**ERIASHVILI N.D.**, doctor of economic sciences, candidate of law, candidate of historical sciences, professor — **The criminal law of individual States parties the Commonwealth of Independent States on assignment and embezzlement** ..... 77

<b>GUSEINOV N.D.</b> , Ph. D. candidate at the Academy of the Armed Forces Azerbaijan Republic, doctor of philosophy in law — <b>Autocratic leaving of military unit or place of service</b> .....	80
--	----

<b>VIDENKINA Zh.V.</b> , senior teacher of department of criminal law Moscow university Russian Ministry of internal affairs named after V.Ia. Kikot, candidate of law; <b>DOBRINSKIY V.A.</b> , teacher of department of fire training educational and scientific complex of special training Moscow university Russian Ministry of internal affairs named after V.Ia. Kikot — <b>Some of the objective signs of structure of the crime provided by part 1 of article 210 of the Criminal code of the Russian Federation</b> .....	86
--	----

<b>KRAVCHENKO M.E.</b> , PhD student, department of criminal procedure of the Kuban state agrarian University — <b>Assessment of the admissibility of evidence in terms of the proper way to get them in criminal cases</b> .....	90
---	----

<b>KURILOV S.I.</b> , listener-master, Management Academy of MIA Russia — <b>There are scientific approaches in area of research criminally legal nature of compromise</b> .....	94
--	----

<b>SKRIPCHENKOVA O.V.</b> , graduate, Voronezh state University — <b>Procedural conditions of abbreviated inquiry: legislation improvement problems</b> .....	97
---	----

<b>GRIGORYAN I.G.</b> , associate of the Academy of the Federal penal service — <b>Actual problems of realization of interaction of internal affairs bodies and penal inspections</b> .....	101
---	-----

<b>LOPATIN S.A.</b> , post-graduate student, Moscow State Law University after named O.E. Kutafin (MSLA) — <b>On the issue of implementation of the prejudice in the criminal trial of the Russian Federation</b> .....	104
---	-----

## International trade law; European law

<b>KISLITSYNA N.F.</b> , candidate of law, assistant of the international law department RPFU, — <b>Promotion of non-traditional relationships among children: threat or reality</b> .....	109
--	-----

## Forensics; forensic expert activities; operatively-search activity

<b>RUMYANTSEVA I.V.</b> , assistant professor of criminal procedure, criminalistics and legal informatics, Baltic Federal University named after Immanuel Kant, candidate of law, associate professor — <b>Optimization of recognition of the individual soldier who has committed an offence against military service</b> .....	112
--	-----

**NEUPOKOEVA I.A.**, senior lecturer of criminalistics the Ministry of Internal Affairs Omsk academy of Russia, candidate of law — **Circumstances that warrant the establishment when questioning a suspect (accused) in the investigation of illegal migration** ..... 119

**MAKAROVA O.A.**, Phd of law, professor of the criminal procedure, criminalistics and law informational of the Law Institute Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad;  
**MAKOVEEVA A.E.**, assistant professor of criminal procedure, criminalistics and law informational of the Law Institute Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad — **Criminalistics study of the personality of the woman, who committed a terrorist act** ..... 122

**OMAEV A.Kh.**, adjunct SIC № 2 FGKU «VNII MVD of Russia» — **The concept of extremism in international and Russian law** ..... 127

### **Administrative law; administrative process**

**NAGORNIKH R.V.**, director the North-West institute (branch) of Moscow state juridical university named O.E. Kutafin, candidate of law, associate professor — **The universalization of the requirements for the state law enforcement agencies** .. 133

**SAIDOV Z.A.**, rector Chechen state University, candidate of economic sciences — **Administrative-legal bases of regulation of the economy** ..... 137

**ZHALSANOV B.Ts.**, candidate of law, associate professor of chair of administrative law of the Moscow University of the Russian Ministry of Internal affairs under names V.Ia. Kikot — **International legal principles of application of special means by police of Russia** ..... 140

**VASIN V.S.**, the judge of the arbitration court — **Challenging normative legal acts. I. Subject of proof** ..... 142

**HARYBIN I.Yu.**, graduated in a military academy of chair administrativ law department of the Orel law institute of the Interior Ministry of Russian Federation after named V.V. Lukyanova — **Some features of organizational support of agitation and propaganda activity in the field of traffic safety** ..... 146

**POKLAD Ju.S.**, applicant — **Violation of consideration terms of administrative offences cases at arbitration courts: main causes** ..... 148

**ANIKIN I.A.**, deputy commander of a platoon 2 as part of the PR traffic police Interior Ministry of Russia in the city of Arkhangelsk, a police captain, associate distance learning University of St. Petersburg Interior Ministry of Russia — **On the question of the application of the staff of traffic police of the Interior Ministry traffic police Russia removal from drivers from driving** ..... 152

### **Criticism and bibliography**

**TROFIMOV E.V.**, deputy director and head of the Chair of administrative and financial law of the North-Western Branch of the All-Russian state University of justice (Russian Law Academy under the Ministry of Justice of the Russian Federation), doctor of law, assistant professor — **Review of the textbook for the training of masters «The Overview of the Administrative Justice. The Theory of the Administrative Litigation Law» by Alexander B. Zelentsov** ..... 155

## ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ АДЬЮНКТОВ, АСПИРАНТОВ, ДОКТОРАНТОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

WWW.UNITY-DANA.RU

WWW.NIIION.ORG



ЖУРНАЛ «ЗАКОН И ПРАВО»

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Подписку на журнал можно оформить в любом почтовом отделении Российской Федерации по каталогу «Роспечать» (индекс – 45948), на электронную версию – через eLIBRARY.ru (Научная электронная библиотека)

**ВНИМАНИЕ!** Статьи проверяются в программе Antiplagiat.ru

*Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ для публикации научных работ, отражающих основное содержание диссертаций.*

*Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).*

Специально для этих целей действует рубрика «Диссертационные исследования».

Минимальный объем подачи материала — четыре страницы текста, набранного в Word.

Параметры набора: 14-й размер кегля, Times New Roman, поля: верхнее и нижнее — по 2,5 см; левое и правое — по 3,5 см.

К статье **обязательно** прилагаются:

- 1) рецензия;
- 2) аннотации на русском и английском языках (до 500 знаков каждая, включая пробелы, точки и запятые);
- 3) ключевые слова (пять — семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую) на русском и английском языках;
- 4) перевод на английский язык названия статьи;
- 5) перевод на английский язык фамилии, имени, отчества автора статьи;
- 6) электронный адрес автора, номера телефонов;
- 7) указывается УДК, ББК и научная специальность (код).

Статьи докторантов, кроме данной рубрики, могут быть помещены и в других рубриках журнала, если их тематика отвечает актуальности и цели номера.

Статьи в обязательном порядке рецензируются членами Редакционно-экспертного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами согласно порядку рецензирования рукописей. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации работы (автору сообщается об этом в письменном виде).

Гонорар за публикацию статей не выплачивается.

Аспиранты имеют право на бесплатную публикацию статей.

Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами:

- воспроизведение статьи (право на воспроизведение);
- распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение);
- перевод статьи (право на перевод).

Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается.

Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных.

Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материала при представлении статьи.

В случае нарушения перечисленных редакционных требований материал может быть возвращен автору на доработку. О внесенных изменениях автор обязан сообщить редакции (письмо в электронном виде).

При несоблюдении автором предъявляемых требований редакция имеет право отказать публиковать представленный материал с мотивированным объяснением причин отказа.

УДК 34  
ББК 67

## ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА КАК ГАРАНТИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Светлана Антоновна САВЧЕНКО,  
доцент кафедры гражданского права и процесса  
Тюменского государственного университета,  
доктор юридических наук  
E-mail: prerod72@bk.ru



Научная специальность: 12.00.02 — конституционное право;  
конституционный судебный процесс; муниципальное право

Статья выполнена при поддержке РГНФ, грант № 15-03-00626 «Доступ граждан и организаций к реализации внешней политики Российской Федерации по отношению к Северным странам»

**Аннотация.** Перед наукой и практикой стоит актуальная проблема, касающаяся механизма взаимодействия международного и национального права. Представляется возможным современное определение универсальных процедур и условий такого взаимодействия. В работе отражена авторская точка зрения на применение норм и принципов международного права во внутригосударственной сфере.

**Ключевые слова:** принципы права, приоритет закона, правовые системы, международные стандарты, трансформация норм права.

**Annotation.** One of the urgent issues of the contemporary legal science and practice concerns the mechanism of interaction between the international and national law. This article examines the existing procedures of such an interaction and the preconditions for this interaction. The author studies the existing scholarly views on the said problem while scrutinizing the issues of application of rules and principles of the international law within the legal system of the Russian Federation.

**Key words:** law principles, priority of law, legal systems, international standards, transformation of rules of law.

**К**онституционное право впервые после принятия Конституции России 1993 г. формируется под воздействием международно-правовых институтов. Возникло множество общественных отношений, которые подлежат совместному регулированию нормами международного и внутригосударственного права. Правовой основой этого служит ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, согласно которой составной частью правовой системы являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры. При коллизиях между нормами национального законодательства и нормами международных договоров применяются последние.

Конституции зарубежных стран по-разному регулируют этот важнейший вопрос иерархии законодательства.

В некоторых государствах (Бельгия, Нидерланды) заключенные ими международные договоры имеют верховенство над национальным правом, включая конституцию.

В других (Греция, Кипр, Португалия) признается верховенство международных договоров над законами страны как предшествующими присоединению к договору, так и последующими.

В третьих странах (Австрия, Венгрия) международные договоры приравниваются по силе к закону.

В четвертых странах признается верховенство лишь некоторых видов международных договоров, например касающихся прав и свобод граждан<sup>1</sup>.

Конституция России признает приоритет международных договоров Российской Федерации (ратифицированных и вступивших в силу)

над законами страны при правоприменении (ч. 4 ст. 15). В связи с этим важное значение имеет положение ст. 22 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», согласно которому если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции РФ, решение о согласии на его обязательность для России возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию РФ, или пересмотра ее положений в установленном порядке.

При этом Конституционный Суд РФ может использовать по инициативе правомочных субъектов полномочие проверять конституционность как не вступивших в силу для Российской Федерации международных договоров, так и, в определенных пределах, федеральных законов о ратификации международных договоров<sup>2</sup>.

Названная конституционная норма, определив составляющие правовой системы России, дала новое направление в развитии *конституционного процесса*, поставив перед наукой и практикой актуальную проблему механизма взаимодействия международного и национального права. В правоприменительном процессе он представляет собой *согласованное взаимодействие двух систем*, направленных на урегулирование одних и тех же отношений.

В результате существенно расширяется само понятие конституционного процесса, включающее регулирование правовых процедур, позволяющих гарантировать взаимодействие норм международного и национального законодательства в целях формирования единой непротиворечивой правовой системы.

Представляется возможным определить эту часть как *конституционный субстантивный процесс*, определяющий универсальные процедуры и условия взаимодействия международных и национальных институтов.

Лауреат Нобелевской премии Ф.А. Хайек полагает, что «Конституция должна полностью состоять из организационных правил и касаться материального (субстантивного) права в смысле универсальных правил справедливого поведения лишь путем установления самых общих атрибутов этого права, тем самым вручая правительству полномочия прибегать к принуждению для его соблюдения.

Но хотя Конституция и должна определить, что относится к субстантивному праву, распределяя в заданных пределах власть между различными частями учреждаемой ею организации, де-

тальное развитие субстантивного права она составляет законодателям и судебной практике. Конституция представляет собой своего рода надстройку, защищающую закон и гарантирующую непрерывный процесс его развития. Она также предотвращает смешение двух функций власти: обязанности следить за соблюдением правил, на которых зиждется естественный порядок общества, и обязанности использовать находящиеся в распоряжении власти материальные средства для предоставления некоторых услуг индивидам и группам»<sup>3</sup>.

Эти процедуры осуществляются в рамках правовой деятельности, состоящей в разработке и принятии нормативных актов, а также их исполнении с учетом требований международного и национального права в Российской Федерации.

Данную задачу выполняют законодательные, исполнительные, контрольные и правоохранительные органы государства. В частности, в этом процессе участвуют Федеральное Собрание РФ, Президент РФ, Правительство РФ, Министерство иностранных дел РФ, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ, иные судебные органы и органы субъектов РФ.

В условиях федеративного государства действие норм международного права обеспечивается двумя путями:

а) напрямую «по цепочке» федеральных органов, когда министерства и ведомства обеспечивают их выполнение через свои подчиненные структуры и инстанции;

б) на уровне субъектов Российской Федерации, когда их органы государственной власти обеспечивают их выполнение в рамках своей компетенции. Отсюда вытекает необходимость существования двух уровней правового регулирования обеспечения действия норм международного права: федерального и субъектов Федерации.

Субъекты Федерации в порядке реализации конституционного положения (п. «о» ст. 72 Конституции РФ) по предметам совместного ведения с Россией — «выполнение международных договоров Российской Федерации» предусматривают в своем законодательстве соответствующие нормы. Этот вопрос регулируется прежде всего в конституциях (уставах) субъектов. Однако «основные законы» субъектов идут дальше, упоминая и общепризнанные принципы, и нормы международного права.

В конституциях и уставах субъектов Российской Федерации отражается вопрос выполнения



международных обязательств России: гражданам гарантируются права и свободы в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права, гарантируются права малочисленных и коренных народов согласно общепризнанным нормам и международным договорам, граждане вправе иметь двойное гражданство на основе международных договоров РФ, иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ<sup>4</sup>.

Отдельно в юридической литературе обсуждается самостоятельный аспект — выполнение собственных соглашений с иностранными государствами и членами федераций зарубежных стран. Практически все уставы и конституции субъектов РФ предусматривают право соответствующего субъекта быть самостоятельным участником международных связей, заключать международные договоры и соглашения.

В ряде уставов и конституций отражается положение, что собственные международные соглашения являются составной частью правовой системы субъекта РФ, следовательно, подлежат такой же защите и выполнению, как и собственные законы (например, в Тюменской, Нижегородской областях, в Республике Башкортостан и других субъектах Федерации приняты специальные законы о заключении, выполнении и прекращении международных соглашений)<sup>5</sup>.

Региональные законы «обходят молчанием» органы местного самоуправления в вопросе выполнения международных договоров Российской Федерации. Законы и иные нормативные акты, устанавливающие правовой режим в той или иной сфере, закрепляют и соответствующие полномочия органов местного самоуправления.

Кроме того, они нередко содержат отсылочные нормы к международному праву или нормы о приоритете договоров, которые, безусловно, напрямую «связывают» и данные органы. Органы местного самоуправления не обязаны ждать определенных указаний или ориентиров от государственных органов или региональной власти. Принимая местные нормативные акты, они должны вписать их не только в федеральное законодательство, но и законодательство соответствующего субъекта РФ<sup>6</sup>.

Рассмотрим подробнее первую группу процедур адаптации международных принципов и норм для их применения во внутригосударственных отношениях.

Международное право закрепляет и раскрывает содержание *принципа добросовестного выпол-*

*нения международных обязательств*, а внутригосударственное право обеспечивает его реализацию на внутригосударственном уровне.

Существует две точки зрения.

Одни ученые допускают непосредственное применение международного права в федеративных государствах.

Другие утверждают, что международное право, нормы международных договоров не могут применяться компетентными органами, если они не инкорпорированы или не трансформированы в национальное право.

В отечественной международно-правовой доктрине были выдвинуты две теории приведения в действие норм международного права в рамках внутригосударственного правопорядка: теория трансформации и теория имплементации, отличающиеся друг от друга.

Суть трансформации состоит в том, что применение норм международного права в рамках внутреннего правопорядка какого-либо государства возможно только в случае придания этим международно-правовым нормам силы национального закона посредством издания внутригосударственного правового акта.

Механизм имплементации международно-правовых норм включает определенную совокупность правовых и институционных средств, используемых субъектами международного права на международном и национальном уровнях с целью реализации предписаний норм международного права. Механизм должен включать организационные и правовые формы деятельности соответствующих органов государства по осуществлению правотворчества и правоприменения<sup>7</sup>.

Термин «имплементация» ассоциируется с реализацией права, с деятельностью, представляющей собой его осуществление. Когда говорят о национально-правовой имплементации международного права, речь идет именно об осуществлении международного права<sup>8</sup>.

Принципы международного права — это нормы международного права, имеющие обязательный характер для субъектов<sup>9</sup>.

По мнению Н.А. Ушакова, «основные принципы международного права — это такие нормы общего характера, в соответствии с которыми должны устанавливаться все остальные его нормы»<sup>10</sup>.

Основные международные принципы зафиксированы в Уставе ООН, а также в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом

ООН от 24 октября 1970 г., и в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г.

Проявляется тенденция, предопределяемая Конституцией РФ, направленная на адаптацию общепризнанных принципов и норм международного права в национальную правовую систему. Этим целям служит полномочие Конституционного Суда проверять конституционность не вступивших в силу для Российской Федерации международных договоров (п. «г» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ). Без признания такого международного договора конституционным не может быть завершена процедура вступления его в силу для Российской Федерации. Противоречащие Конституции РФ международные договоры либо их отдельные положения не подлежат введению в действие и применению.

Особая роль в решении этого вопроса отводится Конституционному Суду РФ, который в процессе судебного конституционного контроля правомочен разъяснять вопрос о том, какие нормы международных договоров необходимо применять и в каких случаях.

Органы *судебной власти* также должны принимать активное участие в реализации международных обязательств России, способствовать их соблюдению и препятствовать нарушению. Все виды судов обязаны при необходимости применять в своей деятельности нормы международного права. Конституция РФ, отнеся международные договоры к правовой системе РФ, сделала это возможным, но, как показывает практика, суды редко применяют международное право в своей деятельности.

Судам отводится особая роль в толковании норм международного права. В деятельности суда сталкиваются предписания двух систем права. Как часть механизма взаимодействия международного и национального права суд должен применять нормы международного права в контексте национальной правовой системы в соответствии с ее целями и принципами, а также процессуальными нормами.

Для того чтобы верно применить норму международного права, ее следует должным образом истолковать. В случае толкования норм международного права суд адаптирует нормы *одной правовой системы к условиям и отношениям, регулируемым обычно нормами другой правовой системы.*

Примером является постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», в котором указывается, что толкование судом международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3, статьи 31—33).

Кроме того, судьи могут обращаться за разъяснением в Правовой департамент Министерства иностранных дел РФ, в Министерство юстиции РФ<sup>11</sup>.

Таким образом, *согласованное взаимодействие двух систем* международного и национального права объективно обуславливает *расширение конституционного права путем включения правовых процедур, позволяющих сформировать единую непротиворечивую правовую систему.*

*Конституционный субстантивный процесс* определяет эти универсальные процедуры и условия взаимодействия международных и национальных институтов.

<sup>1</sup> См. подроб.: Экономидес К. Взаимоотношения между международным правом и внутренним законодательством. Изд-е Совета Европы, 1994. С. 14—16.

<sup>2</sup> Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2006.

<sup>3</sup> Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек; Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; Под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 443.

<sup>4</sup> Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень: Изд-во Тюменск. гос. ун-та, 1998. С. 128—129.

<sup>5</sup> Там же. С. 130.

<sup>6</sup> Там же. С. 131.

<sup>7</sup> Волова Л.И. Международные договоры в правовых системах федеративных государств. Ростов-на-Дону: СКАГС, 2004.

<sup>8</sup> Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. Киев: Вища шк., 1980. С. 62.

<sup>9</sup> Там же. С. 27.

<sup>10</sup> Ушаков Н.А. Международное право: Основные термины и понятия. М., 1996. С. 7.

<sup>11</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

УДК 340  
ББК 67.05

## ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА РИСКА

Леонид Владимирович КАРНАУШЕНКО,  
начальник управления учебно-методической работы  
Краснодарского университета МВД России,  
доктор исторических наук, профессор  
E-mail: karnl@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 — теория и история права и государства;  
история учений о праве и государстве

**Аннотация.** Современное российское общество отличается значительными трансформациями социальных институтов и подсистем, вследствие чего исследователи нередко характеризуют его как «общество риска». В этих условиях проблема формирования правовых ценностей принимает особенно острый характер, угрожая развитием дисфункциональных социальных отношений и ростом отклоняющегося поведения.

**Ключевые слова:** право, ценности, правовые ценности, трансформации, общество риска.

**Annotation.** Modern Russian society is characterized by significant transformations of social institutions and subsystems, with the consequence that researchers often describe him as a «risk society». In these conditions the problem of formation of legal values is particularly acute, threatening the development of dysfunctional social relations and the growth of deviant behavior.

**Key words:** law, values, legal values, transformation, risk society.

В любой социальной системе ценности выполняют ряд важных функций, являясь весьма значимым элементом организации общества. Ценности способствуют сохранению стабильности социальной и социокультурной системы, представляют собой весьма действенный, проверенный временем, универсальный инструмент регуляции поведения людей. Посредством функционирующей системы ценностей, например, достигается гармонизация взаимодействий молодежи и старших поколений. Именно ценностные ориентации являются центральным элементом процесса преемственности и смены поколений, ценностная маркировка окружающего мира происходит в ходе социализации подрастающего поколения.

Социальные ценности не однородны по своей структуре, при этом каждый элемент ценностной системы связан с одним или несколькими институтами и подсистемами общества. В частности, важную роль в обществе играют правовые ценности.

Как отмечают исследователи, правовые ценности — это переживаемые людьми и определяемые культурой формы их позитивного отношения к правовой системе общества, которые обуславливают выбор поведения, соответствующий данной системе, а также юридическую оценку событий [2].

Правовые ценности, и это едва ли не самое важное их функциональное предназначение, позволяют добиться добровольного и осознанного сотрудничества подавляющего большинства членов общества на почве осознания важности соблюдения норм права. Именно такое развитие событий позволит осуществлять «мягкие» варианты социального контроля (но от этого не менее эффективные).

При стабильно функционирующей ценностно-правовой системе значительно меньшая нагрузка падает на правоохранительные органы, так как люди сознательно стараются жить по нормам закона, воздействуя и на окружающих в морально-психологическом, аксиологическом, мировоззренческом плане.

По мнению А.Н. Бабенко, ни одна правовая система не может эффективно существовать без наличия разделяемых большинством граждан основополагающих ценностей права [2].

Следовательно, мы можем утверждать, что сила правовых ценностей заключается в их признании большинством общества. Именно в таком случае они приобретут статус репрезентативных элементов социокультурной системы социума.

Следует отметить, что одной из наиболее острых и дискуссионных гносеологических проблем, связанных с исследуемой сферой, является формирование социально одобряемых, легитимных правовых ценностей. Особым объектом внимания становится механизм формирования правовых ценностей применительно к трансформирующемуся обществу, продуцирующему риск и неопределенность.

Как отмечают исследователи, процесс экстернизации правовых ценностей личности осуществляется посредством формирования правовой установки, фиксирующей на уровне конкретных мотиваций правового поведения готовность (или неготовность) к практическому соблюдению личностью нормативных требований права [7].

Подчеркнем, что усвоение индивидом правовых норм и ценностей происходит посредством функционирования так называемых агентов правовой социализации, от характера деятельности которых зависит направленность ценностных ориентаций индивидов в обществе, трансляция в социальную среду установок правомерного поведения [3].

Вместе с тем суть процесса правовой социализации заключается в приобретении индивидом представлений о праве, в усвоении навыков правомерного поведения и формировании установок на соблюдение закона. Результатом правовой социализации специалисты называют формирование индивида с развитым правосознанием, осознающего себя в качестве гражданина государства, субъекта прав и обязанностей, участника сложных и многообразных правовых отношений.

Роль агентов правовой социализации различна в отношении передачи правовой информации.

С одной стороны, семья на современном этапе своего развития переживает институциональный кризис, что (помимо прочего) выражается в

снижении ее эффективности как агента социализации в целом.

С другой стороны, правовая социализация как один из аспектов социализации личности в целом обладает своей спецификой, поскольку предполагает передачу социализирующемуся индивиду системы взглядов и представлений о праве и правовой регуляции человеческой жизнедеятельности, включая знание о конкретных правовых требованиях, предъявляемых государством к своим гражданам, и санкциях за их невыполнение [5].

В настоящее время становится очевидной связь правовых ценностей и менталитета респондентов.

Не секрет, что весьма значительная часть жителей нашей страны, в том числе и большие социальные группы, общности, такие, как, например, молодежь, демонстрируют эмоционально-чувственное, иррациональное отношение к институту права, следствием чего становятся специфические правовые ценности (в ряде случаев — нигилистические, антиправовые). Это находит выражение и в формировании особого избирательного отношения к праву, а система правовых ценностей имеет выраженный деформированный характер.

По мнению И.А. Булановой, для российского общественного правосознания характерны две основные особенности.

Первая связана со спецификой юридического менталитета российского общества, который изначально отличался небрежным, отрицательным отношением к праву.

Вторая особенность — этатизм, включающий чрезмерную, неоправданную ориентацию на государственную власть и сопровождающийся бесправностью личности в ее отношениях с государством [3].

В.Е. Пшидаток отмечает, что россиянам как культурной общности, являющейся носителем специфического правового менталитета, традиционно присущи синкретизм и этикоцентризм правопонимания, ориентирующий на малозначимость и регулятивную недостаточность ценностей формального права, что объективно служило и служит внутрикультурным фактором девальвации правовых ценностей в личном и общественном сознании и распространению правового нигилизма [7].

Отметим, что функционирование правовых ценностей в современных российских условиях связано с рядом субъективных и объективных факторов, в своем синтезе создающих особый элемент ценностного мира, оказывающего значительное воздействие на сознание и поведение людей. При этом формирующиеся под влиянием правовых ценностей социальные практики соответствуют уровню развития социальной системы во всем многообразии ее функциональных атрибутов.

Необходимо заметить, что в любом типе общества процесс формирования правовых ценностей происходит сложно и противоречиво. Однако особую ситуацию детерминирует состояние риска и неопределенности социальной системы, свойственное периодам масштабных социальных трансформаций. В этих условиях нарушаются ставшие привычными механизмы, формы и способы передачи социального опыта, знаний, информации. Актуализируются признаки, свидетельствующие о наличии общества риска.

Ю.А. Зубок определяет общество риска как «специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска» [6, с. 163].

С точки зрения Н.Г. Волковой, общество риска — это опасное общество. Современное общество является средой, воспроизводящей неопределенность и угрозы, продуцирующей в связи с этим рисковость в сознании и поведении индивидов, социальных групп, общества в целом [4].

Как предполагает С.В. Амирханова, облик современного российского общества определяют разрушение привычных форм социального порядка, трансформация социальной структуры, роли и значения социальных классов, ценностно-нормативной системы и системы коллективной защиты [1].

Таким образом, проблема формирования правовых ценностей в условиях общества риска является актуальной и практически значимой в условиях современной России. Объясняется это тем, что в условиях социальной нестабильности, высоких скоростей происходящих изменений

нарушаются привычный порядок социальных действий и взаимодействий, особенности передачи социального опыта, общения и обмена информацией. Указанные обстоятельства особенно важны в контексте формирования правовых ценностей, в целях создания и поддержания особой социальной обстановки, способствующей генезису правовых ценностей.

Необходимо также принимать во внимание тот факт, что в условиях общества риска подвергается существенным деформациям функционально-ролевой репертуар социальных институтов и подсистем. В результате, например, ключевые агенты правовой социализации, ответственные за формирование правовых ценностей, оказываются просто не в состоянии осуществлять свои традиционные функции в объеме, необходимом для достижения целей.

Речь идет, прежде всего, об институтах семьи и образования, которые в условиях общества риска утрачивают значительную часть функций и, соответственно, ставят под угрозу процесс правовой социализации, усвоение правовых ценностей, а, следовательно, могут косвенно способствовать нарастанию тенденции криминализации и правового нигилизма.

Отдельного внимания заслуживают масс-медиа и Интернет, функциональный репертуар которых в системе массовой коммуникации трансформирующегося общества меняется с каждым годом. Растет их значимость не только как средств и способов массово-коммуникативного воздействия на сознание и поведение, но и как агентов «стихийной» социализации.

Наравне с дворовыми компаниями масс-медиа и Интернет становятся мощными ретрансляторами криминальной, антиправовой информации, отрицательного отношения к законам и праву. Излишнее увлечение антисоциальным культурным содержанием, «культурой андеграунда» приводит к распространению сериалов, фильмов, телевизионных шоу откровенной криминальной направленности, ставящих под сомнение нормы права.

Негативное социокоммуникативное и социокультурное воздействие осложняется контактами подрастающего поколения с представителями криминального мира, в результате чего на молодежь обрушивается «реклама» специфического образа жизни, идеологии, мировоззрения, антиценностей.

В условиях высокого уровня коррупции, насильственных преступлений лабильное сознание подрастающего поколения оказывается измененным, нередко утрачивает свое значение правовая информация, полученная на этапе первичной правовой социализации в семье и в образовательных учреждениях.

Обрисованная ситуация усугубляется вследствие нарастающего кризиса социальной системы, так как в состоянии стабильного функционирования общество способно продуцировать необходимые для усвоения молодежью идеалы, мировоззренческие конструкторы, специфические ценности.

Однако в условиях общества риска данные механизмы утрачивают свою силу, многое здесь уже зависит от случайных комбинаций флуктуационных процессов в социальной системе.

Данная ситуация вызывает серьезную обеспокоенность как у научного, так и социально-управленческого сообщества и диктует необходимость принятия ряда неотложных мер для оптимизации процесса формирования правовых ценностей в условиях современной России.

### **Библиографический список**

1. *Амирханова С.В.* Становление идентичности молодежи в современном обществе риска: Дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2009.

2. *Бабенко А.Н.* Правовые ценности и освоение их личностью: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.

3. *Буланова И.А.* Трансформация правовых ценностей российской студенческой молодежи в контексте глобализации: Дисс. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д., 2006.

4. *Волкова Н.Г.* Экстремальность в обществе риска: Дисс. ... канд. филос. наук. Самара, 2011.

5. *Заячковский О.А.* Проблемы правовой социализации в условиях аномии российского общества // Вестник Рос. гос. ун-та им. И. Канта. Сер.: Экономические и юридические науки. 2010. № 9.

6. *Зубок Ю.А.* Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М., 2007.

7. *Пишдаток В.Е.* Трансформация правосознания и правовых ценностей в условиях становления демократии и гражданского общества в современной России: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2007.



УДК 343. 9024 + 378  
ББК 67. 408 + 74  
Ф79

## ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА

К вопросу о социальной ответственности бизнеса



Тамара Кирилловна КРИКУНОВА,  
старший научный сотрудник, Тверской филиал Московского  
гуманитарно-экономического института  
E-mail: mgeitver@mgeitver.ru

Научная специальность: 13.00.08 — теория и методика  
профессионального образования

**Аннотация.** Коррупция является одной из самых больших угроз для безопасности страны, вызывающей в российском обществе большую тревогу и недоверие к государственным институтам, создающую негативный имидж России на международной арене. Масштабы коррупции в России, ее динамика позволяют утверждать, что это явление стало главным тормозом для роста экономики и проведения социальных преобразований. Воспринимая коррупцию как системное явление, государство создает и реализует комплексные меры по ее противодействию. Однако эти меры имеют, в основном, правовой, административный и экономический характер. В то же время личностные, поведенческие и нравственные аспекты остаются в стороне. Поэтому очень важно обратить внимание на образовательную составляющую этого явления.

**Ключевые слова:** коррупция, социальная ответственность бизнеса, этический компонент, ценностные ориентации студентов, социально ориентированные системы воспитания студентов.

**Annotation.** In the article the author suggests to pay attention to personality, behavioral and moral aspects of the measures on combating corruption, and in this regard, great importance is the educational component of this phenomenon.

**Key words:** corruption, corporate social responsibility, the ethical component, the value orientation of students, socially oriented system of education students.

О социальной ответственности, вернее безответственности бизнеса, говорят и пишут уже давно — этим фактом никого не удивишь. Социальная ответственность бизнеса неразрывно связана с коррупцией, которая, как известно, оказывает разлагающее влияние на все стороны жизни российских граждан.

Поднятая многими авторами проблема имеет многоаспектный, комплексный и междисциплинарный характер.

Безусловно, социальная составляющая занимает важное место, с этим нельзя не согласиться.

Специалисты (в частности, О.В. Нифаева) предлагают множество мер для повышения социальной ответственности бизнеса, а именно:

- разработка российского варианта стандартов социальной ответственности или адаптация международных стандартов с учетом российской специфики;
- массовое проведение общероссийских семинаров, дискуссий, «круглых» столов, телеконференций с участием заинтересованных министерств, союзов и ассоциаций предпринимателей, широкой общественности с целью обмена опытом и выработ-

ки национальной стратегии социальной ответственности бизнеса;

- информационная поддержка начинаний в социальной сфере;
- распространение идей повышения этических требований к бизнесу со стороны населения;
- присуждение национальных и региональных премий в области социальной ответственности и др. [8, с. 42].

Все эти меры, безусловно, важны и нужны, но недостаточны.

Отметим, что любой бизнесмен и чиновник первоначально были школьниками и студентами. Какой же опыт они могли приобрести на школьной и студенческой скамье?

Ответственного бизнесмена и чиновника надо растить. Он должен приобрести опыт социальной ответственности еще на школьной и студенческой скамье — это во-первых. А во-вторых, он должен иметь позитивный в этом плане пример перед глазами.

Вместе с тем исследование специалистов [3, с. 160] показало, что многие студенты (38,5%) смысл жизни видят только в достижении высокого материального положения. Падает интерес к созданию семьи: только 15,4% опрошенных хотят иметь семью. 78% опрошенных были согласны с тезисом: «Для того чтобы выжить, надо быть хладнокровным» и «Собственное благополучие превыше всего». Наименьший интерес у студенческой молодежи вызывает любовь к животным (3,1%), любовь к природе (2,5%). Такие ценности как сострадание, помощь другим, даже близким людям стоят на последнем месте в ранжированной шкале ценностей.

И хотя подобные ответы не всегда говорят в достаточно полной мере о жестокости и равнодушии молодежи, но совершенно очевидно, что они отражают духовный эгоизм личности, являются либо предпосылкой, либо следствием этого порока, который растет, подталкиваемый социально-экономической обстановкой в России. Стремление выжить, материальные заботы, а порой и откровенная нужда заслоняют собой то лучшее, духовное, что сохранялось еще в социалистический период. Особенно ярко эта линия отразилась на представлениях о патриотизме. Студенческую молодежь практически не смущает его отсутствие (39%). Утрата абсолютных ценностей, их искажение и непонимание в значительной степени способствовали утрате чувства Родины [3, с. 160].

Сегодня высокий профессионализм не всегда обеспечивает материальное благополучие, общественное признание, высокий социальный статус. Компетентность, профессиональное мастерство теряют значимость инструментальной ценности. Высокие доходы и уровень потребления, не соответствующие результатам труда, формируют асоциальный тип личности, разрушают трудовую и нравственную этику. Это общероссийская тенденция.

Не могут не тревожить планы молодого поколения: каждый десятый опрошенный надеется уже в течение ближайших пяти лет переехать за границу, а каждый пятый видит себя и свою семью вне России.

Эта ситуация — закономерный результат той политики, которая проводится в последние двадцать лет.

Специалисты подчеркивают [6, с. 148], что вся система социально значимого досуга и удовлетворения продуктивных созидательных интересов детей и молодежи как элемента образовательной среды практически подверглась разрушению.

Произошла смена вех в нравственных ценностях и исканиях молодежи. В значительной степени нивелирована ценность коллективного взаимодействия, возрастает роль и место индивидуализма. Развал общественных юношеских и детских организаций привел к разобщению деятельности людей, связанных с молодежным движением, уничтожил стройную систему для карьерного роста и формирования лидерских качеств. На смену детским организациям общественно-политического наполнения мощным потоком пошли иницируемые СМИ асоциальные молодежные объединения криминального, изотерического, клерикально-опасного, бездумно-пассивного толка, констатируют специалисты.

Официальная педагогика откликнулась на вызовы времени вялым продвижением в жизнь консервативных образовательных программ, которые, как правило, привлекают успешных детей и не распространяются на детей риска, педагогически запущенных детей [6, с. 148].

Понятно, что уход из традиционной российской культуры порядочности, совестливости, интеллигентности, духовности и превращение денег, личной выгоды, успешной конкуренции в главное мерило человеческой личности приведет и приводит к катастрофическим последствиям.

Социологи, изучающие феномен девиации и наблюдающие его эскалацию в молодежной среде, подчеркивают, что ее основанием является



аномия (рассогласованность ценностного мира, расшатывание базовых ценностей, нравственных норм и идеалов, смещение законного и незаконного). Причем именно перекося в сторону материалистических и гедонистических ценностей приводит к приоритету принципа удовольствия, которому молодой человек не всегда может противостоять, да и не видит в этом смысла. Тем более что в пространстве массовой культуры происходит тотальное перенасыщение ценностями подобного плана, ставящими под вопрос важность всех остальных.

Например, реклама как составляющий элемент массовой культуры до такой степени эксплуатирует в своих образах принцип удовольствия, что, делая его основополагающим для аудиторий, гипертрофирует его во вред иным витальным ценностям. Наркотики, алкоголь — это лестница, ведущая вниз, где с каждой новой ступенью требуется еще более изощренное удовольствие, становящееся неотъемлемой привычкой. Оно тем более противоречит жизни как ценности, наполненной смыслом, чем более зависимым становится индивид [1, с. 120].

Коммерциализация высшего образования привела к ситуации, когда талантливые представители малоимущих слоев населения не могут конкурировать со своими не столь успешными в обучении, но в имущественном плане более обеспеченными сверстниками.

Эта ситуация сузила социальную базу современного студенчества, нанесла ощутимый удар по качеству и возможностям его нового контингента, так как не все платежеспособные единицы студенчества являются подготовленными в достаточной мере для получения высшего образования, не говоря уже о способностях и готовности к специализированным и нередко интеллектуализированным областям знания, требующим концентрации и внимания, отмечают специалисты [1, с. 120].

Современная массовая культура, основным потребителем которой является молодежь, подается современными СМИ в аудиовизуальных формах, ориентированных на звук и картинку и не требующих критического восприятия. Преимущественное пребывание молодежи в этом информационном поле ведет к потере ею навыков концентрации внимания и способности воспринимать информационное сообщение целостно. Примером является подача информационного материала на телевизионных каналах и по радио, где серьезные сообщения перемежаются

с незначительными, прерываются рекламными роликами.

Подобная «мозаичная культура» трансформирует и переформатирует сознание аудитории, которое со временем становится не способным к абстрагированию, глубокому мышлению. Создается опасность, что современного молодого человека по большей части будет притягивать виртуальная реальность, но не окружающая действительность, которую незачем пытаться понимать и творчески осваивать, так как она не поражает воображение и не обладает ценностью.

Сегодня значительная часть студенческой молодежи, сориентированная современной социокультурной ситуацией в обществе на материальные и потребительские ценности, не любит свою будущую профессию, не идентифицирует себя с будущим специалистом-профессионалом. Звезды шоу-бизнеса для определенной части современной студенческой молодежи ближе, чем представители профессиональной группы, которая должна, казалось бы, восприниматься ими как референтная (инженеры, экономисты, юристы, программисты и т.д.), констатируют специалисты [1, с. 120].

Разумеется, процветающая экономика — важное условие человеческого бытия. Однако в нормальном обществе она является всего лишь условием полноценной общественной и культурной жизни, основанной на фундаменте отшлифованной тысячелетиями исторического развития нравственности, традиций своей страны, ценностей, апробированных многими поколениями и передаваемых от старших к младшим.

Кроме того, *экономические успехи в условиях аморальности невозможны*. Как учит мировой опыт, процветания оказываются достойны только страны, имеющие нормы и идеалы, свободы и запреты, санкционированные глубинными пластами эволюции национальных культур.

Абсолютизация всемогущества денег и всемогущества рынка разъедает все без исключения социальные институты общества как раковая опухоль. Взрывающиеся шахты и разрушающиеся гидроэлектростанции, падающие самолеты и неработающие космические аппараты — не столько признаки изношенности техники, сколько свидетельство катастрофического кризиса социальной инфраструктуры, перерождения важнейших социальных институтов под влиянием ущербной идеологии [2, с. 29]. Поэтому позитивные примеры со стороны государства необходимы, в том числе и с научной точки зрения, как утверждают специалисты [8, с. 43].

Какие же примеры видит современная молодежь?

В науке управления есть понятие — «закон эталонного поведения», когда подчиненные ориентируются на действия руководителя или лидера. То же происходит и на уровне государства. Если чиновники думают только о своей выгоде, берут взятки, снимают с себя даже положенные по закону социальные функции, то бизнес поступает так же. Находящаяся у власти бюрократия является плохим примером для большинства населения.

Понятно, что студенты задаются вопросом: «Им можно, а мне нельзя?»

Естественно, что, работая в фирме, офисе, других структурах, такой специалист поведет себя соответствующим образом.

Ни в коем случае не отрицая правомерность предложенных рекомендаций, хочется все же сказать, что **начинать работу по социальной ответственности бизнеса нужно с образовательных учреждений.**

В. Медведев и Ю. Татур подчеркивают, что «...наиболее ущербен специалист, у которого в составе компетентности отсутствует этический компонент. Он может быть даже опасен для общества, ведь без нравственных ограничителей его знания и умения могут быть направлены на антигуманные цели, выполнять деструктивную роль» [7, с. 46].

В начале так называемых реформ многие руководители системы образования, и не только

образования, сочли, что воспитание в системе образования вообще не нужно. Пусть лучше никакого воспитания не будет, чем коммунистическое или советское. Это была очень распространенная точка зрения. Однако жизнь показала трагические последствия подобных решений.

В настоящее время произошло резкое увеличение количества людей, особенно молодых, ценностные ориентации которых ограничиваются исключительно потребительской сферой. Наряду с этим идет деформация нравственной сферы, распространяется правовой нигилизм и идеология обогащения любым путем. Социальные функции свертываются, социальное расходится с правовым, и этот разрыв, несомненно, представляет собой наибольшую угрозу.

Отсюда очевидна необходимость построения социально ориентированных систем обучения и воспитания школьников, молодежи и студентов.

Разработанная нами концепция конструктивной социализации личности — один из шагов в этом направлении.

В основу данной концепции положен **принцип гармонизации и баланса интересов личности и общества**, предложенный В.В. Путиным еще в период его избрания Президентом на первый срок, но, к сожалению, так и нереализованный в практике за все годы его правления.

Схематично ее можно представить следующим образом.

*Потребности личности*

*Потребности общества  
(государства)*

*Индикаторы реализации  
потребностей личности  
и общества (государства)*

Потребности в самоактуализации: реализация потенциала	Потребности в развитии и процветании	Способность к саморазвитию и творчеству, познавательная активность, профессионально важные качества, целеустремленность
Потребности самоуважения: значение, компетентность	Потребности в признании и престиже	Порядочность, ответственность, интеллигентность, нравственные качества
Потребности принадлежности и любви: присоединение и принятие	Потребности в преданности и верности	Коммуникативность, патриотизм, нравственные качества
Потребности безопасности, долговременное выживание и стабильность	Потребности в безопасности и стабильности	Эмоционально-волевая устойчивость, чувство собственного достоинства и самосохранения
Физиологические потребности: голод, жажда и т.д.	Потребности самосохранения и выживания	Трудолюбие, организованность, эмоционально-волевая устойчивость

Совершенно очевидно, что и потребности личности, и потребности общества (государства) могут обеспечить люди лишь только при наличии соответствующих качеств, свойств.

Интересы и потребности общества отражены в нормативных документах: в Законе РФ «Об образовании», в стандартах образования, в учебных планах и программах.

Интересы и потребности личности представлены в трудах основоположников гуманистической психологии XX в., в частности Абрахама Маслоу.

Если потребности личности как элемента общества могут быть представлены, например, в пирамиде А. Маслоу, то совершенно очевидно, что потребности государства также можно схематично представить соответствующим образом.

Нам представляется совершенно бесспорным утверждение, или положение, что государство может быть эффективным лишь только в том случае, если существует баланс интересов, если интересы личности и общества совпадают. Эта ситуация вполне реальна и достижима, если соответствующим образом организован процесс воспитания как основа духовного формирования нации.

В соответствии с вышесказанным **воспитание** можно определить как процесс формирования социально ценных свойств личности, необходимых для жизни в обществе, на основе включения ее (личности) в педагогически целесообразную систему отношений и деятельности.

При таком подходе программа воспитания может иметь следующее содержание.

Совершенно очевидно, что основополагающими и первостепенными, определяющими все остальные потребности, являются потребности, существенные для выживания и самосохранения как отдельного человека, так и общества в целом.

Естественно, что в условиях голода, холода, эпидемий, стихийных бедствий и так далее будут парализованы функции и потребности как отдельного человека, так и общества в целом.

Разрушительное воздействие, которое оказывают недостаток или отсутствие материальных благ, например воды, описано во всех жанрах, и это не требует доказательств.

В связи с этим важное значение приобретает **экологическое воспитание, воспитание здорового образа жизни.**

Когда потребности в самосохранении и выживании в достаточной мере удовлетворены, приобретают значение другие потребности: в безопасности. Совершенно очевидно, что любая

деятельность как отдельного человека, так и общества в целом, возможна и успешна только в условиях стабильности, при установленном порядке и действии закона, в предсказуемости событий и свободе от угрозы жизни как отдельного человека, так и общества в целом. Объективно в соблюдении норм морали, нравственности, юридических законов заинтересованы и общество, и прежде всего государство, и отдельные граждане.

Многочисленные примеры из истории и окружающая жизнь свидетельствуют о том, что наивысших успехов во всех сферах общественной жизни (экономика, культура, образование, промышленность и т.д.) достигают там, где действуют законы, стабильность и порядок.

В этом смысле система нравственных, религиозных, философских убеждений позволяет человеку организовать свой мир и окружающих людей в единое, наполненное смыслом целое, таким образом давая ему возможность чувствовать себя в безопасности.

Отсюда следует вывод, что необходимость **нравственного и правового воспитания очевидна.**

Здоровое чувство достоинства одинаково необходимо и каждому человеку, и обществу в целом. Поиски близких взаимоотношений являются одной из наиболее распространенных социальных потребностей человечества.

Потребности принадлежности играют значительную роль в жизни и человека, и общества в целом. Если у граждан отсутствует верность и преданность своему отечеству, то оно легко становится добычей завоевателей, а в известных случаях просто перестает существовать. Участие в политических, религиозных, спортивных или других сплоченных группах есть стремление найти принадлежность в форме уважения и признания своей независимости и самостоятельности.

В наиболее высоком смысле потребность принадлежности находит свое выражение в любви и преданности к своему отечеству, своей родине, которую нередко ассоциируют с родной матерью.

Поэтому патриотизм является одним из самых высоких чувств, а **патриотическое воспитание** становится одной из главных задач государственной политики как необходимое условие сохранения государства, стабилизации и порядка в стране, нормального функционирования и нормальных условий для жизни людей.

Когда потребности в принадлежности достаточно удовлетворены, степень ее влияния умень-

шается, открывая дорогу потребности самоуважения, признания и престижа.

Каждому человеку важно знать, что он достойный человек, что его дела значимы для окружающих, его уважают в обществе. Уважение другими включает такие понятия, как престиж, статус и оценка. В этом случае человеку нужно знать, что то, что он делает, признается и оценивается значимыми другими.

Удовлетворение потребности самоуважения порождает чувство уверенности в себе, достоинство и сознание того, что вы полезны и необходимы в мире.

И наоборот, неудовлетворенность потребности в самоуважении порождает глубокий кризис личности.

Здоровое самоуважение основывается на заслуженном уважении другими.

Для того чтобы быть прочным, самоуважение и престиж должны основываться на нашей действительной значимости, а не на внешних факторах, находящихся вне нашего контроля.

Очевидно, что потребности уважения в жизни выражаются очень разнообразно; безусловно одно — достойное выражение потребности уважения самым прямым образом связано с нравственным самосознанием и **воспитанием общей культуры**. Это справедливо не только по отношению к отдельному человеку, но и в отношении ко всему обществу в целом.

Если потребности в уважении, признании и престиже удовлетворены, то наступает момент, когда и отдельный человек, и общество в целом нуждаются в более высоких стандартах развития и самореализации, т.е. достижения полного использования своих талантов, способностей и потенциала личности, общества и государства.

Все могут реализовать свой потенциал, выполняя наилучшим образом то, что они делают: специфические формы самореализации очень разнообразны. Именно на этом высшем уровне потребностей люди сильнее всего отличаются друг от друга.

Совершенно очевидно, что именно в профильной трудовой деятельности люди, прежде всего, получают возможность удовлетворить свои потребности в самореализации.

Именно поэтому **профессиональное трудовое воспитание и воспитание общей культуры** является важным элементом программы воспитания, потому что люди могут принести пользу и себе и другим только в том случае, если получают соответствующее воспитание, обучение и развитие.

Безусловно и то, что если государство имеет цель достичь высоких стандартов, то наилучший

способ в этом вопросе — **дать достойное воспитание своим гражданам.**

Таким образом, программа воспитания, имея в виду гармоничное сочетание и баланс интересов личности и общества, может иметь следующее содержание:

- Патриотическое воспитание
- Нравственное воспитание
- Правовое воспитание
- Воспитание здорового образа жизни
- Экологическое воспитание
- Профессиональное воспитание (трудовое, воспитание общей культуры в школах, лицеях, гимназиях, ссузах и т.д.).

Отдавая себе отчет в том, что подобная точка зрения может показаться сторонникам сложных схем очень упрощенной и не слишком научной, мы утверждаем ее в качестве базового ключевого принципа в подходах к современному обоснованию воспитания, хотя осознаем, что она может вызвать множество возражений. Однако аргументы в пользу высказанной точки зрения дает окружающая жизнь.

#### Библиографический список

1. *Босов Д.В.* Современный студент как «массовый человек» // Высшее образование в России. 2009. № 4.
2. *Запесоцкий А.С.* Философия образования и проблемы современных реформ // Вопросы философии. 2013. № 1.
3. *Зориллова Л.С.* Поиск духовных идеалов личности в науке, культуре и музыкальном искусстве: Монография. М.: Академический проект, 2008.
4. *Костин А.Е.* Корпоративная социальная ответственность и устойчивое развитие: мировой опыт и концепция для России // Менеджмент в России и за рубежом. 2005. № 3.
5. *Лапина Н.* Социальная ответственность бизнеса: какое будущее для России? // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 6.
6. *Лизинский В.М.* Педагогическое, родительское и ученическое самоуправление. М.: Центр «Педагогический поиск», 2005.
7. *Медведев В., Татур Ю.* Подготовка преподавателя высшей школы: компетентностный подход // Высшее образование в России. 2007. № 11.
8. *Нифаева О.В.* Активизация социальной ответственности российского предпринимательства // Менеджмент в России и за рубежом. 2012. № 5.
9. *Соболева И.* Социальная ответственность бизнеса: глобальный контекст и российские реалии // Вопросы экономики. 2005. № 10.
10. *Соболева И.* Социальная ответственность бизнеса и корпоративное гражданство // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 11.

УДК 342  
ББК 67.400

## ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РОССИИ ДО XIX ВЕКА

Владислав Александрович КАРПОВ,  
начальник инспекции Счетной палаты РФ,  
кандидат экономических наук  
E-mail: karpov\_va@list.ru

Научная специальность: 12.00.02 — конституционное право;  
конституционный судебный процесс; муниципальное право

**Аннотация.** В статье рассматриваются важнейшие исторические вехи становления и развития правовой государственности в России до XIX в. При этом отмечается, что основы правовой государственности в нашей стране, как и многих современных демократических институтов, формировались задолго до официального научного оформления концепции правового государства.

**Ключевые слова:** правовое государство, правовая государственность, демократические институты в России до XIX века, становление правовой государственности в России до XIX века.

**Annotation.** In the present article the most important historical milestones of formation and development of legal statehood in Russia till the XIX century are considered, thus it is noted that bases of legal statehood in our country, as well as many modern democratic institutes, were formed long before official scientific registration of the concept of the constitutional state.

**Key words:** the constitutional state, legal statehood, democratic institutes in Russia till the XIX century, formation of legal statehood in Russia till the XIX century.

Рецензент — П.Р. Сипов,  
доктор юридических наук, профессор

Концепция правового государства является одной из наиболее востребованных в современной российской политико-правовой доктрине. К ней вновь и вновь обращаются исследователи, что свидетельствует о том, что концепция эта далеко не исчерпала своего гносеологического потенциала<sup>1</sup>. На каждом историческом этапе развития российской государственности эта концепция приобретает новое звучание, открывая те грани, которые в наибольшей степени отражают потребности именно своего времени.

При этом необходимо разделять термин и обозначаемое им понятие, научную концепцию и правовое явление. Подобно демократии или праву, становление правовой государственности в России можно проследить задолго до официального внешнего оформления соответствующей научной категории.

Становление правовой государственности в России, как видится, не есть лишь (по историческим меркам незначительный) отрезок новейшей российской истории после принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. — это длительный процесс поступательного и зачастую противоречивого развития, корни которого кроются в глубокой исторической древности, уходя в эпоху появления первых демократических институтов Руси.

Начальный период отечественной государственно-правовой истории прошел под знаком поступательного развития государственного аппарата, формирования национальной модели реализации государственной власти и развития институтов народовластия.

Как справедливо отмечает С.С. Зенин<sup>2</sup>, «механизмы непосредственной демократии в России имеют глубокие исторические корни. Еще хро-

нист эпохи императора Юстиниана Прокопий Кесарийский писал: «...Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве...»<sup>3</sup>.

М.А. Исаев, характеризуя власть Киевской Руси, пишет: «в обществе, где исполнительный аппарат развит слабо, у власть предержащих есть одна только возможность добиться выполнения решения — допустить к выработке его тех, кому оно адресовано. Древнерусское государство есть яркая форма данной конструкции власти»<sup>4</sup>.

М.А. Исаев цитирует известного русского юриста В.И. Сергеевича, который отмечал: «Народ и князь суть два одинаковых существенных элемента древнерусского общественного быта: с одной стороны, народ не может жить без князя, с другой — главную силу князя составляет тот же народ. Участие народа в общественных делах проявляется под формой веча»<sup>5</sup>.

Существование и эффективное функционирование довольно развитых демократических (народовластных) институтов в период становления и развития древней российской государственности — неоспоримый факт, которому в работах отечественных исследователей-конституционалистов, теоретиков государства и права, историков государства и права уделяется должное внимание.

Например, по мнению М.А. Яндиева, «хотя парламентские традиции современной России появились относительно недавно, истоки отечественного парламентаризма можно искать в таких древних институтах народного представительства, как вече, княжеские и боярские думы, земские соборы. На протяжении многовековой истории России они служили диалогу между властью и обществом»<sup>6</sup>.

С.С. Зенин пишет: «Демократические элементы в государственном управлении играют очень важную, часто решающую роль в жизни всех русских земель от Киева до Новгорода и от Волыни до Ростово-Суздальской земли. Основываясь на нормах обычного права, славяне активно участвовали в управлении как общественными, так и государственными делами. Формами такого участия выступали всевозможные народные сходы, собрания, советы и, конечно, вече»<sup>7</sup>.

Обращает на себя внимание репрезентативность (представительность) властных институтов: они не «замыкались» на привилегированные слои общества, не сводились к аристократическим или олигархическим формам организации власти, а охватывали все социальные группы.

С.С. Зенин, например, справедливо отмечает<sup>8</sup>, что состав вечевых собраний был социально неоднороден. Здесь встречались как «низы» общества («люди», по терминологии того времени), составлявшие основную массу участников народных собраний, так и «лучшие мужи», т.е. знать. Подобно тому, как в эпоху родоплеменного строя народные собрания не обходились без племенной знати, так и в Киевской Руси непременно их участниками были высшие лица: князья, церковные иерархи, бояре, богатые купцы<sup>9</sup>. Неоднородность вечевого собрания заключалась и в том, что в нем принимали участие жители не только города, но и пригородов.

Подтверждая это, Ю.В. Пуздрач пишет, что вече было не собранием горожан, а собранием земляков, членов «земли». «Землю» он понимает как термин, аналог современного понятия «общество». «Земля» была властью над собой, вече — выражением власти, а князь — ее органом»<sup>10</sup>.

При этом существование веча и боярской думы создавало в древнерусской модели государственности противовес княжеской власти, препятствовало ее абсолютизации, более того, нередко вече имело и право избрания князя.

Т.М. Баженова, например, пишет: «Зарождение и формирование различного рода совещательных органов в ходе государственно-правового развития России началось в Древней Руси, когда у славян складывалась государственность, наряду с княжеской властью существовали и другие формы верховной власти: Боярская дума и вече. Боярская дума выступала «как постоянный совет «лучших людей» (бояр) каждой земли, решавший (вместе с князем) важные земские вопросы». Вече (от слова «вечь» — говорить) формировалось как народное собрание, прошедшее путь от «племенной сходки», при родовой организации до эпохи «вечевых собраний» в XI — XIII вв., которые признавались как «власть государственная», состояли из свободных горожан старшего города как центра общеземской власти и созывались, как правило, князем. В Древнем Новгороде, Пскове и ряде других городов вече являлось законодательным органом. В Северо-Западной Руси преобладала вечевая форма власти, в том же Новгороде вече имело право избрания князя»<sup>11</sup>.

Как справедливо отмечают исследователи, «аксиоматична та истина, что неизменный признак правового государства — народовластие,

демократия»<sup>12</sup>. При этом, как подчеркивает Б.С. Эбзеев, один из основных признаков такого государства заключается в том, что государственная власть в нем ограничена<sup>13</sup>.

Таким образом, можно говорить о том, что уже на начальных этапах развития государственно-властных институтов на Руси появляются элементы правовой государственности. Например, в Новгородской и Псковской республиках власть призванного князя ограничивалась грамотой, в которой четко перечислялись его права и ограничения, которые он не мог преступить. Тем самым устанавливалось правовое ограничение власти князя (ведь ограничение верховной власти многие современные исследователи прямо считают основой правовой государственности и смыслоопределяющим элементом понятия конституционализма)<sup>14</sup>.

Приведем характерный пример.

В Договорной грамоте Новгорода с Тверским великим князем Михаилом Александровичем, заключенной в 1371 г., закреплено: «А бес посадника ти княже, суда не судити, ни волости роздавати, ни грамот давати. А без вины мужа волости не лишите... А холоп и поручники выдавати... А в Бежицах, тебе, княже, ни твои княгини, ни твоим боярам, ни твоим слугам сел не държати, ни купити, ни даром приимати, ни по всеи волости Новгородской. А коли будет Новугороду розмирье с Немчи или с Литвою или с ыное стороне, пособляти ти, княже, по Новегороду без хытрости. А без новгородского ти слова, княже, воины не замышляти»<sup>15</sup>.

Данный документ вводит деятельность призванного в Новгород князя в строгие правовые рамки, тем самым утверждая принцип верховенства права в его деятельности на исторически обусловленном смысловом уровне, доступном пониманию современников.

Следующей важной вехой в утверждении на Руси начал правовой государственности стало появление такого демократического института, как земские соборы.

Т.М. Баженова справедливо отмечает, что «важным этапом в истории представительных органов в России стало появление земских соборов. В 1549 г. великий князь Московский Иван IV собрал представителей от бояр, духовенства, дворян и посадских людей для решения волновавших его вопросов перераспределения церковных земель. Не надеясь только на поддержку боярства и желая придать общеземскую значимость

своим притязаниям, царь созвал представителей нескольких городов. Это стало традицией: для поддержки своих начинаний царь собирал представителей «всей русской земли»<sup>16</sup>.

В.А. Никонов пишет: «по степени общественно-политического плюрализма Киевская Русь, где князь, княжеская (боярская) дума и вече были неотъемлемыми компонентами системы управления, ничем не уступала Западной Европе, если не превосходила ее. В XVI — XVII вв. царь делил власть с князьями, боярской думой и церковью, а затем и органами сословного представительства, что ничем не отличало российскую систему власти от западной. Даже в эпоху абсолютизма (XVIII — XIX вв.) способность монархов по своему усмотрению строить жизнь страны, реформировать ее была весьма ограничена наличием традиции, влиятельной бюрократии, императорской семьи, дворянского землевладения, армейской верхушки, перспективами возможных дворцовых переворотов и народных бунтов»<sup>17</sup>.

Традиции соборности в осуществлении государственной власти на Руси, таким образом, были столь действенны, что выступали своего рода морально-нравственным самоограничителем власти самодержца даже в те исторические периоды, когда формально внешних правовых ограничителей не существовало.

Демократические элементы организации государственной власти обнаруживали себя не только в представительных, совещательных органах, но также и в судебных, которые имели очень большое значение уже на ранних этапах развития российской государственности.

Например, Н.Н. Ефремова подчеркивает: «многие из сложившихся в древнюю эпоху институтов, элементов и методов осуществления правосудной функции в той или иной мере и форме возрождались и в последующие эпохи. К ним относятся в первую очередь те, что характеризуют надлежащую прогрессивную организацию правосудия: участие общественности в правосудии, состязательность, гласность и публичность процесса, медиация, доступность правосудия, беспристрастность, справедливость судебного решения и др. Подтверждение можно найти в нормативных правовых актах, составляющих законодательную основу многих судебных реформ, проводившихся в России»<sup>18</sup>.

Так, Новгородская и Псковская судные грамоты (XV в.), принятые и действовавшие в русских республиках эпохи политической раздроб-

ленности, содержали некоторые демократические элементы организации и деятельности судов, обусловленные особенностями общественного и государственного строя этих земель: судебные полномочия веча, братчин, институт судебного представительства, состязательность процесса и др.

Судебник 1497 г. завершил формирование великокняжеской юрисдикции, положив конец правовому партикуляризму и удельным «суверенитетам» эпохи раздробленности и тем самым способствовал централизации Русского государства, что само по себе было актом исторически прогрессивным.

Судебник 1550 г. при всей этатизации управления включал отдельные демократические положения: существование местных судов как элемента земского и губного самоуправления, участие общественности в обвинении (15 — 20 «добрых людей»), гарантии законности задержания (обязанность выборных лиц извещать родственников подозреваемого, право отпуска под залог и др.).

Соборное уложение 1649 г. внесло вклад в развитие законодательства о суде, кодифицировав в отдельных главах его положения. В законодательстве Петра I и Екатерины II сделаны попытки институционального и функционального обособления суда от администрации, положено начало формированию новой судебной системы<sup>19</sup>.

Еще одну предпосылку на пути становления в России начал правовой государственности на всем протяжении исторического развития Российского государства создавала традиция патернализма во взаимоотношениях с личностью и обществом.

А.С. Шабуров пишет: «среди объективных особенностей русского быта, русской жизни, предопределивших особенности российской государственности, обычно отмечают патерналистские традиции. Патернализм русского народа выражается в осознании государственного властителя как «отца», благодетеля всего народа. Отсюда идея о непогрешимости государственной власти. В государственно-правовом регулировании патернализм находит проявление в уважительном отношении не к праву, к закону, а к власти имущему, в преклонении перед властью, а не перед правом»<sup>20</sup>.

Несмотря на то что традиции патернализма выступили своего рода «замещающим фактором» по отношению к принципу правового государства, ограничения государства правом, они

создавали предпосылки для широкого внедрения в национальное правосознание самой идеи необходимости ограничения верховной власти самодержца, недопущения произвола государственной власти по отношению к подданным. Первоначально границами такого произвола выступали морально-нравственные нормы и неписанные традиции, однако на их фундаменте сформировалась позднее и система правовых ограничений.

И наконец, не следует недооценивать такой объективный фактор ограничения государственной власти, как существование в России древних и крепких традиций самоуправления, которые органически вытекали из принципов общинности и вечевой демократии, при которых все, используя современную терминологию, «вопросы местного значения» как в деревне, так и в городе, решались населением самостоятельно.

В.А. Никонов, в частности, пишет: «губное и земское самоуправление существовало на протяжении веков, как и местное самоуправление, основанное на сельской общине, мире, круговой поруке, которые распространялись на 80% населения вплоть до коллективизации. Община функционировала на фундаменте обычного права, а принадлежность к ней предполагала самоконтроль, предотвращение конфликтов, совместные трудовые усилия, взаимовыручку, приверженность моральным и религиозным ценностям, поиск согласия во имя всеобщего блага»<sup>21</sup>.

Нельзя не согласиться также с С.С. Зениным в том, что «современные формы участия населения в управлении общественными и государственными делами, получившие свое правовое закрепление относительно недавно, имеют глубокие исторические корни. Еще в Древнерусском государстве присутствовали схожие правовые механизмы»<sup>22</sup>.

В другой своей статье С.С. Зенин проводит определенные параллели между вече и предусмотренными в настоящее время законодательством о местном самоуправлении публичными слушаниями, что позволяет говорить о некоторой преемственности древнейших и новейших форм непосредственного народовластия<sup>23</sup>.

«Поражает тот факт, — пишет С.С. Зенин, — что публичные слушания в Российской Федерации и народное вече в Древней Руси имеют достаточно схожие правовые элементы в структуре данных институтов и особенностей, обусловленных практикой организации данных институтов непосредственной демократии. Главное, что в



регулировании на федеральном уровне порядка организации публичных слушаний, так же как и в вечевой организации, не устанавливалось и не устанавливается ограничений для участия жителей. Все граждане, как богатые, так и бедные, как бояре, так и черные люди, имели право быть на вече деятельными членами. В современном Новгороде при проведении публичных слушаний всем заинтересованным лицам должны быть обеспечены равные возможности для выражения своего мнения. Цензов как не существовало, так и не существует»<sup>24</sup>.

Вследствие широкого распространения различных форм самоуправления на Руси, которые вопреки устоявшемуся мнению никогда не исчезали из российской государственно-правовой практики на протяжении всех столетий существования российской государственности, в России не было такой потребности в создании огромного государственного аппарата, как во многих других странах сопоставимых исторических эпох.

Чиновничий аппарат в нашей стране, как справедливо отмечает В.А. Никонов, «во все времена вопреки распространенному заблуждению всегда был в несколько раз меньше и относительно общей численности населения, и уж тем более — размера территории, чем в государствах Запада или Востока»<sup>25</sup>.

Неоспоримый исторический факт широкого народного самоуправления в России не позволяет в настоящее время считать объективными представления о государственной машине на Руси как некоем вездесущем «левиафане», который веками всячески подавлял и уничтожал личность и какие бы то ни было права и свободы человека и гражданина.

Достаточно вспомнить, что Иван Грозный (кстати, при жизни он был Иваном Великим, о чем сейчас напоминает лишь название колокольни в Москве), который считается образцом российского самодура и царя — народного угнетателя, провел ряд реформ по расширению начал самоуправления как в городе, так и в деревне, в том числе создал систему органов земского и губного самоуправления. Тем самым власть государственных чиновников уменьшалась в пользу возрастания общественного самоуправления.

Например, И.А. Исаев пишет о губной реформе: «в первой половине XVI в. местные общества принимают на себя часть функций по местному управлению, которые прежде исполняли наместники и волостели» и о земской реформе: «по пути дальнейшего ограничения и ликви-

дации кормлений вообще пошла другая местная реформа середины XVI в. — земская. Ее целью стала замена наместников и волостелей выборными общественными властями, распространив их компетенцию на земское, местное управление и гражданское судопроизводство»<sup>26</sup>.

Таким образом, полагаем, что самодержавная власть на Руси на протяжении ряда эпох демонстрировала уникальную тенденцию добровольного самоограничения в целях достижения наиболее оптимального баланса между государственным управлением и общественным самоуправлением, создания максимально эффективной системы управления столь обширным и протяженным государством.

Однако начала правовой государственности, довольно широко представленные в России на протяжении первоначальных этапов развития государственности, к началу XVIII в. стали сворачиваться под натиском идеи и практики абсолютного самодержавия. Государственная власть поступательно эволюционировала от княжеской, затем великокняжеской к царской и затем — к императорской.

Интересны характеризующие историческую эпоху непосредственно после Петра I (XVIII в., так называемая эпоха дворцовых переворотов) рассуждения Л.П. Рассказова и И.Я. Эльмурзаева: «при Елизавете произошла стабилизация политической системы, были выработаны новые формы взаимоотношений между монархией и обществом. Это не были какие-либо письменные взаимные обязательства, скорее, императорской властью были осознаны пределы ее возможностей, которые она старалась не переступать, понимая, что в противном случае трон может закачаться. Такой вид монархии можно определить как самоограниченную. Именно эта необходимость самоограничения обусловила и относительную успешность царствования Екатерины II, которое завершилось без очередного дворцового переворота. Необходимость считаться с общественным мнением стала неотъемлемой чертой государственной системы и легла в основу политики, получившей название просвещенного абсолютизма»<sup>27</sup>.

Многие исследователи сходятся в преимущественно позитивных оценках государственной политики Екатерины II, с чьим именем связывают просвещенный абсолютизм в Российской империи. В частности, именно «Екатериной II была предпринята попытка создания сословно-представительного учреждения для участия в си-

стематизации законодательства — Комиссии для сочинения проекта Нового уложения»<sup>28</sup>.

С.С. Зенин отмечает: «в период правления Екатерины II была принята жалованная грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г.<sup>29</sup>, расширяющая полномочия жителей в сфере осуществления местного самоуправления. На основании этого правового акта в городах формировались так называемые общества градские. Согласно ст. 29 Городового положения от 21 апреля 1785 г. «городовым обывателям каждого города жалуются дозволение собираться в том городе и составить общество градское и пользоваться нижеписанными правами и выгодами». Таким путем реализовывалась государственная политика, направленная на построение системы местного самоуправления по словесному признаку»<sup>30</sup>.

Таким образом, и в эпоху просвещенного абсолютизма сохранилась традиция самоограничения власти государя и поддержки институтов местного самоуправления. Вместе с тем именно данная эпоха, просвещенный XVIII в., породила тенденцию, которая повлияла на развитие российской государственности на всем последующем историческом пути.

До той поры государственно-правовое развитие России было самообусловленным, вытекало из органических потребностей российского общества, вызванных исторически сформировавшимся комплексом географических, климатических, социокультурных, религиозных и иных факторов.

Однако установление абсолютизма ознаменовалось «прорубанием окна в Европу», через которое в Российское государство получили широкий допуск не только иностранные специалисты, занявшие значимые посты в системе государственной власти, но и иностранные правовые и общественно-политические идеи — от революционных идей французского Просвещения до теорий К. Маркса и Ф. Энгельса. С этой поры каждая эпоха развития российской государственности определялась соотношением национальных и «импортируемых» правовых идей, каждое поколение вынуждено было искать свой путь в поисках национальной правовой идентичности.

Однако не следует забывать, что многие зарубежные общественно-политические институты и теоретико-правовые концепции, которые в настоящее время порой воспринимаются в каче-

стве идеала, родились как результат компромиссов и ухищрений, обусловленных конкретно-историческими факторами в конкретных государствах с принципиально отличной от российской политико-правовой и социально-экономической действительностью. Поэтому, заимствуя такие институты и прививая их на отечественной почве, необходимо быть осторожными и делать поправку на отечественную историю, самобытные тенденции государственной и общественной эволюции Российского государства.

Вдумчивый анализ отечественной истории позволяет обнаружить многие государственно-правовые институты, которые по сути являются не менее, а в некоторых аспектах и более демократическими и соответствующими концепции правовой государственности, нежели те зарубежные, которые в современном мире воспринимаются как некий эталон.

Изложенное дает достаточные основания для того, чтобы сделать следующий **вывод** — о наличии демократических институтов и эффективной, постоянно развивающейся государственно-правовой системы на протяжении многих веков эволюции российской государственности. При этом традиции народной демократии и самоуправления, соборности и общинности органично дополнялись традициями сильной государственности, которая воплощала в себе идеалы патернализма, объединяла надежды общества на защиту и безопасное развитие.

<sup>1</sup> См.: *Кареев Н.И.* Происхождение современного народно-правового государства: исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века. М., 2014;

*Павликов С.Г.* Власть в правовом государстве: Монография. М., 2014;

*Павликов С.Г.* Источники права, конституционная и экономическая основа правового государства: Монография. М., 2014;

*Раянов Ф.М.* Теория правового государства: Монография. М., 2014;

*Старчикова В.В.* Общественный контроль в правовом государстве (теоретико-правовое исследование): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

<sup>2</sup> *Зенин С.С.* История развития форм участия населения в управлении общественными и государственными делами в России X — начала XX в. // История государства и права. 2012. № 5. С. 15.

- <sup>3</sup> Еремян В.В. Муниципальная история России. Древняя Русь (от общины-рода к общине-государству): Учеб. пособие. М., 2005. С. 24.
- <sup>4</sup> Исаев М.А. История Российского государства и права: Учебник / МГИМО (Университет) МИД России. М.: Статут, 2012. (Параграф «Власть Киевской Руси»).
- <sup>5</sup> Там же.
- <sup>6</sup> Яндиев М.А. Об истоках непосредственной демократии и парламентаризма (размышления на основе Северо-Кавказских материалов) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 22.
- <sup>7</sup> Зенин С.С. Указ. соч. С. 16.
- <sup>8</sup> Там же.
- <sup>9</sup> Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 834.
- <sup>10</sup> Пуздрач Ю.В. История российского конституционализма IX — XX веков. СПб., 2004. С. 16—21.
- <sup>11</sup> Баженова Т.М. Совецательные органы в развитии российской государственности (XVII — первая четверть XIX в.) // Рос. юрид. ж-л. 2013. № 4. С. 82—84.
- <sup>12</sup> Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование: Монография / Отв. ред. В.Е. Чиркин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 358.
- <sup>13</sup> Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. С. 152.
- <sup>14</sup> Шайо А. Самоограничение власти: Краткий курс конституционализма. М., 2001.
- <sup>15</sup> Приложение 2 к Очерку 10 «Выборы в средневековом Новгороде» // Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга — М., 2002. С. 410—411.
- <sup>16</sup> Баженова Т.М. Указ. соч.
- <sup>17</sup> Никонов В.А. Слово главного редактора // Стратегия России. 2014. № 2. С. 4.
- <sup>18</sup> См.: Ефремова Н.Н. Судебные реформы в России: традиции, новации, проблемы // Гос-во и право. 1996. № 11. С. 85—87; Ефремова Н.Н. Судебные реформы в России: преемственность и обновление // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996. С. 226—252.
- <sup>19</sup> Ефремова Н.Н. Правосудие как фактор зарождения и развития отечественной государственности // Рос. юрид. ж-л. 2013. № 1. С. 24—27.
- <sup>20</sup> Шабуров А.С. Российское государство и российская государственность: проблемы соотношения и историческое развитие // Рос. юрид. ж-л. 2013. № 1. С. 10—11.
- <sup>21</sup> Никонов В.А. Указ. соч. С. 4.
- <sup>22</sup> Зенин С.С. Указ. соч. С. 18.
- <sup>23</sup> См. подроб.: Зенин С.С. Публичные слушания и народное вече (исторический аспект) // История государства и права. 2008. № 15.
- <sup>24</sup> Там же.
- <sup>25</sup> Никонов В.А. Указ. соч.
- <sup>26</sup> Исаев И.А. История государства и права России. М., 2004. С. 125—126.
- <sup>27</sup> Рассказов Л.П., Эльмурзаев И.Я. Особенности общественно-политического развития Российского государства в XVIII в.: противостояние официальной идеологии абсолютизма и инакомыслия // История гос-ва и права. 2009. № 21.
- <sup>28</sup> Баженова Т.М. Указ. соч. С. 83.
- <sup>29</sup> Городовое положение от 21 апреля 1785 г. // ПСЗ Российской империи. СПб., 1830. Т. 22. 1784—1788 гг. С. 359—384.
- <sup>30</sup> Приложение 2 к Очерку 10 «Выборы в средневековом Новгороде» // Очерки по истории выборов и избирательного права... С. 17.

Теория и история права и государства;  
история учений о праве и государстве;  
конституционное право; конституционный  
судебный процесс; муниципальное право

---

УДК 342.53  
ББК 65.400.6

## О СТАТУСЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СОБРАНИЯ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На примере Республики Дагестан

Багавутдин Изавович ГОГУРЧУНОВ,  
доцент кафедры конституционного и муниципального права  
Дагестанского государственного университета,  
кандидат юридических наук  
E-mail: kafedraconst@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02 — конституционное право;  
конституционный судебный процесс; муниципальное право

**Аннотация.** В статье рассматривается конституционно-правовой статус и порядок деятельности Конституционного Собрания Республики Дагестан. Обосновывается необходимость избрания делегатов Конституционного Собрания непосредственно населением. Говорится о том, что Конституционное Собрание должно принимать Конституцию Республики Дагестан путем референдума после предварительного постатейного обсуждения текста Конституции Конституционным Собранием. Результатом исследования является формулирование выводов и предложений по совершенствованию правовых норм о Конституционном Собрании Республики Дагестан.

**Ключевые слова:** Конституционное Собрание, Республика Дагестан, учредительное собрание, референдум, законодательный орган, парламент.

**Annotation.** The article is devoted to consideration of the constitutional and legal status and activity's order of the Constitutional Assembly of the Republic of Daghestan. Necessity of delegates election of the Constitutional Assembly directly by the population also is considered. It's said that the Constitutional Assembly must adopt the Constitution of the Republic of Daghestan by referendum after preliminary itemized discussion of the Constitution's text by the Constitutional Assembly of the Republic of Daghestan. The result of investigation is formulating conclusions and offers in development of legal norms about the Constitutional Assembly of the Republic of Daghestan.

**Key words:** the Constitutional Assembly, the Republic of Daghestan, foundation meeting, referendum, legislation, parliament.

Обеспечение единого правового пространства является одной из актуальнейших проблем, стоящих в настоящее время перед российской государственностью<sup>1</sup>. В современной науке и практике многие ученые все большее внимание уделяют вопросам обеспечения единства правового, а также конституционно-правового пространства России<sup>2</sup>.

В Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. (ч. 1 ст. 4) закреплены основы статуса законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ. В нем «законодательный орган характе-

ризуется как постоянно действующий высший и единственный орган законодательной власти субъекта РФ»<sup>3</sup>.

В ряде субъектов Российской Федерации единственным законодательным (представительным) органом власти выступает парламент данного субъекта, а в некоторых, например в Республике Дагестан (как и в Российской Федерации), — два органа законодательной (представительной) власти: Народное Собрание Республики Дагестан (далее — РД) и Конституционное Собрание РД. Эти органы Республики Дагестан одновременно являются и законодательным и представительным органом государственной власти.

Конституционно-правовой статус Конституционного Собрания и Народного Собрания Республики Дагестан проявляется через их компетенцию, которая регулируется Конституцией РФ, федеральным законодательством, конституциями (уставами) и законами субъектов РФ.

И.В. Котелевская и В.А. Лебедев считают, что в общих чертах в компетенцию законодательных (представительных) органов государственной власти входят такие укрупненные полномочия, как:

- а) законодательные;
- б) представительские;
- в) контрольные;
- г) учредительские<sup>4</sup>.

В Республике Дагестан эти полномочия разделены между двумя органами государственной власти — Конституционным Собранием и Народным Собранием РД. Обладая общими признаками, они в то же время имеют специфические особенности, заключающиеся:

- а) в порядке образования;
- б) во времени действия их полномочий — функционирования;
- в) в объеме полномочий;
- г) в способах взаимодействия с другими органами государственной власти Республики Дагестан и т.д.

Конституционное Собрание РД является специфическим представительным органом государственной власти Республики Дагестан. Правовой статус, порядок деятельности Конституционного Собрания регулируются Законом РД «О Конституционном Собрании» от 23 ноября 2010 г. № 67 (в ред. Закона РД от 30.12.2013 г. № 106)<sup>5</sup>.

Согласно этому Закону полномочия Конституционного Собрания сужены и в соответствии

со статьями 102 и 103 Конституции Республики Дагестан Конституционное Собрание устанавливает лишь порядок внесения и рассмотрения предложений о пересмотре положений глав 1, 2 и 10 Конституции РД, порядок созыва и деятельности Конституционного Собрания.

Следует сказать, что из текста Конституции РД 2003 г. в редакции Указа Президента РД от 13 декабря 2013 г. № 333 не ясен вопрос о составе и количестве членов Конституционного Собрания.

Ответ на данный вопрос дается в Законе РД «О Конституционном Собрании» от 23 ноября 2010 г. № 67 (в ред. Закона РД от 30.12.2013 г. № 106), где в ст. 3 установлено, что в состав Конституционного Собрания РД входят: глава Республики Дагестан; государственный секретарь Республики Дагестан; депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от Республики Дагестан; депутаты Народного Собрания Республики Дагестан; члены Правительства Республики Дагестан; судьи Конституционного Суда Республики Дагестан; Уполномоченный по правам человека в Республике Дагестан; председатель Общественной палаты Республики Дагестан; главы муниципальных районов и городских округов Республики Дагестан.

Конституционное Собрание созывается Народным Собранием Республики Дагестан (впервые оно было создано 26 июля 1994 г., где им была принята новая Конституция Республики Дагестан, избраны председатель и члены Государственного Совета Республики Дагестан).

Конституционное Собрание правомочно при наличии не менее двух третей от общего числа его членов. Ранее было установлено, что новая Конституция Республики Дагестан и поправки к ней принимаются большинством голосов от общего числа членов Конституционного Собрания (или референдумом).

Сегодня согласно Конституции РД 2003 г. Конституционным Собранием или подтверждается неизменность Конституции Республики Дагестан, или разрабатывается проект новой Конституции. Он принимается Конституционным Собранием РД двумя третями голосов от установленного числа его членов или выносится на референдум Республики Дагестан<sup>6</sup>.

При проведении референдума Конституция РД считается принятой, если за нее проголосовало более половины избирателей, принимавших

участие в голосовании, при условии, что в нем приняли участие более половины избирателей Республики Дагестан.

Согласно Закону РД «О Конституционном Собрании» от 10 июля 1994 г. первое заседание Конституционного Собрания открывал председатель парламента Республики Дагестан. В настоящее же время по действующему Закону РД «О Конституционном Собрании» № 67 не понятно, на кого возложены полномочия по открытию первого заседания Конституционного Собрания РД. Думаем, данное полномочие следует возложить на главу Республики Дагестан либо на председателя Народного Собрания РД.

Проект новой Конституции Республики Дагестан представляет Конституционному Собранию председатель Конституционной комиссии Республики Дагестан. Согласно Закону РД «О Конституционном Собрании» № 67 полномочия по ведению заседаний Конституционного Собрания РД возложены на председателя Конституционного Собрания, а в его отсутствие — на заместителя председателя Конституционного Собрания. Они также подписывают принимаемые постановления Конституционного Собрания, которые являются обязательными к исполнению и не могут быть пересмотрены органами государственной власти Республики Дагестан. Для организации и проведения голосования по этим вопросам также создается Счетная комиссия.

Исходя из особого «учредительного» характера Конституционного Собрания, способа его формирования, а также из того, что избирательное право России «еще не исчерпало всех своих возможностей» в организации различных институтов политической власти<sup>7</sup>, для обеспечения гражданского доверия выборным политическим институтам и придания легитимного характера механизму их формирования и функционирования необходимо избрание делегатов Конституционного Собрания непосредственно населением.

Современный же состав Конституционного Собрания РД, исходя из текста Закона, формируется из лиц, занимающих определенные государственные и муниципальные должности и, соответственно, в той или иной форме соподчиненных главе республики. Они находятся в прямой

или косвенной зависимости от него и под угрозой отставки или роспуска (парламента) могут принять и поддержать любые его решения под административным давлением: формально «жесткая» Конституция РД может фактически перейти на уровень «гибкой».

Думается, что Конституционное Собрание должно принимать Конституцию РД путем референдума после предварительного постатейного обсуждения текста Конституции Конституционным Собранием РД и проводить референдум в установленный государством «единый день голосования».

<sup>1</sup> Магомедов Ш.Б. Конституционно-правовые проблемы обеспечения единого правового пространства в Российской Федерации: мониторинг регионального законодательства. 2010 // URL: [http://www.juristlib.ru/book\\_10426.html](http://www.juristlib.ru/book_10426.html) (Дата обращения — 10.06.2015)

<sup>2</sup> См.: Азизова В.Т. Роль обеспечения единства правового пространства Российской Федерации как фактор укрепления ее национальной безопасности // Вестник Дагестанск. гос. ун-та. 2013. № 2. С. 28—31;

Филиппов А.Н. Конституционно-правовой механизм обеспечения единства правового пространства Российской Федерации: понятие и содержание // Проблемы в российском законодательстве. 2013. № 4. С. 20—22;

Габиева С.М., Гаджиева Х.В. Понятие и содержание единства правового пространства как конституционно-правовой категории в условиях федеративной организации Российского государства // Право и политика. 2012. № 2. С. 267—272.

<sup>3</sup> Конституционное право Российской Федерации / Отв. ред. В.А. Кряжков. М.: Городец-издат, 2002. С. 419.

<sup>4</sup> См.: Котелевская И.В. Современный парламент // Гос-во и право. 1997. № 3. С. 9;

Лебедев В.А. Проблема организации и деятельности законодательной власти в субъектах Российской Федерации: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 25.

<sup>5</sup> О Конституционном Собрании: Закон Республики Дагестан от 23.11.2010 г. № 67 (в ред. Закона РД от 30.12.2013 г. № 106) // СПС «Консультант Плюс»

<sup>6</sup> Ишеков К.А. Реализация конституций и уставов субъектов Российской Федерации органами государственной власти: конституционно-правовое исследование: Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 284.

<sup>7</sup> Князев С.Д. Предмет современного российского избирательного права // Гос-во и право. 2000. № 5. С. 33.

УДК 340.13  
ББК 67.0

## ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАДИЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ ПРАВА

Оксана Викторовна БОРИСОВА,  
доцент кафедры  
теории и истории государства и права  
Северо-Кавказского федерального университета,  
кандидат юридических наук  
E-mail: ovbst@bk.ru

Научная специальность: 12.00.01 — теория и история права и государства;  
история учений о праве и государстве

**Аннотация.** Автором предпринята попытка выявить традиции формирования правовых принципов на примере конституционного и налогового законодательства. В целом принципы деятельности в области экономики обозначены в Конституции РФ. Вместе с тем можно констатировать и появление особой традиции формирования новых принципов законодательства о налогах и сборах — это принципы, которые выявляются и формулируются Конституционным Судом РФ на основе анализа взаимосвязанных норм Конституции РФ.

**Ключевые слова:** принципы права, правовая позиция, Конституционный Суд РФ, налоговое право, доктрина.

**Annotation.** The authoress tried to reveal traditions of legal principles' formation by the example of constitutional and tax legislation. The principles of working in the sphere of economics are marked in general in the Constitution of the Russian Federation. At the same time one may affirm an appearance of a special tradition of the new taxes and fees legislative principles' formation — these principles are revealed and stated by the Constitutional Court of the Russian Federation on the basis of interrelated propositions' analysis of the Constitution of the Russian Federation.

**Key words:** legal principles, legal position, Constitutional Court of the Russian Federation, tax law, doctrine.

Принимая во внимание, что нормы налогового закона не всегда приспособлены к адекватному правовому регулированию отношений, возникающих в динамичной и несовершенной области налогового законодательства, целесообразно развитие налогового права в соответствии с конституционно-правовой доктриной. В данном смысле конституционные принципы выполняют роль проводников, направляющих решение проблемы в русло обеспечения справедливости, стабильности налоговых правоотношений и соблюдения высших конституционных ценностей.

Проблема правовых принципов и в современной науке относится к числу дискуссионных.

Наиболее развернутым определением принципа как идейной quintessence в праве представляется понятие, сформулированное В.П. Гриба-

новым в том виде, что правовые принципы — это руководящие положения права, его основные начала, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определяющие сущность всей системы, отрасли или института права и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение [1].

Ориентирами стабильности права в политической конъюнктуре выступают принципы как исходные положения. Однако в сфере российского бизнеса оценка налоговых рисков является преобладающим фактором при принятии экономических решений.

Современной правоприменительной практикой обоснована значимость влияния общих и частных принципов экономики на эффективную защиту государственных интересов, развитие законодательной базы и стабильность экономичес-

ких отношений, формирование единого экономического пространства. В целом правовые принципы в области экономики обозначены в Конституции РФ.

Конституция РФ включает в себе механизм, позволяющий вводить в правовую систему новые принципы и нормы, международные правовые акты, обновлять нормы, которые регулируют динамично развивающиеся правоотношения.

Однако в теории существует мнение, что действующая Конституция РФ предоставляет значительное число поводов для сомнений в действительности некоторых из сформулированных в ней положений принципиального характера, т.е. конституционные положения, воспринимаемые как принципы, в действительности не обладают качествами принципов или имеют иные дефекты [2].

Вместе с тем проведенное нами исследование свидетельствует о появлении особой традиции формирования новых правовых принципов законодательства о налогах и сборах — это принципы, которые выявляются и формулируются Конституционным Судом РФ на основе анализа взаимосвязанных норм Конституции РФ.

Так, в ряде постановлений и определений Конституционного Суда РФ сделан акцент на принципы справедливости, юридического равенства плательщиков налогов и сборов, равного финансового обременения, законного установления обязательных платежей, экономической обоснованности налогов.

Именно принципы налогового права становятся теми ценностными ориентирами, вектором развития такого сложного социально-экономического феномена, как налоговая система.

Из положений ч. 3 ст. 75 Конституции РФ следует, что общие принципы налогообложения и сборов устанавливаются в законодательстве о налогах и сборах. Для полного представления о системе конституционных принципов налогообложения необходимо учитывать, что общие принципы налогообложения выработаны именно в рамках правовых позиций Конституционного Суда РФ. Общие принципы имеют конституционную природу, в связи с чем другие положения налогового права должны им соответствовать.

При этом мировой истории конституционного правосудия известны случаи и диаметрально

противоположного понимания роли принципов как целевых ориентиров при разрешении конкретных споров и в более широком смысле — при модификации устоев правовой системы государства либо ее построении.

Как свидетельствует А. Мавчич, для конституционной практики Словении, имевшей место до 1991 г., было характерным в отличие от Европы то, что суд избегал ссылки на общие правовые принципы, даже те, которые четко закреплены в тексте Конституции. В ходе рассмотрения дел Конституционный Суд Словении руководствовался в основном принципом самоограничения и презумпцией соответствия законов Конституции [3].

Зарубежные примеры, российская практика показывают, что общие (основные) принципы в налоговой сфере, предусмотренные международными актами, Конституцией, законами, выработанные судебной системой, являются разнообразными, многоаспектными и неформатными в каждой из стран. Идентичные казалось бы принципы имеют разное содержание и правовую интерпретацию.

Принципы налогообложения и сборов содержат общие конституционные начала и развивают их, наделяя конкретным смыслом и содержанием.

Сформулированные Конституционным Судом РФ правовые позиции служат основой устранения неопределенностей и расхождений в понимании конституционных принципов и ценностей, развития доктрины налогового права.

## Библиографический список

1. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. С. 223 (Классика российской цивилистики).
2. Лексин И.В. «Действительные» и «мнимые» конституционные принципы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 10. С. 2.
3. Мавчич А. Проблема защиты основных прав Конституционным Судом и практика Конституционного Суда Республики Словения // Защита основных прав Конституционным Судом. Избр. доклады. Страсбург: Издание Совета Европы, 1995. С. 104—105.



УДК 94  
ББК 67

## О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Сергей Михайлович ВОРОБЬЕВ,  
доцент кафедры теории государства и права, международного  
и европейского права Академии ФСИН России,  
кандидат юридических наук, доцент  
E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

Научные специальности: 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений  
о праве и государстве; 12.00.09 — уголовный процесс

**Аннотация.** Научная статья посвящена проблемам развития дополнительных гарантий при реализации уголовно-процессуального института реабилитации. Автор делает научный анализ процесса становления дополнительных гарантий реализации института реабилитации как комплексного уголовно-процессуального института, направленного на восстановление социальной справедливости в отношении жертв политических репрессий.

**Ключевые слова:** реабилитация, вред, жертвы политических репрессий, граждане, осужденные, справедливость.

**Annotation.** The article is devoted to problems of development of additional safeguards in the implementation of the criminal procedure rehabilitation Institute. The author makes a scientific analysis of the formation of additional guarantees for the implementation of the rehabilitation Institute as a comprehensive criminal procedure of the Institute aimed at filling social justice for victims of political repression.

**Key words:** rehabilitation, harm, victims of political repressions, citizens, prisoners, justice.

Правительство РФ 12 августа 1994 г. приняло постановление № 926 «Об утверждении Положения о порядке возврата гражданам незаконно конфискованного, изъятого или вышедшего иным путем из владения в связи с политическими репрессиями имущества, возмещения его стоимости или выплаты денежной компенсации»<sup>1</sup>.

В статье 1 Положения названа категория граждан, на которых оно распространяется, в частности, это жертвы политических репрессий, в том числе граждане, подвергшиеся насильственному переселению в составе репрессированных народов, против которых совершались незаконные действия по политическим мотивам на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 г., и реабилитированных в соответствии с законами РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. и «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.

Наряду с этим ст. 2 Положения, носящая разъяснительный характер, обозначает категории граждан, которые имеют право на возмещение сто-

имости или выплату денежной компенсации за конфискованное на территории Российской Федерации имущество: граждане России, граждане государств — бывших республик СССР, иностранные граждане и лица без гражданства, необоснованно репрессированные по политическим мотивам судебными, внесудебными, административными органами, а также иными органами, наделенными административными полномочиями, и впоследствии реабилитированные, независимо от того, где эти лица были репрессированы и проживают в настоящее время.

Статья 3 Положения конкретизирует случаи возврата конфискованного имущества и возмещения его стоимости. Так, возврат конфискованного имущества предусмотрен в случаях, когда оно сохранилось, а возмещение его стоимости производится тогда, когда имущество сохранилось, но не может быть возвращено по основаниям, определенным законодательством, либо реабилитированное лицо согласно вместо возврата жилья на

возмещение его стоимости. Возврат конфискованного имущества возможен также в случаях его не сохранения, но при наличии документов, подтверждающих его характер, состояние и количество, на основании которых может состояться оценка имущества. Выплата денежной компенсации производится по установлению факта конфискации имущества, даже когда отсутствуют либо утрачены документы о его характере, состоянии и количестве.

Процедуры оформления возврата конфискованного имущества и возмещения его стоимости, источники их финансирования, решение вопросов защиты нарушенных прав реабилитированных граждан в случаях возникновения споров при осуществлении таких действий предусмотрены в статьях 4—18 Положения.

В статье 8 назван размер денежного возмещения реабилитированным лицам стоимости конфискованного имущества, который не должен превышать 4000 руб. за имущество, исключая жилые дома, или 10 000 руб. за все имущество, включая жилье. Следует отметить, что размеры такой компенсации были определены по состоянию на 21 декабря 2000 г.; в нынешних экономических условиях они, безусловно, нуждаются в существенной корректировке в сторону увеличения.

24 января 1995 г. Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным был подписан Указ № 63 «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период»<sup>2</sup>. Цель Указа — восстановление исторической справедливости и законных прав российских граждан, попавших в плен и окружение в боях при защите Отечества, оказавшихся на временно оккупированной территории и репатриированных (репатриация — от позднелат. *repatriatio* — возвращение на родину) в военное и послевоенное время.

В Указе признаны противоречащими основным правам человека и гражданина политические репрессивные действия партийного и государственного руководства бывшего СССР, меры принуждения со стороны государственных органов в отношении российских граждан — бывших советских военнопленных, попавших в плен и окружение в боях против фашистских захватчиков, гражданских лиц, репатриированных в ходе войны и в послевоенный период, а также граждан, оказавшихся на временно оккупированной территории, которые по политическим мотивам необоснованно осуждались за государственные, воинские и иные преступления, направлялись в штрафные батальоны, в ссылку, высылку и на спецпоселение, подвергались проверке в сборно-пересыльных, специальных и проверочно-фильтрационных

лагерях и пунктах, в специальных запасных частях, рабочих колоннах НКО и НКВД СССР, привлекались к принудительному труду с ограничением свободы, прикреплялись к предприятиям с особо тяжелыми условиями труда, подвергались иным лишениям или ограничениям прав и свобод.

Кроме того, в Указе поручалось соответствующим министерствам и ведомствам обеспечить осуществление мероприятий по достижению его цели. Обозначенные в нем мероприятия создают, по нашему мнению, комплексный государственный механизм по восстановлению исторической справедливости и законных прав российских граждан. К таким мероприятиям относятся: выдача удостоверений участника Великой Отечественной войны; проведение освидетельствования врачебно-трудовыми экспертными комиссиями бывших советских военнослужащих; осуществление выплаты материальной компенсации бывшим советским военнопленным, подвергшимся нацистским преследованиям.

Указом Президента Российской Федерации от 23 апреля 1996 г. № 602 «О дополнительных мерах по реабилитации жертв политических репрессий» установлена дополнительная гарантия распространения положения Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» в отношении бывших детей, находившихся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении<sup>3</sup>.

Рассмотренные законодательные акты отражают меры, применяемые государством в отношении отдельно взятых категорий граждан. Помимо этого, 16 сентября 1995 г. был издан Указ Президента РФ № 948 «О мерах по осуществлению территориальной реабилитации репрессированных народов». Данным нормативным актом реабилитированным репрессированным народам предоставлено право самостоятельного решения вопросов о возвращении прежних границ территории, где они проживали до их депортации Советским государством. Это право может быть реализовано с учетом положений ч. 2 ст. 65, ч. 3 ст. 67 Конституции РФ, которыми предусмотрено, что границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия и в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ<sup>4</sup>.

Таким образом, мы констатируем вывод, что государство для обеспечения реализации уголовно-процессуального института реабилитации создает специальные нормы, направленные на обеспечение дополнительных гарантий жертв политических репрессий.

<sup>1</sup> СЗ РФ. 1994. № 18. Ст. 2082.

<sup>2</sup> Там же. 1995. № 5. Ст. 394.

<sup>3</sup> Там же. 1996. № 18. Ст. 2114.

<sup>4</sup> Там же. 1995. № 39. Ст. 3752.

УДК 342:343.37  
ББК 65.400

## АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ПРОВОДИМАЯ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ, КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Эльвира Тажутдиновна РАМАЗАНОВА,  
доцент кафедры конституционного  
и муниципального права  
Дагестанского государственного  
университета, кандидат юридических наук  
E-mail: elyaram80@mail.ru

Насибат Рабазановна АГАРАБАДАНОВА,  
аспирант кафедры конституционного  
и муниципального права  
Дагестанского государственного  
университета  
E-mail: agarabadanova19@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02 — конституционное право;  
конституционный судебный процесс; муниципальное право

**Аннотация.** Объектом исследования в научной статье является одно из направлений деятельности органов прокуратуры РФ — антикоррупционная экспертиза, проводимая в целях противодействия распространению коррупции.

Авторами подчеркивается исключительность результатов данной экспертизы, полученных органами прокуратуры, что подтверждается приведенными фактами.

В статье содержится анализ практики деятельности органов прокуратуры, осуществляемой в ходе прокурорских проверок.

**Ключевые слова:** экспертиза, прокуратура, закон, коррупция, противодействие.

**Annotation.** The object of study in a scientific paper is one of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation — the anti-corruption examination carried out in order to counter the spread of corruption.

The authors emphasize the exclusiveness of the results of this examination, the prosecutor's office received, as evidenced by the facts cited.

The article contains an analysis of practices of prosecutors, carried out in the course of prosecutorial inspections.

**Key words:** expertise, prosecutors, law, corruption, combating.

**П**ротиводействие коррупции является важнейшим стратегическим приоритетом государственной политики Российской Федерации. Коррупция — это системная проблема любого государства, угрожающая его стабильности, экономическому и финансовому развитию.

Среди факторов, способствующих массовым проявлениям коррупции, заметное место занимает низкое качество законодательства, включая коррупциогенность отдельных нормативных правовых актов. Одной из комплексных мер, направленных на принятие технически выдержанного, свободного от различного вида погрешностей законодательного акта, является проведение антикоррупционной экспертизы<sup>1</sup>.

Антикоррупционная экспертиза выполняется в целях идентификации и устранения корруп-

циогенных факторов. Под ними в ч. 2 ст. 1 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» № 172-ФЗ понимаются положения нормативных правовых актов и их проектов, создающие условия для проявления коррупции.

Межпарламентской Ассамблеей государств — участников Содружества Независимых Государств 17 мая 2012 г. был принят Модельный закон СНГ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», который регулирует юридические, организационные и другие отношения, возникающие в ходе организации и проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных

правовых актов для идентификации в них коррупционных факторов и последующего устранения в странах Содружества Независимых Государств<sup>2</sup>.

Закон возлагает обязанность исполнения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов на прокуратуру наравне с Президентом, Правительством и парламентом государства, а также исполнительными органами, которые выполняют функции в сфере юстиции.

Принципиальными отличиями антикоррупционной экспертизы, которая выполнена органами прокуратуры, от подобной экспертизы, исполненной другими санкционированными субъектами, являются:

**во-первых**, ее независимость, которая потенциально позволяет прокурорскому работнику сделать объективные выводы. Ведомственная антикоррупционная экспертиза не лишена возможности субъективного подхода в процессе нормотворческой деятельности, который подчас приводит к тому, как метко заметил А.А. Пономарев, что административные процедуры по оказанию публичных услуг «пишутся под себя»<sup>3</sup>, т.е. создают комфортные условия для служащих, которые обязаны такие услуги оказывать, а не для тех, кому они предоставляются;

**во-вторых**, результаты экспертизы, проведенной органами прокуратуры, отраженные в протесте или требовании об устранении из нормативного правового акта коррупционного фактора, не учтенные разработчиком, могут быть оспорены прокурором, который имеет право на обращение с соответствующим заявлением в суд. В то же время выводы, которые сформулированы в заключениях Министерства юстиции РФ и независимых экспертов, рассматриваются разработчиками нормативных правовых актов, но отказ от учета в разрабатываемом нормативном правовом акте сделанных рекомендаций не влечет для них никаких юридических последствий;

**в-третьих**, формально-юридический характер заключений по результатам антикоррупционной экспертизы: не обязательно должны наступать негативные последствия в виде коррупционных правонарушений. На первый взгляд кажется, что такой подход — спорный, но в этом и заключается профилактическая ценность антикоррупционной экспертизы. Мониторинг правоприменения должен играть существенную роль в выявлении коррупционных факторов в действующих нормативных правовых актах и в слу-

чае необходимости — в обосновании объективности сделанных выводов<sup>4</sup>. Речь идет о выявлении так называемых коррупционных практик, т.е. фактов правоприменения, характеризующихся коррупционными проявлениями, в том числе совершением коррупционных правонарушений.

Перечисленные различия обеспечивают эффективность выполнения антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры.

Анализ работы правоохранительных органов и правоприменительной практики показывает, что действующие нормативные правовые акты содержат значительное количество норм, способствующих злоупотреблению властными полномочиями и, как следствие, порождающих коррупцию.

Так, в апреле 2014 г. прокуратурой Республики Дагестан в ходе проведения проверки на предмет соблюдения законодательства о муниципальной службе и противодействии коррупции в администрациях районов г. Махачкалы выявлены серьезные нарушения закона и упущения в названной сфере.

По фактам выявленных нарушений законов о муниципальной службе муниципальным служащим администрации города были объявлены предостережения о недопустимости нарушения закона.

Проведенной в июне 2014 г. прокурорской проверкой соблюдения законодательства о муниципальной службе при поступлении граждан на муниципальную службу, ее прохождении и прекращении в Администрации города вновь выявлены серьезные нарушения анализируемого законодательства.

Согласно ч. 4 ст. 12.1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (далее — ФЗ № 273) и п. 8 ст. 12, ст. 15 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (далее — ФЗ № 25) муниципальные служащие обязаны представлять в установленном порядке предусмотренные законодательством Российской Федерации сведения о себе и членах своей семьи, в частности, о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Аналогичное требование содержится и в ст. 12 Закона Республики Дагестан «О муниципальной службе в Республике Дагестан».

Однако по сведениям, полученным из регионального отдела информационного обеспечения Госавтоинспекции МВД по Республике Дагестан, на 12 июня 2013 г. за рядом сотрудников Администрации города зарегистрированы транспортные средства, которые в справках о доходах не отражены.

Представив недостоверные сведения о принадлежащем имуществе, должностные лица грубо нарушили требования законодательства о муниципальной службе (статьи 12, 13 ФЗ № 25).

На наш взгляд, целый комплекс проблем возникает из-за отсутствия в районах г. Махачкалы специализированного подразделения по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции и выведению их из районных звеньев столицы в единое городское звено. Создание и функционирование такой городской группы по предупреждению, пресечению и противодействию преступлениям и правонарушениям коррупционной направленности могло бы иметь еще какие-либо положительные результаты в работе в названном направлении.

Еще одним шагом на пути улучшения ситуации может стать включение в главу 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» положений, которые бы отнесли проведение прокурором антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов к деятельности по надзору за исполнением законов, а требование прокурора, вносимое по результатам экспертизы, — к числу актов прокурорского реагирования.

В целях повышения оперативности проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы необходимо в Законе «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» предусмотреть норму, обязывающую нормотворческие органы направлять принятые нормативные правовые акты в органы прокуратуры в течение определенного срока (например, в течение семи дней).

Стоит также отметить, что приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2009 г. № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» органам прокуратуры поручено

продолжить практику информирования соответствующих органов и должностных лиц о наличии коррупционных факторов в проектах нормативных правовых актов<sup>5</sup>.

Данным приказом на прокуроров фактически возложена обязанность по проведению антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов, с единственным отличием — прокуроры не вносят требований в случае обнаружения коррупционных факторов, а только направляют информацию в орган, в котором был разработан проект.

Согласно информации, полученной от прокуроров субъектов Федерации, данная практика во многом способствует предотвращению включения коррупционных факторов в нормативные правовые акты, а также содействует уменьшению выявляемых коррупционных факторов при проведении антикоррупционной экспертизы.

В связи с этим также следует законодательно закрепить полномочия прокуроров по проведению антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов, что существенно облегчит работу органов прокуратуры в части взаимодействия с органами, осуществляющими правотворческую деятельность.

<sup>1</sup> Рамазанова Э.Т. Совершенствование законодательной техники как фактор противодействия коррупции // Юрид. вестник ДГУ. 2014. № 1.

<sup>2</sup> Дораев М.Г. Глобализация антикоррупционного законодательства: длинная рука иностранного правосудия или угроза российскому суверенитету // Законодательство. Право для бизнеса. 2015. № 11. С. 161.

<sup>3</sup> Пономарев А.А. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции // Закон и право. 2014. № 7. С. 107.

<sup>4</sup> Бикиев И.И., Кабанов П.А. Антикоррупционное планирование и программирование: правовые основы организации и оценки эффективности: учебная программа // Следователь. 2013. № 7. С. 12.

<sup>5</sup> Егоров И. Юрий Чайка о наказании продажных чиновников, скрытых преступлениях и мониторинге Интернета // Рос. газ. Столич. вып. 2012. № 5676 (3). С. 22.

УДК 342  
ББК 67

## КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА РЕСПУБЛИК В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ольга Владимировна ФЕДОТОВА,  
адъюнкт кафедры конституционного  
и муниципального права  
Московского университета МВД РФ  
имени В.Я. Кикотя  
E-mail: olyagrudacheva@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02 — конституционное право;  
конституционный судебный процесс; муниципальное право

**Аннотация.** В статье делается попытка анализа положений конституций республик в составе Российской Федерации, закрепляющих правовой статус высшего должностного лица республики. Излагаются точки зрения других исследователей по данной проблематике, а также мнение самого автора. Делаются выводы.

**Ключевые слова:** высшее должностное лицо, субъект федерации, конституция республики, Конституция Российской Федерации.

**Annotation.** This article attempts to analyze the provisions of the constitutions of the republics of the Russian Federation establishes the legal status of the highest officials of the Republic. Outlines the terms of other researchers on this issue, as well as the opinion of the author. Conclusions.

**Key words:** top executive, subject of the federation, constitution of the republic, the Constitution of the Russian Federation.

Научный руководитель — А.М. Лимонов, кандидат юридических наук, доцент

Рецензент — С.А. Егоров, кандидат юридических наук, доцент

**В**опрос реализации правовых предписаний, фиксирующих и определяющих то или иное положение субъекта, его статус в тех или иных условиях реального осуществления прав, свобод, интересов, обязанности, ответственности, опосредует одну из важнейших проблем, имеющую как теоретическое, так и сугубо прикладное значение, а именно, степень и границы взаимного влияния тех или иных нормативно-правовых установлений, обладающих статутным характером, и их практическое воплощение.

Безусловно, необходимо стремиться избежать некоторой умозрительной научности в постановке проблемы о первичности и вторичности теории и практики в отношении изучаемого объекта, в нашем случае высшего должностного лица субъекта. Тем не менее представляется

весьма интересным и наглядным изучение своеобразной эволюции статуса главы субъекта, в первую очередь статуса руководителей республик как субъектов национально-территориального устройства.

Как показала Новейшая история нашей страны, именно данные руководители (вернее, некоторые из них) выступили мощнейшими катализаторами процессов, определивших политико-правовой облик и содержание нашего государства.

Как отмечает Э.А. Орлова, правовой статус высшего должностного лица субъекта осуществляется Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством и законодательством субъектов<sup>1</sup>.

Конституция Российской Федерации устанавливает, что в совместном ведении Россий-

ской Федерации и субъектов находится установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления (п. «н» ч. 1 ст. 72).

Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» допускает учреждение соответствующей должности — высшего должностного лица субъекта. Примечательно, что Закон (как, впрочем, и Конституция) относит высших должностных лиц субъектов к *органам* государственной (исполнительной) власти субъекта.

В связи с этим, на наш взгляд, следует согласиться с мнением Э.А. Орловой, рассматривающей высшее должностное лицо субъекта, с одной стороны, как монархический исполнительно-распорядительный орган общей компетенции, а, с другой стороны, как единство монархического органа общей компетенции и системы специализированных подразделений, ему подчиненных и подконтрольных<sup>2</sup>.

Конституции республик закономерно по-разному отражают положение главы субъекта, вместе с тем отражая некоторые характерные тенденции. Рассмотрим данное положение подробнее.

Для этого обратимся к соответствующим текстам конституций республик, входящих в состав Российской Федерации: к Конституции Республики Адыгея 1995 г.<sup>3</sup>; Конституции Республики Алтай 1997 г.<sup>4</sup>; Конституции Республики Башкортостан 1993 г.<sup>5</sup>; Конституции Республики Бурятия 1994 г.<sup>6</sup>; Конституции Республики Дагестан 2003 г.<sup>7</sup>; Конституции Республики Ингушетия 1994 г.<sup>8</sup>; Конституции Кабардино-Балкарской Республики 1997 г.<sup>9</sup>; Степному уложению (Конституции) Республики Калмыкия 1994 г.<sup>10</sup>; Конституции Карачаево-Черкесской Республики 1996 г.<sup>11</sup>; Конституции Республики Карелия<sup>12</sup>; Конституции Республики Коми 1994 г.<sup>13</sup>; Конституции Республики Крым 2014 года<sup>14</sup>; Конституции Республики Мордовия 1995 г.<sup>15</sup>; Конституции Республики Северной Осетии — Алании 1994 г.<sup>16</sup>; Конституции Республики Татарстан 1992 г.<sup>17</sup>; Конституции Республики Тыва 2001 г.<sup>18</sup>; Конституции Удмуртской Республики 1994 г.<sup>19</sup>; Конституции Республики Хакасия 1995 г.<sup>20</sup>; Конституции Чеченской Республики 2003 г.<sup>21</sup>; Конституции Чувашской Республики 2000 г.<sup>22</sup>; Конституции Республики Марий Эл 1995 г.<sup>23</sup>; Конституции Республики Саха (Якутия)<sup>24</sup>.

Формулировки, используемые авторами вышеуказанных конституций, отражают ряд приме-

чательных моментов и, прежде всего, отчетливое педалирование государственной и национальной составляющей статуса республики как субъекта Федерации, некоторую демонстративность в отсутствии упоминания о Российской Федерации как таковой, что также является тенденцией конституционно-правового и государственного строительства в ряде субъектов Российской Федерации, не преодоленной до сегодняшнего дня.

Как отмечает А.К. Хадипаш, при исследовании статуса главы субъекта возможно применение схемы, содержащей как статические, так и функциональные составляющие. К первым составляющим относятся постоянные правовые характеристики, являющиеся неизменными и зафиксированными в Конституции. К их числу относятся наименование и место в системе высших органов, персональные требования, сроки занятия должности, издаваемые акты<sup>25</sup>.

Отметим, что, соглашаясь с постоянными составляющими статуса высшего должностного лица, представляется спорным постулирование их некой неизменности в силу потенциальной и реальной постоянной изменчивости конституционных положений как естественного и неизбежного процесса конституционно-правового развития государства.

Анализ положений конституций республик показывает, что высшее должностное лицо данных субъектов занимает в системе разделения властей особое место, определяемое способом замещения должности, характером поставленных целей и решаемых задач, объемом прав и обязанностей, конституционно-правовой ответственностью, взаимоотношением с другими субъектами публичной власти, что позволяет рассматривать его как ключевую фигуру в системе органов государственной власти субъекта Российской Федерации.

Республики как особые и специфические субъекты в силу их конституционно-правового положения должны быть самостоятельны, но исключительно в рамках, установленных федеральным законодательством. Предоставляя право самостоятельного определения форм взаимодействия органов государственной власти вне областей совместного ведения, необходимо априори устанавливать и предусматривать общий порядок и принципы организации подобного взаимодействия, что, к сожалению, не всегда прослеживается при закреплении и анализе правового определения положения глав республик.

Как подчеркивает Г.Р. Симонян, законодательство Российской Федерации и ее субъектов

позволяет определять высшее должностное лицо в качестве официального представителя данного субъекта, руководителя высшего органа исполнительной власти этого субъекта, а также всей системы исполнительной власти субъекта в целом. Подходы к статусу отразились в наименовании должности руководителя республики, которое должно устанавливаться с учетом национальных, исторических и иных традиций.

Как нам представляется, следует согласиться с мнением Г.Р. Симоняна о том, что учет традиций в данном вопросе не представляется возможным, поскольку подобные высшие должности руководителей субъектов являются в историческом контексте явлением достаточно новым, и уместнее говорить о закладывании традиций, нежели об их безусловном учете. Тем более, что тенденции Новейшей истории сегодня во многом поменяли свое направление.

Так, некогда главенствующее наименование руководителей республик как президентов, демонстрирующее их особое положение, в настоящее время встречается лишь в качестве исключений в некоторых субъектах (например, в Татарстане; в Кабардино-Балкарии Конституцией закреплено положение о главе республики как главе государства, что является по сути синонимом бывшей должности президента).

Данное положение связано прежде всего с тем, что, как верно замечает З.В. Беликоев, данные субъекты (подчеркнем, в частности, именно указанные выше республики) в период становления Федерации закрепляли за собой статус «государства в государстве» с претензией на собственный суверенитет и название «президент», как никакое иное, подходило для обозначения глав таких государств<sup>26</sup>.

Несмотря на то что федеральное законодательство предусматривает модель совмещения должностей руководителя республики как субъекта и высшего органа исполнительной власти субъекта, анализ приводимых положений конституций республик показал значительное своеобразие и многообразие воплощений данных установок на практике.

Например, глава Башкортостана исходя из текстуального анализа даваемого определения не является руководителем высшего органа исполнительной власти, хотя, безусловно, в соответствии с иными конституционными положениями оказывает на нее самое непосредственное влияние. Аналогичным образом определяется поло-

жение Президента Республики Татарстан — главы государства.

Анализ приводимых норм конституций республик указывает на весьма фрагментарное и недостаточное отражение и закрепление важнейшего конституционного принципа и основы государственного устройства — единства всей системы государственной власти.

Как подчеркивает Л. Бредихин, в федеративном государстве система связей между уровнями государственной власти базируется на сочетании субординации с принципиально иным характером отношений — договорным. Эффективность государственной власти зависит не только от четкости разграничения функций, но и от организации взаимодействия между уровнями власти<sup>27</sup>.

Конституционный Суд РФ подчеркнул в своем решении следующее: «федеральный законодатель вправе избирать наиболее эффективные и соразмерные конституционным целям механизмы организации государственной власти, в том числе при наделении полномочиями органов государственной власти и должностных лиц, в отношении которых соответствующий порядок прямо не предусмотрен в Конституции Российской Федерации, соблюдая при этом конституционные принципы и нормы и обеспечивая сбалансированное сочетание полномочий и интересов Российской Федерации, с одной стороны, и субъектов Российской Федерации — с другой»<sup>28</sup>.

Подчеркнем еще раз главную мысль — система и структура организации государственной власти субъектов, включая статус и положение глав республик, определяются исходя из целей, задач, принципов и норм, устанавливаемых центральными федеральными органами власти. Иными словами, центристские тенденции всегда исключают децентрализованные силы и имеют безусловный приоритет.

Таким образом, в направлении совершенствования государственного устройства, в том числе в отношении правового статуса высших должностных лиц республик, можно (и должно) заменять только то, что будет способствовать стабилизации федеративных и национальных отношений, обеспечивать дальнейшее становление и развитие наднациональных основ и принципов управления государством и общественными процессами независимо от национальной принадлежности.



- <sup>1</sup> Орлова Э.А. Конституционно-правовой статус высшего должностного лица субъекта Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 19.
- <sup>2</sup> Там же.
- <sup>3</sup> Конституция Республики Адыгея от 10.03.1995 г. (в ред. от 06.06.2012 г.) // Ведомости ЗС (Хасэ) — Парламента РА. 1995. № 16.
- <sup>4</sup> Конституция Республики Алтай (Основной закон) от 07.06.1997 г. № 21-3 (в ред. от 25.05.2012 г.) // Ведомости Государственного Собрания — Эл Курултай Республики Алтай. 1997. № 21.
- <sup>5</sup> Конституция Республики Башкортостан от 24.12.1993 г. № ВС-22/15 (в ред. от 28.06.2012 г.) // Ведомости Государственного Собрания Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. 2003. № 1 (157). Ст. 3.
- <sup>6</sup> Конституция Республики Бурятия от 22.02.1994 г. (в ред. от 27.06.2012 г.) // Бурятия. 2001. № 73.
- <sup>7</sup> Конституция Республики Дагестан от 10.07.2003 г. (с изм. и доп. от 14.06.2012 г.) // Дагестанская правда. 2003. № 159.
- <sup>8</sup> Конституция Республики Ингушетия (принята 27.02.1994 г.; с изм. и доп.) // constitution.garant.ru
- <sup>9</sup> Конституция Кабардино-Балкарской Республики от 01.09.1997 г. (в ред. от 22.06.2012 г.) // СЗ Кабардино-Балкарской Республики. 1997. № 3.
- <sup>10</sup> Степное уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 05.04.1994 г. (в ред. от 29.06.2012 г.) // Ведомости Народного Хурала (парламента) Республики Калмыкия. 1996. С. 10.
- <sup>11</sup> Конституция Карачаево-Черкесской Республики от 05.03.1996 г. (в ред. от 27.06.2012 г.) // Сборник законов Карачаево-Черкесской Республики (1995—1999). 1999. 3 дек. Ч. 1.
- <sup>12</sup> Конституция Республики Карелия от 12.02.2001 г. (в ред. от 29.06.2012 г.) // СЗ РК. 2001. № 2. Ст. 106.
- <sup>13</sup> Конституция Республики Коми от 17.02.1994 г. (с изм. и доп.) // constitution.garant.ru
- <sup>14</sup> Конституция Республики Крым (принята Государственным Советом Республики Крым 11.04.2014 г.) // constitution.garant.ru
- <sup>15</sup> Конституция Республики Мордовия от 21.09.1995 г. (в ред. от 13.06.2012 г.) // Известия Мордовии. 2011. № 36—11.
- <sup>16</sup> Конституция Республики Северная Осетия — Алания (принята Верховным Советом Республики Северная Осетия 12.11.1994 г.) (с изм. и доп.) // constitution.garant.ru
- <sup>17</sup> Конституция Республики Татарстан от 06.11.1992 г. (в ред. от 22.06.2012 г.) // Республика Татарстан. 2002. № 87—88.
- <sup>18</sup> Конституция Республики Тыва от 06.05.2001 г. (с изм. от 09.07.2012 г. № 1433 ВХ-1) // Тувинская правда. 2012. № 23.
- <sup>19</sup> Конституция Удмуртской Республики от 07.12.1994 г. (в ред. от 04.06.2012 г.) // Известия Удмуртской Республики. 1994. 21 дек.
- <sup>20</sup> Конституция Республики Хакасия от 25.05.1995 г. (с изм. от 27.06.2012 г.) // Вестник Хакасии. 2005. № 56. С. 2—24.
- <sup>21</sup> Конституция Чеченской Республики от 23.03.2003 г. (с изм. от 18.06.2012 г.) // Вести Республики. 2003. № 18.
- <sup>22</sup> Конституция Чувашской Республики (принята Государственным Советом Чувашской Республики 30.11.2000 г.) (с изм. и доп.) // constitution.garant.ru
- <sup>23</sup> Конституция Республики Марий Эл (принята Конституционным Собранием Республики Марий Эл 24.06.1995 г.) (с изм. и доп.) // constitution.garant.ru
- <sup>24</sup> Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) от 04.04.1992 г. (в ред. от 08.06.2012 г.) // Якутские ведомости. 1992. № 7.
- <sup>25</sup> Хадипаш А.К. Конституционно-правовые основы организации государственной власти в Республике Адыгея: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Д., 2007. С. 22.
- <sup>26</sup> Беликоев З.В. Глава субъекта Российской Федерации // Административное право и процесс. 2007. № 6.
- <sup>27</sup> Бредихин Л. Глава субъекта Российской Федерации в системе организации публичной власти федерального и регионального уровней // www.pandia.ru
- <sup>28</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2005 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 1.

УДК 340  
ББК 67

## ДАНИИЛ ЗАТОЧНИК ОБ ОБРАЗЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Ольга Олеговна СЕМЕНЮК,  
аспирант Университета Российской академии образования,  
преподаватель Московского финансово-  
юридического университета (МФЮА)  
E-mail: semenyuk-88@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.01 — теория и история права и государства;  
история учений о праве и государстве

**Аннотация.** В статье рассказывается о загадочном памятнике «Слово — Моление» Даниила Заточника. Произведения, приписываемые Даниилу, получили широкую известность и популярность. Наибольшее внимание уделено желаемой форме правления. Возвышая значение единой, сильной верховной власти, Даниил традиционно полагает, что управлять страной князь обязан совместно с Советом, который он впервые называет Думой.

**Ключевые слова:** «Моление», «Слово», Дума, князь, сильная княжеская власть, дворянство, ограниченная монархия, боярское самоуправство, войско.

**Annotation.** This article is about mysterious monument «Word — Praying» of Daniil Zatochnik. The creations of Daniil got a huge popularity and fame. The big attention was made for a desired form of government. Raising the value of a single strong supreme power, Daniil traditionally believes that its necessary for a prince to control the country with a Soviet, which he calls «Duma».

**Key words:** «Praying», «Word», Duma, prince, strong power of the prince, nobility, limited monarchy, lordly arbitrariness, army.

Научный руководитель и рецензент — Н.М. Золотухина, доктор юридических наук, профессор

Традиции русской политической мысли домонгольского периода нашли свое отражение в произведении, появившемся в период феодальной раздробленности, которое приписывается Даниилу Заточнику или Данилу Заточенному. По-видимому, это было в конце XII или в начале XIII в., когда центры русской политической жизни переместились из Южной Руси в Северо-Восточную.

Слух о завоевательных походах монгольского государства уже распространился по русским землям, и страх перед этим событием выражен Даниилом в заключительных словах «Моления»: «Не дай же, Господи, в полон земли нашей языком, не знающим Бога, да не рекут иноплеменицы: где есть Бог их...».

Все рукописи, атрибутируемые Даниилу Заточнику, в его историографии принято разделять на две редакции. Одну из них, обычно называемую «Словом» Даниила Заточника, исследовате-

ли относят к XII в., а другую — «Моление», адресованную Ярославу Всеволодовичу, — к XIII в.<sup>1</sup>

Однако вопрос о хронологическом происхождении редакций не разрешен и по настоящее время.

Центральной политической фигурой памятника служит образ идеального великого князя. Он привлекателен внешне («глас сладок», а «образ красен»)<sup>2</sup>, он милостив (рука его всегда «согбена на подаяние убогим»)<sup>3</sup>, его управление крепко и справедливо («дуб крепок множеством корения, тако и град наш твоею державою»)<sup>4</sup>.

Князь не жесток, он украшен милостью («весна украшает землю цветами, а ты нас, княже, украшаешь милостью своею»); он не дает своим людям в обиду и защищает их «страхом грозы своей, аки оградом твердым»<sup>5</sup>. Всем, кто неправедно «от богатых потопляем», князь оказывает «заступничество теплое». Термин «гроза» также употребляется Даниилом в традиционном клю-

че. Он означает надежность и дееспособность верховной власти, способной защитить своих подданных «яко оградом твердым» от всех, кто «беззаконоваает» и обижает маленьких и беззащитных, а во внешней сфере «гроза» связана с силой князя, способного «отгрозить» врагам родной земли.

Для выполнения этой функции князь должен иметь надежное и боеспособное войско. Хвалиться князю следует не золотом и серебром, а большим и хорошим войском, возглавляемым мудрыми полководцами.

Войску следует быть многочисленным и предводительствуемым мудрым полководцем, а самому князю — хорошим воином. Поражения часто бывают от «безнарядия» (беспорядков) и от глупых полководцев.

«Как зверь велик, а главы не имеет», так и многие полки без доброго князя, ибо «у мудрых полки крепки, и грады тверды, а храбрых полки сильны, а безумны: и на тех, бывает победа».

Войско князю необходимо иметь не для захвата чужих земель, а только для защиты своей страны, ибо «многие ополчаются на большие грады и со своих меньших сседают». Завоевательная политика опасна и непредсказуема.

Князь обязан заботиться о процветании своей страны и обеспечить ей хорошее управление. Он подобен кормчему корабля, который должен указывать ему путь. «Земля дает плод и овощ, а ты нам богатство и славу» и избавление от нищеты.

Следует князю позаботиться и о народонаселении, причем не только сохраняя численность своего народа, но приглашая людей и из других стран. Если в государстве будет порядок и не будет беззакония, то люди придут к нам из других стран, надеясь на милость князя и хорошее управление.

Наибольшее внимание уделено Даниилом описанию желаемой формы правления.

Возвышая значение единой, сильной верховной власти, он, тем не менее, традиционно полагает, что управлять страной князь обязан совместно с Советом, который он впервые называет Думой.

Роль Думы и думцев велика, поэтому надо уметь подбирать думцев, так как именно они представляют честное имя князя как у себя на родине, так и «по многим странам».

С умными боярами князь перед многими людьми будет честен и во многих странах прославится, а «с лихой Думой думу думая» может и своей власти лишиться. Советников следует

подбирать не по богатству, а по уму. «Вот я, — представляет себя Даниил, — одеянием скуден, но разумом обилён; юн возраст имею, но стар смысл во мне. И летаю мыслью своею как орел по воздуху».

Нищий человек тоже может быть по мудрости своей подобен золотому сосуду, а богатый да не умный («не смысленый») подобен наволочке, набитой соломой, да еще и в грязь втопанной<sup>6</sup>. Очи мудрого в голове, а безумного — во тьме. Мудрый муж умным друг, а глупцам недруг. Сердце мудрого там, где печаль, а безумного — в доме пира. Если мудрого куда пошлешь, мало ему указывай, а глупого — сам в след не ленись пойти. Лучше слышать упреки мудрых, нежели похвалы глупцов. Обвини мудрого и он умнее станет, а дурака хоть кнутом бей от этого он не поумнеет<sup>7</sup>.

Главная мысль Даниила в рассуждениях о подборе думцев заключается в том, что князю следует остерегаться дураков, ибо от них можно ожидать только неприятностей.

«Прилепляйся к мудрым, — советует Даниил князю, — и сам мудр будешь. Мужа лукава избегай и совета его не слушай».

Необходимость Думы в качестве советного органа при князе Даниил не подвергает сомнению; главная задача состоит в том, чтобы осмыслительно подобрать советников и решать все дела с умными людьми, тогда в стране установится порядок и укрепятся «грады и полки».

«От думцев многое зависит, — предупреждает он князя. — Не море топит корабли, но ветер... так же и князь не сам впадает в вещь, но думцы вводят»<sup>8</sup>.

Сам Даниил хочет служить у князя, даже если и не будет для него материальной выгоды. «Лучше мне ноги свои видеть в лаптях в твоём дворе, нежели в червлёных сапогах ходить на боярском дворе, лучше мне в дерюге служить тебе, нежели в багрянице на боярском дворе... лучше мне воробей испечен принимать от твоей руки, нежели баранье плечо от господарей злых»<sup>9</sup>.

Он представляет князя единым главой всего государства, подобно тому, как «орел — птица царь надо всеми птицами, а осетр над рыбами, а лев над зверьми, а ты, княже, над переяславцами... тело крепится жилами, а мы, княже, твоею державою»<sup>10</sup>.

Однако это совсем не означает, что Даниил желал бы видеть «во главе государства неограниченного господина»<sup>11</sup> или «ничем не ограниченной власти князя»<sup>12</sup>.

Традиционное настояние Даниила на необходимости наличия советного органа при князе, скорее, свидетельствует о некотором предвидении модели ограниченной монархии, когда в Думе будут заседать не только родовитые бояре, но и представители других сословий (в частности дворян), подобранных по уму и способностям, а не по родовитости.

Вряд ли следует согласиться и с тем, что Даниил выступал против боярства как сословия вообще. «Бояре как неотъемлемая часть феодального государства, как советники князя не только не отрицаются, но и сравниваются с яркой вышивкой, украшающей ткань»<sup>13</sup>. Он отводил вельможам почетное, но подчиненное место, ставя во главе государства князя и усматривая в его власти основу порядка в государстве.

Даниил критикует не только боярское самоуправство, которое, по его мнению, представляет опасность для страны, но и порочность духовенства. Такое смелое обличение корыстолюбивого и порочного монашества — «ласкосердых псов», причем не только простых монахов, но и сановных святителей — чернецов, впервые появляется в отечественной публицистической литературе.

«Многие, принимая иноческий постриг, — утверждает он, — лгут Богу, так как в монашеском чине возвращаются в мир «аки пес на свои блевотины», обижают села и дома простых людей... Где пир, тут черницы и беззаконие: ангельский на себе имея образ, а блудный нрав, святительский на себе имея сан, а обычаем похабен»<sup>14</sup>.

Кем бы не был этот загадочный автор, совершенно ясно, что он желает видеть свою страну сильной, хорошо защищенной, возглавляемой и управляемой мудрым князем, опирающимся в решении всех государственных дел на Думу, состоящую из разсословных и разновозрастных членов, отличающихся умом и хорошей подготовкой для реализации такого служения.

Поддержка Даниилом сильной великокняжеской власти соответствовала тенденциям времени и предполагала определенное ограничение крупноземельной феодальной аристократии и объединение всех русских земель под единой властью великого князя.

И действительно, Даниилу удалось нарисовать широкое социальное полотно, на фоне которого он разрешал наиболее острые политические проблемы эпохи «с ярко выраженным национально-историческим своеобразием»<sup>15</sup>.

В его произведении получил отражение уровень социально-политической культуры периода русского средневековья накануне татаро-монгольского нашествия.

Никто до Даниила не возлагал на государство личных надежд в такой публичной форме. Он обратился к князю как к главе государства с просьбой оказать помощь тому, кто в нужде и печали, оправдать незаконно наказанного и обездоленного человека, защитить его сильной рукой государственной власти. Справедливая власть не должна позволить своему подданному совершать преступления из-за бедности и нищеты положения.

Произведения, приписываемые Даниилу, получили широкую известность и популярность, о чем свидетельствует количество их списков.

Думаем, что эти произведения не утратят своего значения никогда, и даже пройдя через века, глубоко затронут сердца и душу потомков.

<sup>1</sup> Будовниц И.У. Памятники ранней дворянской публицистики. ТОДРЛ. Л., 1951. С. 139.

<sup>2</sup> Зарубин Н.Н. Памятники древнерусской литературы. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л.: АН СССР, 1932. С. 14.

<sup>3</sup> Там же. С. 59.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же. С. 55.

<sup>6</sup> Там же. С. 56.

<sup>7</sup> Там же. С. 65.

<sup>8</sup> Там же. С. 58.

<sup>9</sup> Там же. С. 60—61, 85.

<sup>10</sup> Там же. С. 66.

<sup>11</sup> Покровский В.С. История русской политической мысли. М., 1951. С. 38.

<sup>12</sup> Водовозов Н.В. История древней русской литературы. М., 1972. С. 110.

<sup>13</sup> Рыбаков Б.А. Даниил Заточник и Владимирское летописание конца XII в. Из истории культуры Древней Руси. М. 1984. С. 153.

<sup>14</sup> Зарубин Н.Н. Указ. соч. С. 70.

<sup>15</sup> Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья. М., 1980. С. 112.

Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; гражданский процесс; арбитражный процесс

УДК 34  
ББК 67

## ОБ АКТУАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ВОЗМОЖНОСТЬ УВОЛЬНЕНИЯ СОТРУДНИКА ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ЕСЛИ В ОТНОШЕНИИ НЕГО ПРЕКРАЩЕНО УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ, А ТАКЖЕ ЕСЛИ ПРЕСТУПНОСТЬ РАНЕЕ СОВЕРШЕННОГО ИМ ДЕЯНИЯ УСТРАНЕНА УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОМ

Валентин Николаевич ТКАЧЁВ,  
начальник Службно-правового управления  
Договорно-правового департамента МВД России,  
профессор Финансового университета  
при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор,  
Почетный работник образования г. Москвы  
E-mail: valentin\_t71@mail.ru

Научная специальность: 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

**Аннотация.** В целях исключения возможности расторжения контракта о прохождении службы в органах внутренних дел и увольнения сотрудника в случаях, если в отношении него уголовное преследование было прекращено в связи с примирением сторон по делу частного обвинения, а также если преступность ранее совершенного им деяния устранена уголовным законом, 12 февраля 2015 г. принят Федеральный закон № 16-ФЗ. В статье проводится комплексный анализ данного нормативного правового акта, приводятся примеры, рассматривается судебная практика, иллюстрирующая актуальные изменения законодательства, регламентирующего некоторые особенности порядка поступления на службу и порядка увольнения со службы в органах внутренних дел Российской Федерации.

**Ключевые слова:** сотрудник органов внутренних дел, специальный правовой статус сотрудника, запреты для прохождения службы, неправомерное воздействие на сотрудника, уголовное преследование сотрудника по делу частного обвинения, расторжение контракта с сотрудником о прохождении службы.

**Annotation.** In order to prevent the possibility of terminating an internal affairs service contract and further dismissal of an officer in case the private prosecution criminal proceedings against them have been terminated with reconciliation, as well as if their prior offences are decriminalized by law, Federal Law № 16-FL was adopted on February 12, 2015. The article analyses the regulatory legal act, provides examples, and reviews the court practice illustrating the current changes in legislation that regulates certain procedures for entry into the Russian Federation internal affairs service and dismissal from it.

**Key words:** an internal affairs officer, the officer's special legal status, prohibitions on service, undue pressure on an officer, private prosecution criminal proceedings, termination of the internal affairs service contract.

**Ф**едеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ<sup>1</sup> (далее — Закон о службе) вступил в силу 1 января 2012 г.

До вступления указанного нормативного правового акта в юридическую силу порядок и условия прохождения государственной службы сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации регулировалось Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденным постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1<sup>2</sup> (далее — Положение о службе), которым после 1 января 2012 г. продолжают руководствоваться сотрудники уголовно-исполнительной системы и федеральной противопожарной службы МЧС России.

Согласно ст. 58 Положения о службе не допускается увольнение сотрудников в связи с прекращением уголовного преследования в связи с примирением сторон, за исключением уголовных дел частного обвинения (п. «м»). Таким образом, сотрудник может продолжать службу в случае прекращения в отношении него в установленном порядке уголовного преследования в связи с примирением сторон по уголовным делам частного обвинения.

Новеллой Закона о службе являлось то, что одним из оснований для безусловного расторжения контракта и увольнения сотрудника со службы в органах внутренних дел было прекращение в отношении сотрудника уголовного преследования в связи с примирением сторон независимо от вида уголовного преследования (п. 7 ч. 3 ст. 82 Закона о службе в ред., действовавшей до 13.02.2015 г.). Названное положение было включено в Закон о службе в целях установления особых требований, в том числе к личным и деловым качествам сотрудника органа внутренних дел Российской Федерации.

Вместе с тем практика применения рассматриваемых положений Закона о службе показала, что недопущение возможности прохождения службы сотрудниками, в отношении которых уголовное преследование по делу частного обвинения прекращено в связи с примирением сторон, в некоторых случаях стало инструментом для злоупотреблений и оказания неправомерного давления на действующих сотрудников с целью

воспрепятствования осуществления ими должностных обязанностей.

Подобные факты неоднократно освещались в средствах массовой информации (см., например, статьи в газете «Щит и меч» № 30 (1430) от 14.08.2014 г., № 36 (1436) от 25.09.2014 г.).

В опубликованных статьях рассказывается, как старший оперуполномоченный группы экономической безопасности и противодействия коррупции одного из территориальных органов МВД России по Оренбургской области Александр М. был уволен со службы в органах внутренних дел по недоказанному обвинению, вытекающему из дела частного обвинения. Суд вынес в отношении Александра М. обвинительный приговор по ст. 116 «Побои» Уголовного кодекса РФ<sup>3</sup>, основываясь только на показаниях так называемого «потерпевшего», не принимая во внимание имеющиеся показания свидетелей, утверждавших, что обвиняемый сотрудник в отношении «потерпевшего» действий насильственного характера не совершал, тем более не избивал его.

«Потерпевшим» оказался сын местного предпринимателя, который был вынужден закрыть нелегальный бизнес из-за постоянных штрафов, которые правомерно накладывались на него по материалам Александра М. Получив отказ сотрудника решить дело «по хорошему», сын предпринимателя попытался спровоцировать скандал. Однако сотрудник не отреагировал на нападки молодого человека, а через несколько дней узнал, что его обвиняют в нанесении гражданину побоев.

Так, из-за своей профессиональной деятельности сотрудник с безупречной репутацией, прослуживший в органах внутренних дел более десяти лет, дважды признанный лучшим по профессии в УМВД по Оренбургской области, имеющий два десятка поощрений и ни единого взыскания, в одночасье превратился в «преступника» и был уволен со службы в органах внутренних дел.

Дела частного обвинения в соответствии с ч. 2 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса РФ<sup>4</sup> возбуждаются исключительно по заявлению потерпевшего. К ним относятся уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ, когда руководитель следственного органа, следователь, а также с согласия прокурора дознаватель возбуждают уголовное дело о любом преступле-

нии, указанном в частях 2 и 3 ст. 20 УПК РФ, и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. К иным причинам относится также случай совершения преступления лицом, данные о котором неизвестны.

Практика показывает, что даже в отношении сотрудников, добросовестно выполняющих должностные обязанности, по заявлению лиц, преследующих противоправные интересы, могут неоднократно возбуждаться дела частного обвинения. В указанной ситуации сотрудник, отвлекаясь от выполнения служебных обязанностей, фактически вынужден был доказывать свою невиновность, так как в случае прекращения в отношении него уголовного преследования в связи с примирением сторон он во исполнение требований ранее действовавшей редакции Закона о службе должен был быть уволен со службы в органах внутренних дел.

Кроме того, в судебных инстанциях стали достаточно часто рассматриваться дела по искам сотрудников, уволенных по п. 7 ч. 3 ст. 82 Закона о службе, решения по которым выносились не в пользу сотрудников. Например, апелляционные определения Верховного суда Республики Татарстан от 22 июля 2013 г. по делу № 33-8463/2013<sup>5</sup>, Верховного суда Республики Карелия от 25 февраля 2014 г. по делу № 33-673/2014<sup>6</sup> и др.

Для исключения рассматриваемой ситуации как законодателями, так и правоприменителями, была признана необходимость внесения соответствующих изменений в Закон о службе.

Ускорению данного процесса способствовало то, что 21 марта 2014 г. Конституционным Судом РФ было принято постановление № 7-П по делу о проверке конституционности положения п. 7 ч. 3 ст. 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>7</sup> (далее — постановление № 7-П).

Постановлением № 7-П положение п. 7 ч. 3 ст. 82 Закона о службе было признано не соответствующим Конституции РФ в части обязательного и безусловного расторжения контракта о прохождении службы в органах внутренних дел с сотрудником и увольнения его со службы, если в отношении него уголовное преследование по

делу частного обвинения прекращено в связи с примирением сторон до вступления в силу Закона о службе.

Кроме того, положение п. 7 ч. 3 ст. 82 Закона о службе признано не соответствующим Конституции РФ в части наступления предусмотренных Законом о службе неблагоприятных последствий в связи с совершением сотрудником деяния, которое на момент решения вопроса о расторжении с ним контракта о прохождении службы и увольнения его со службы не признается преступлением.

Постановлением № 7-П было также предписано федеральному законодателю, исходя из правовых позиций Конституционного Суда РФ, выраженных в постановлении № 7-П, внести в действующее правовое регулирование рассматриваемых проблем необходимые изменения.

В целях реализации положений постановления № 7-П, а также согласно поручению Правительства РФ (от 15.04.2014 г. № РД-П4-2588) в МВД России был разработан, прошел все необходимые согласования, принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ, одобрен Советом Федерации Федерального Собрания РФ и подписан Президентом РФ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции» и Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 12 февраля 2015 г. № 16-ФЗ в части уточнения ограничений, обязанностей и запретов, связанных со службой в органах внутренних дел Российской Федерации, и оснований прекращения или расторжения контракта о прохождении службы в органах внутренних дел Российской Федерации»<sup>8</sup> (далее — Федеральный закон № 16-ФЗ).

Изменения, которые внесены Федеральным законом № 16-ФЗ, коснулись, прежде всего, и это особенно важно, Закона о службе.

Так, согласно п. 7 ч. 3 ст. 82 Закона о службе в новой редакции контракт подлежит расторжению, а сотрудник увольнению со службы в органах внутренних дел в связи с осуждением сотрудника за преступление, а также в связи с прекращением в отношении его уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием, за исключением случаев, если на момент рассмотрения воп-

роса о возможности принятия на службу преступность деяния, ранее им совершенного, устранена уголовным законом.

Таким образом, была законодательно исключена возможность расторжения контракта о прохождении службы в органах внутренних дел и увольнения сотрудника в случаях, если в отношении него уголовное преследование было прекращено в связи с примирением сторон по делу частного обвинения, а также если преступность ранее совершенного им деяния устранена уголовным законом.

Более того, изменения, внесенные в ст. 82 Закона о службе в части недопущения возможности увольнения сотрудника со службы в органах внутренних дел, если уголовное преследование в отношении него было прекращено в связи с примирением сторон по уголовным делам частного обвинения, не только соответствуют требованиям Конституционного Суда РФ, сформулированным в постановлении № 7-П, но и приводят Закон о службе в соответствие с законодательством о службе сотрудников уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службы МЧС России (Положение о службе) и сотрудников органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (Указ Президента РФ от 05.06.2003 г. № 613, в ред. от 01.06.2014 г. «О правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ»<sup>9</sup>), которое не содержит запретов для прохождения службы сотрудниками, в отношении которых уголовное преследование было прекращено в связи с примирением сторон по делам частного обвинения, а также если преступность ранее совершенных ими деяний устранена уголовным законом.

Кстати, на момент принятия Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ<sup>10</sup> (далее — Закон о полиции) в нем отсутствовала возможность увольнения сотрудников со службы в случае прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон по уголовным делам частного обвинения (п. 13 ч. 1 ст. 40). Можно полагать, что в настоящее время новая редакция п. 7 ч. 3 ст. 82 Закона о службе не позволит гражданам, недовольным законной про-

фессиональной деятельностью сотрудников органов внутренних дел, оказывать на них неправомерное воздействие.

Кроме того, необходимо отметить, что Федеральным законом № 16-ФЗ все ограничения и запреты, связанные с поступлением на службу в органы внутренних дел и прохождением службы в органах внутренних дел, ранее содержащиеся в статьях 29 и 35 Закона о полиции, консолидированы в статьях 14 и 17 Закона о службе.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ (например, в постановлении от 06.06.1995 г. 7-П<sup>11</sup>, определениях от 21.12. 2004 г. № 460-О<sup>12</sup>, от 16.04.2009 г. № 566-О-О<sup>13</sup> и от 25.11.2010 г. № 1547-О-О<sup>14</sup>), служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, направленной на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих соответствующую службу, специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности.

В постановлении № 7-П справедливо изложено, что законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в том числе к их личным и деловым качествам, и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц.

В связи с тем, что в современном российском обществе к сотруднику предъявляются повышенные требования, нормативно закрепленные в Законе о службе, внесено новое нормативное предписание, согласно которому гражданин не может быть принят на службу в органы внутренних дел в случае, если он подвергался уголовному преследованию, которое было прекращено в отношении него за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения, прекращенных не менее чем за три года до дня поступления на службу в органы внутренних дел), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием, за исключением случаев, если на момент рассмотрения вопроса о возможности принятия на





службу преступность деяния, ранее им совершенного, устранена уголовным законом (п. 4 ч. 5 ст. 17 Закона о службе в ред. Федерального закона № 16-ФЗ).

Проанализированные нами изменения, установленные Федеральным законом № 16-ФЗ, являются лишь определенным этапом в деле совершенствования нормативно-правового регулирования порядка прохождения службы в органах внутренних дел, в частности, рассмотренных выше некоторых особенностей порядка поступления на службу и порядка увольнения со службы в органах внутренних дел Российской Федерации.

<sup>1</sup> *СЗ РФ*. 2011. № 49. Ст. 7020.

<sup>2</sup> *Ведомости СНД и ВС РФ*. 1993. № 2. Ст. 70.

<sup>3</sup> *СЗ РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.

<sup>4</sup> Там же. 2001. № 52. Ст. 4921.

<sup>5</sup> Документ не опубликован. См.: СПС «Консультант Плюс»

<sup>6</sup> Документ не опубликован. См.: СПС «Консультант Плюс»

<sup>7</sup> *СЗ РФ*. 2014. № 13. Ст. 1528.

<sup>8</sup> Там же. 2015. № 7. Ст. 1022.

<sup>9</sup> Там же. 2003. № 23. Ст. 2197.

<sup>10</sup> Там же. 2011. № 7. Ст. 900.

<sup>11</sup> Там же. 1995. № 24. Ст. 2342.

<sup>12</sup> *Определение Конституционного Суда РФ* от 21.12.2004 г. № 460-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Журавлева Анатолия Петровича на нарушение его конституционных прав положениями ч. 1 ст. 19 Закона РФ «О милиции», ч. 5 ст. 11 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и ч. 1 ст. 221 Кодекса законов о труде Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс»

<sup>13</sup> *Определение Конституционного Суда РФ* от 16.04.2009 г. № 566-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав ч. 7 ст. 54 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс»

<sup>14</sup> *Определение Конституционного Суда РФ* от 25.11.2010 г. № 1547-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дмитриева Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав п. 3 ч. 2 ст. 133 Уголовно-процессуального кодекса РФ, ст. 5 Гражданского процессуального кодекса РФ и п. «м» ч. 7 ст. 19 Закона РФ «О милиции» // СПС «Консультант Плюс».

УДК 347.1  
ББК 67.401.133

## СРЕДСТВА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ

Елена Анатольевна БАБАЙЦЕВА,  
доцент кафедры гражданского права  
Волгоградского института бизнеса,  
кандидат юридических наук  
E-mail: 0728676@mail.ru

Научная специальность: 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право;  
семейное право; международное частное право

**Аннотация.** В статье на основании всестороннего анализа дается понятие средств правового регулирования предпринимательских отношений как санкционированной государством совокупности публично-правовых и частноправовых элементов, применение которых приводит к возникновению, изменению или прекращению отношений предпринимательской деятельности.

Определяется значение средств в регулировании исследуемых отношений, проводится их классификация, в качестве оснований которой выступают нормативные правовые акты, правовые институты лицензирования, саморегулирования, надзора и контроля, административные и судебные акты, гражданско-правовой договор.

**Ключевые слова:** средства правового регулирования, предпринимательские отношения, нормативный правовой акт, лицензирование, надзор и контроль, гражданско-правовой договор, саморегулирование.

**Annotation.** In article on the basis of the comprehensive analysis the concept of means of legal regulation of the enterprise relations as the public and private-law elements authorized by the state of set which application leads to emergence, change or the termination of the relations of business activity is given. Value of means in regulation of the studied relations is defined and classification as which bases regulations, legal institutes of licensing, self-regulation, supervision and control, administrative and judicial acts, the civil contract act is carried out them.

**Key words:** means of legal regulation, enterprise relations, regulatory legal act, licensing, supervision and control, civil contract, self-regulation.

Рецензент — В.М. Мелихов, кандидат юридических наук, профессор

**А**ктуальность темы обусловлена необходимостью решения важной государственной задачи по возобновлению социально-экономического роста на основе свободы предпринимательства<sup>1</sup>.

В настоящее время такая свобода достигается соответствующим уровнем правового регулирования предпринимательских отношений, которое основано на использовании санкционированных государством правовых средств.

Цель настоящей публикации заключается в определении правовой природы средств право-

вого регулирования предпринимательских отношений. Для достижения этой цели необходимо на основе опыта, накопленных знаний дать определение понятия «средства правового регулирования предпринимательских отношений», установить значение изучаемых средств и провести их классификацию.

Методология исследования заключается в анализе и последующем синтезе результатов теоретических и цивилистических подходов в изучении средств правового регулирования различных видов предпринимательских отношений.

Ученые, теоретики права и цивилисты отмечают, что применение правовых средств направлено на удовлетворение потребностей субъектов правоотношения и на достижение определенных ими правовых целей<sup>2</sup>.

Например, Н.А. Баринов полагал, что правовые средства предназначены для реализации потребностей нормальной жизнедеятельности физических и юридических лиц<sup>3</sup>.

По мнению Б.И. Пугинского, правовые средства представляют собой различные сочетания «юридически значимых действий», совершаемых субъектами на свое усмотрение для достижения законных целей и интересов<sup>4</sup>.

В то же время ученые-цивилисты отмечают, что в зависимости от области правового регулирования правовые средства могут иметь публично-правовые и частноправовые начала. В этом значении исследователи отдельных видов предпринимательской деятельности причисляют к публично-правовым средствам регулирования правовые институты лицензирования, надзора и контроля, административные и судебные акты, а к частноправовым средствам — договор<sup>5</sup>.

Ю.Г. Лескова, отмечая взаимодействие публично-правовых и частноправовых средств, выделяет среди последних «корпоративные акты» и «договор»<sup>6</sup>.

По мнению Е.П. Губина, к «государственным средствам» регулирования относится лицензия<sup>7</sup>.

В современных гражданско-правовых научных исследованиях изучаемые средства могут обладать общим и специальным характером. Например, общим характером обладают институты возмещения вреда, гражданско-правовой ответственности и страхования<sup>8</sup>, а специальным — те средства, которые специально направлены на удовлетворение отдельных потребностей участников гражданского оборота (например, на получение пользы от «услуг подвижной радиотелефонной связи»)<sup>9</sup>.

Таким образом, подводя промежуточные итоги публикации можно сделать следующие выводы:

*во-первых*, правовые средства в зависимости от области правового регулирования могут обладать публично-правовыми и частноправовыми началами;

*во-вторых*, по своему содержанию средства могут иметь общий и специальный характер, что позволяет применять их в различных областях предпринимательской деятельности;

*в-третьих*, правовые средства представляют собой совокупность правовых элементов, т.е. являются определенной системой;

*в-четвертых*, применение отдельных средств или их совокупности продиктовано содержанием и целью осуществляемых видов предпринимательства;

*в-пятых*, использование средств позволяет не только реализовать конституционное право граждан и организаций на занятие предпринимательской деятельностью, но и защитить права и законные интересы участников гражданского оборота, не являющихся участниками предпринимательских отношений.

В базовом цивилистическом смысле правовое регулирование означает результативное организационно-законодательное воздействие на общественные отношения, направленное на их упорядочение с целью реализации потребностей участников гражданского оборота<sup>10</sup>.

В связи с этим возникает закономерный вопрос о значении исследуемых средств в упорядочивании предпринимательских отношений. Это значение проявляется в следующих аспектах.

*Во-первых*, данные средства являются своеобразным инструментом для практического осуществления и достижения целей определенного вида предпринимательской деятельности.

*Во-вторых*, эти средства раскрывают функциональную направленность осуществляемой деятельности на общественные отношения.

*В-третьих*, использование средств устраняет препятствия в осуществлении предпринимательства и придает устойчивость правовому регулированию.

*В-четвертых*, использование средств дает субъектам предпринимательской деятельности уникальную возможность становиться участниками нормотворческого процесса в контексте локального и договорного регулирования предпринимательских отношений.

Стремительное развитие предпринимательских отношений способствует также появлению новых средств их правового регулирования. Например, этим обусловлено появление института саморегулирования. Его основная задача заключается в создании для участников саморегулирования стандартов и правил выполнения работ (оказания услуг), а также осуществление контроля их выполнения (оказания).

Вместе с тем названное частноправовое средство не подменяет собой публично-правовой

институт лицензирования, который призван ус-танавливать запреты и ограничения в осуществ-лении предпринимательской деятельности. На-против, необходимость лицензирования обуслов-лена защитой конституционных основ, матери-альных и нематериальных объектов гражданских прав, обеспечением обороны и безопасностью страны, признанием отдельных видов предпри-нимательской деятельности источниками повы-шенной опасности.

Представляется, что полученных в настоящей публикации результатов достаточно для того, чтобы дать определение следующему понятию:

*«средства правового регулирования предприни-мательских отношений — это санкционированная государством совокупность публично-правовых и частноправовых элементов, применение которых приводит к возникновению, изменению или прекра-щению отношений предпринимательской деятель-ности».*

Как известно, совокупность взаимно распо-ложенных частей и элементов называется систе-мой. В этом контексте система средств правово-го регулирования предпринимательских отноше-ний представляет собой совокупность элементов, которые можно классифицировать как:

- 1) нормативные правовые акты;
- 2) правовой институт лицензирования;
- 3) правовые институты надзора и контроля;
- 4) административные и судебные акты;
- 5) гражданско-правовой договор;
- 6) правовой институт саморегулирования.

Подводя итоги публикации, можно сделать следующие **выводы**.

**Во-первых**, использование средств правового регулирования упорядочивает предприниматель-ские отношения и направлено на достижение целей субъектов предпринимательской деятель-ности. Основной целью предпринимательства является извлечение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения ра-бот и (или) оказания услуг.

**Во-вторых**, средства правового регулирова-ния предпринимательских отношений обладают комплексным характером, который проявляется в разумном сочетании публично-правовых (ли-цензирование, надзор, контроль) и частноправо-

вых средств (гражданско-правовой договор, са-морегулирование).

**В-третьих**, в предпринимательских отноше-ниях средства правового регулирования приоб-ретают конкретную правовую форму, при помо-щи которой осуществляется упорядочение соот-ветствующих видов предпринимательских отно-шений.

Адекватное использование средств позволит упорядочить не только искомые отношения, но и придать предпринимательской деятельности тот импульс развития, который направлен на ре-шение важной социально-экономической зада-чи по возобновлению устойчивого роста совре-менной России.

<sup>1</sup> Путин В.В. Послание Президента России Федераль-ному Собранию Российской Федерации от 04.12. 2014 г. // Рос. газ. 2014. № 278. 5 дек.

<sup>2</sup> Малько А.В. Правовые средства как общетеоретичес-кая проблема // Правоведение. 1999. № 2. С. 7—12.

<sup>3</sup> Баринов Н.А. Значение услуг как правовой катего-рии // Социальные и правовые механизмы оказания публичных услуг: теория, практика, перспектива: Сб. ст. по материалам всерос. науч.-практич. конф. (Вол-гоград. 29—30 ноября 2013 г.). Волгоград: Арт линия, 2013. С. 19.

<sup>4</sup> Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хо-зяйственных отношениях. М.: Юрид. лит., 1984. С. 87.

<sup>5</sup> Шаронов С.А. Средства правового регулирования ох-ранной деятельности: понятие, необходимость приме-нения и классификация // Бизнес. Образование. Пра-во. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4. С. 251—254.

<sup>6</sup> Лескова Ю.Г. Саморегулирование как правовой спо-соб организации предпринимательских отношений: проблемы теории и практики: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 46—47.

<sup>7</sup> Губин Е.П. Правовые проблемы государственного ре-гулирования рыночной экономики и предприниматель-ства: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 9, 40.

<sup>8</sup> Баскакова И.В. Гражданско-правовые средства обес-печения охраны окружающей среды: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 6—8.

<sup>9</sup> Костина К.В. Гражданско-правовые средства охраны прав потребителей услуг подвижной радиотелефонной связи: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2013. С. 10.

<sup>10</sup> Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. I. М.: Юрид. лит., 1981. С. 288—289.

УДК 341.9  
ББК 67.412.2

## К ВОПРОСУ О ФОРМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО ДОГОВОРА

Дина Павловна СТРИГУНОВА,  
заместитель заведующего  
кафедрой предпринимательского и трудового права  
Государственного университета управления (Москва),  
кандидат юридических наук, доцент  
E-mail: dina\_str@list.ru; dina.str@hotmail.com

Научная специальность: 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право;  
семейное право; международное частное право

**Аннотация.** Целью настоящей статьи является рассмотрение вопроса о форме международного коммерческого договора.

**Ключевые слова:** международный коммерческий договор, форма международного коммерческого договора.

**Annotation.** The aim of the article is to analyze the question connected with the form of the international commercial contract.

**Key words:** international commercial contract, form of the international commercial contract.

Рецензент — К.В. Васильева, кандидат юридических наук

Любая сделка, в том числе международный коммерческий договор, представляет собой волевой акт участника гражданского (международного коммерческого) оборота. «Юридическое значение воля участника сделки может приобрести только в том случае, если она выражена вовне, объективирована»<sup>1</sup>. Соответственно, без внешнего выражения воля одного из потенциальных участников международного коммерческого договора не может быть воспринята другим его потенциальным участником, не может получить правовую оценку, иметь правовые последствия. По этой причине международный коммерческий договор, как и любая гражданско-правовая сделка вообще, не могут существовать без формы.

Форма сделки представляет собой способ выражения волеизъявления ее участниками. Юридическое значение формы сделки состоит в том, что она:

*во-первых*, фиксирует волеизъявление ее контрагентов;

*во-вторых*, является доказательством заключения договора либо возникновения иного правоотношения;

*в-третьих*, представляет собой одно из условий действительности сделок<sup>2</sup>.

Как известно, сделки могут быть совершены в устной и письменной форме, а также при помощи конклюдентных действий либо молчания<sup>3</sup>. В литературе выделяют еще положительные и отрицательные волеизъявления<sup>4</sup>, а также словесные и несловесные волеизъявления<sup>5</sup>.

И.В. Матвеев выделяет две формы сделки: устную и письменную. По его мнению, устная форма имеет три разновидности: словесная (контрагенты договариваются обо всех существенных условиях сделки в устной форме); конклюдентные действия (из поведения контрагентов явствует его воля совершить сделку); молчание (признается формой сделки лишь в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон). В свою очередь письменную форму сделки он подразделяет на простую письменную и нотариальную форму<sup>6</sup>.

Аналогичного мнения придерживается К.И. Скловский, который выделяет письменную и устную формы сделок. Письменная форма, по его мнению, может быть простой и нотариальной, а к сделкам, совершаемым устно, примыкают сделки в форме конклюдентных действий. Молчание, представляя собой определенный волевой акт, также может быть формой сделки<sup>7</sup>.

Соглашаясь с делением формы сделки на устную и письменную, а также словесную (устную и письменную) и несловесную (молчание и конклюдентные действия), полагаем, что конклюдентные действия не могут быть отнесены к ее устной форме, поскольку устная форма сделки предполагает вербальное (словесное) выражение, которое отсутствует при совершении сделки в форме молчания или конклюдентных действий. Последние две, очевидно, могут быть выделены в качестве самостоятельных разновидностей форм сделки наряду с устной и письменной формами.

В советском, а затем и российском законодательстве долгое время действовало правило об обязательности письменной формы внешнеэкономических (внешнеторговых, международных коммерческих) сделок.

Так, в соответствии со ст. 565 ГК РСФСР форма внешнеторговых сделок, совершаемых советскими организациями, и порядок их подписания, независимо от места их совершения, определялись законодательством Союза ССР<sup>8</sup>.

Пункт 2 ст. 161 ГК РСФСР устанавливал положение, в соответствии с которым письменный договор мог заключаться как путем составления одного документа, так и путем обмена письмами, телеграммами, телефонограммами и т.п., подписанными стороной, которая их посылает.

В пункте 1 постановления Совета Министров СССР «О порядке подписания внешнеторговых сделок» № 122 от 14 февраля 1978 г. содержалось положение, в соответствии с которым внешнеторговые сделки, заключаемые советскими организациями, правомочными совершать внешнеторговые операции, должны были подписываться двумя лицами.

Право подписи таких сделок имели руководитель и заместители руководителя организации, руководители фирм, входящих в состав этой организации, а также лица, уполномоченные доверенностями, подписанными руководителем орга-

низации единолично, если уставом (положением) организации не предусматривалось иное<sup>9</sup>.

Указанный документ утратил силу с даты введения в действие на территории РФ Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г.<sup>10</sup>.

В соответствии с п. 1 ст. 165 Основ 1991 г. форма внешнеэкономических сделок, совершаемых советскими юридическими лицами и гражданами, независимо от места совершения этих сделок, определялась законодательством Союза ССР. Особого порядка подписания их не было, однако они подлежали совершению в письменной форме.

Пункт 2 ст. 58 Основ дополнил приведенный в п. 2 ст. 161 ГК РСФСР незакрытый перечень разновидностей формы письменной сделки телеграфограммами.

В пункте 2 ст. 30 Основ 1991 г. содержалось правило о том, что несоблюдение формы внешнеэкономических сделок влекло недействительность сделки. Указанная норма признавалась «сверх императивной»<sup>11</sup>.

В действующем Гражданском кодексе РФ<sup>12</sup> до 1 сентября 2013 г. также существовало правило об обязательности совершения внешнеэкономической сделки в письменной форме. Кроме того, в соответствии с ранее действовавшим п. 2 ст. 1209 ГК РФ форма внешнеэкономической сделки, хотя бы одной из сторон которой являлось российское юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, личным законом которого было российское право, подчинялась независимо от места совершения этой сделки российскому праву.

По этому поводу п. 3 ст. 162 ГК РФ содержал указание о том, что несоблюдение простой письменной формы внешнеэкономической сделки влечет ее недействительность. В настоящее время указанные нормы о необходимости совершения внешнеэкономической (или международной коммерческой) сделки в письменной форме утратили силу, равно как исчез и сам термин «внешнеэкономическая сделка».

С учетом отсутствия в действующем гражданском законодательстве РФ требования об обязательности письменной формы внешнеэкономической (международной коммерческой) сделки в литературе делается вывод о том, что в настоящее время подобные сделки с участием российских юридических и физических лиц могут зак-

лючаться в любой форме — как в устной, так и письменной<sup>13</sup>. Однако представляется, что и сегодня в тех случаях, когда форма международного коммерческого договора будет подчиняться российскому праву, указанный договор должен будет совершаться в простой письменной форме в силу ст. 161 ГК РФ.

Согласно ст. 161 ГК РФ для сделок, совершаемых между юридическими лицами и гражданами, а также сделок между гражданами на сумму свыше 10 000 руб., предусмотрена простая письменная форма (за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения).

Кроме того, отечественный законодатель предусматривает обязательную письменную форму некоторых видов сделок в зависимости от их предмета (договор продажи предприятия — ст. 560 ГК РФ; договор аренды зданий и сооружений — ст. 561 ГК РФ; кредитный договор — ст. 820 ГК РФ; договор доверительного управления имуществом — ст. 1017 ГК РФ; договор коммерческой концессии — ст. 1028 ГК РФ), несоблюдение письменной формы которых влечет их недействительность.

При этом следует учитывать, что сделки с недвижимостью подлежат государственной регистрации (ст. 164 ГК РФ).

Приведенные положения ГК РФ об обязательной форме сделок следует учитывать участникам международных коммерческих договоров, форма которых определяется по российскому праву.

В силу ст. 434 ГК РФ письменная форма договора считается соблюденной, если договор составлен в виде одного документа, подписанного сторонами, а также если стороны обменялись письмами, телеграммами, телексами, телефаксами и иными документами, в том числе электронными документами, передаваемыми по каналам связи, позволяющими достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору.

При этом электронным документом, передаваемым по каналам связи, признается информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, магнитных, оптических либо аналогичных средств, включая обмен информацией в электронной форме и электронную почту (п. 2 ст. 434 ГК РФ).

Таким образом, помимо обычной (бумажной) формы договора законодатель предусматривает электронную форму договора, по всей видимос-

ти относимую им к разновидности письменной формы.

Кроме того, нужно добавить, что в соответствии с п. 3 ст. 434 ГК РФ письменная форма также считается соблюденной, когда лицо, получившее письменную оферту, совершает действия (отгрузка товара, уплата цены и т.п.) по выполнению условий, предусмотренных в оферте.

В немногочисленных международных конвенциях, регулирующих международные коммерческие договоры, как правило, не содержится положений о том, в какой форме должен заключаться договор. Исключением среди действующих конвенций является Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.<sup>14</sup>, которая провозглашает принцип свободы формы договора.

Так, согласно ст. 11 Конвенции 1980 г. не требуется, чтобы договор купли-продажи заключался и подтверждался в письменной форме или подчинялся иному требованию в отношении формы. Он может доказываться любыми средствами, включая свидетельские показания. При этом государство — участник Конвенции, законодательство которого требует обязательной письменной формы международного коммерческого контракта, в любое время может сделать соответствующее заявление (ст. 12).

При присоединении к Венской конвенции 1980 г. СССР (ныне Российская Федерация) сделал оговорку в порядке статей 12 и 96 Конвенции, в силу которых нормы о свободе формы сделки, следующие из статей 11, 20 и ч. II Конвенции, не подлежат применению к договорам, в которых хотя бы одна из сторон имеет свое коммерческое предприятие в СССР (РФ).

Подобные заявления сделали также Аргентина, Белоруссия, Венгрия, Китай, Латвия, Литва, Украина, Чили и Эстония.

В настоящее время, как справедливо отмечает А.В. Асосков, «отмена п. 3 ст. 162 ГК РФ автоматически не влечет отказ России от применения данной оговорки, поскольку для осуществления подобного отказа необходимо соблюсти формальную процедуру подачи соответствующего уведомления депозитарию Конвенции»<sup>15</sup>. Подобная формальная процедура, например, была соблюдена Эстонией и Китаем.

Важно отметить, что в связи с отсутствием сегодня требования обязательности письменной формы международной коммерческой сделки с

участием российских лиц изменились (по сравнению с прежним законодательством) последствия несоблюдения письменной формы такой сделки.

В отличие от правила, действовавшего ранее и предусматривавшего недействительность внешнеэкономической сделки в связи с несоблюдением письменной формы, в настоящее время несоблюдение простой письменной формы международного коммерческого договора, по общему правилу, не повлечет его недействительности, а лишь лишит его стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, однако не лишит их права приводить письменные и другие доказательства (п. 1 ст. 162 ГК РФ). И только в случаях, прямо указанных в законе или в соглашении сторон, несоблюдение простой письменной формы сделки повлечет ее недействительность (п. 2 ст. 162 ГК РФ).

<sup>1</sup> Татаркина К.П. Форма сделок в гражданском праве России: Монография. Томск, 2012 // СПС «Консультант Плюс»

<sup>2</sup> Матвеев И. Юридическое значение формы сделки и ответственность за ее нарушение // Хозяйство и право. 2001. № 12. С. 97.

<sup>3</sup> Иоффе О.С. Советское гражданское право: Курс лекций. Общая часть. Правособственности. Общее учение об обязательствах. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1958. С. 197.

<sup>4</sup> Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. С. 100—101.

<sup>5</sup> Татаркина К.П. Указ. соч.

<sup>6</sup> Матвеев И. Указ. соч. С. 90.

<sup>7</sup> Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). 2-е изд. М.: Статут, 2015 // СПС «Консультант Плюс»

<sup>8</sup> Утв. ВС РСФСР 11.06.1964 г. Утратил силу // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

<sup>9</sup> Утратил силу. СП СССР. 1978. № 6.

<sup>10</sup> Утв. ВС СССР 31.05.1991 г. № 2211-1. Утратил силу // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

<sup>11</sup> Например, решение МКАС при ТПП РФ от 17.12.2007 г. по делу № 35/2007 // СПС «Консультант Плюс»

<sup>12</sup> Гражданский кодекс РФ. Часть первая. Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 29.06.2015 г.)

<sup>13</sup> Ерпылева Н.Ю. Международное частное право: Учебник для вузов: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИД Высш. шк. экономики, 2015. С. 413.

<sup>14</sup> Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.

<sup>15</sup> См.: Асосков А.В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ / Хозяйство и право. 2014. № 1 // СПС «Консультант Плюс»; Асосков А.В. Венская конвенция ООН 1980 года о договорах международной купли-продажи товаров: Постатейный комментарий к положениям, определяющим сферу ее применения. М., 2013. С. 216—218.



УДК 349.2  
ББК 67

## ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ РАБОТОДАТЕЛЮ ЗАТРАТ, СВЯЗАННЫХ С ОБУЧЕНИЕМ РАБОТНИКА, КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ РАБОТОДАТЕЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анжела Александровна КЛЮШИНА,  
заведующая кафедрой гражданско-правовых  
дисциплин Международного юридического  
института (Одинцовский филиал),  
кандидат экономических наук  
E-mail: lawinstit@rambler.ru

Людмила Эдуардовна КАРТАШОВА,  
заведующая кафедрой общегуманитарных  
и естественнонаучных дисциплин  
Международного юридического института  
(Одинцовский филиал),  
кандидат философских наук;

Научные специальности: 08.00.00 — экономические науки; 12.00.03 — гражданское право;  
предпринимательское право; семейное право;  
международное частное право

**Аннотация.** Актуальность и новизна работы заключаются в анализе особенностей возмещения затрат, связанных с обучением работника, как средство защиты интересов работодателя в случае неисполнения ученического договора, в рассмотрении порядка возврата потраченных денежных средств на обучение работодателю.

**Цель работы:** исследовать законодательство, регламентирующее особенности регулирования труда отдельных категорий работников по ученическому договору, а также практику возмещения затраченных работодателем средств на обучение работника, основные научные взгляды, разработки, мнения и рекомендации ученых-юристов в данной области.

**Задачи работы:** проанализировать действующее законодательство и разработать предложения по совершенствованию правового регулирования возмещения работодателю затрат, связанных с обучением работника.

**Материалы и методы исследования:** в работе использовался эмпирический материал, а также нормативные правовые акты и другая научная литература, методы, применяемые при исследовании: историко-правовой, аналитический и сравнительно правовой.

**Результаты работы:** внести изменения в Трудовой кодекс РФ, сформулировать такой критерий уважительности причин, как невозможность продолжения работы, на который обращается внимание в ч. 3 ст. 80 Трудового кодекса РФ.

**Ключевые слова:** ученический договор, работодатель, затраты, время обучения, материальная ответственность, срок обучения, стипендия, повышение квалификации, соглашение, работник, ученик, стороны договора.

**Annotation.** Relevance and novelty of the work: consists in the features of compensation costs related to employee training as a means of protecting the interests of the employer, in cases of non-student contract and procedure for the return of spent funds on training to the employer.

**Purpose of work:** to investigate the laws governing the regulation of labour of certain categories of workers on a student contract, as well as the practice of compensation for time spent by the employer funds for employee training, basic scientific views, developments, opinions and recommendations of legal scholars in this field.

**Tasks of work:** to review existing legislation and to develop proposals on improvement of legal regulation of compensation to the employer costs associated with employee training.

**Materials and methods:** we used empirically material, as well as normative legal acts and other scientific literature, methods used in the study: historical, legal, analytical and comparative legal.

**Results:** to amend the Labour code of the Russian Federation, to formulate the criterion for legitimacy reasons, such as inability to continue working, to which attention is drawn in hours 3 tbsp. 80 of the Labour code of the Russian Federation.

**Key words:** the student's contract, the employer, expenses, training time, a liability, training term, the grant, improvement of professional skill, the agreement, the worker, the pupil, the contract parties.

**Н**а практике возникает много вопросов в связи с применением статей 207 и 249 Трудового кодекса Российской Федерации<sup>1</sup>, устанавливающих обязанность работника возместить работодателю затраты, понесенные им в связи с обучением.

По вопросу о правовой природе возмещения затрат, связанных с обучением, представляется убедительной сформулированная в юридической литературе позиция, согласно которой названное правовое явление следует рассматривать в качестве меры защиты имущественных прав и интересов работодателя, а не в качестве меры ответственности, так как отсутствуют необходимые условия для привлечения работника к материальной ответственности: наличие ущерба и причинной связи между противоправным поведением работника и затратами работодателя на обучение.

Одной из основных обязанностей ученика является обязанность проработать по трудовому договору с работодателем в течение срока, установленного ученическим договором. Эта обязанность тесно связана с другой его обязанностью — возместить расходы работодателю, связанные с обучением, в случае, если он не исполняет без уважительных причин обязанности, возникающие у него по окончании ученичества (статьи 207 и 249 Трудового кодекса РФ).

Данным обязанностям ученика корреспондируют права работодателя требовать от ученика проработать по трудовому договору в течение срока, установленного ученическим договором, и возместить расходы, связанные с обучением, в случае неисполнения учеником своих обязательств.

В соответствии с ч. 2 ст. 207 Трудового кодекса РФ в случае, если ученик по окончании ученичества без уважительных причин не выполняет свои обязательства по договору, в том числе не приступает к работе, он, по требованию работодателя, возвращает ему полученную за время ученичества стипендию, а также возмещает другие понесенные работодателем расходы в связи с ученичеством.

Согласно ст. 249 Трудового кодекса РФ в случае увольнения без уважительных причин до истечения срока, обусловленного трудовым договором или соглашением об обучении за счет средств работодателя, работник обязан возместить затраты, понесенные работодателем на его обучение, исчисленные пропорционально фактически не отработанному после окончания обу-

чения времени, если иное не предусмотрено трудовым договором или соглашением об обучении.

Установление аналогичных правил в двух разных статьях Трудового кодекса РФ не означает, что ст. 249 не может применяться к отношениям сторон ученического договора по окончании ученичества.

В литературе по трудовому праву было сформулировано несколько позиций по вопросу о том, на кого распространяются указанные статьи.

Однако более правильную позицию, на наш взгляд, занимает Д.И. Федотов: «Положение ст. 249 Трудового кодекса Российской Федерации применяется к ученику, который уже состоит в трудовом отношении с работодателем (т.е. к работнику), а ч. 2 ст. 207 Трудового кодекса Российской Федерации применяется к ученику (лицу, ищущему работу), который не выполняет свои обязательства по ученическому договору, в том числе без уважительных «причин отказывается заключить трудовой договор с работодателем по окончании обучения (переобучения)»<sup>2</sup>.

Вывод, к которому автор пришел путем буквального толкования положений, предусмотренных ч. 2 ст. 207 («в том числе не приступает к работе») и ст. 249 Трудового кодекса Российской Федерации («в случае увольнения без уважительных причин до истечения срока...»), нашел подтверждение и в судебной практике<sup>3</sup>.

Как следует из положений статей 207 и 249 Трудового кодекса Российской Федерации, право работодателя на взыскание с ученика (работника) расходов, связанных с обучением, возникает при наличии следующих обязательных условий:

1) ученик (работник) прошел профессиональное обучение за счет средств работодателя;

2) после завершения обучения ученик (работник) не заключил трудовой договор с работодателем, либо не приступил к работе, либо уволился с работы до истечения срока обязательной отработки, установленного ученическим договором, либо трудовым договором, либо соглашением об обучении;

3) причина указанных действий ученика (работника) не является уважительной;

4) условие об обязанности работодателя оплатить обучение, а работника отработать после обучения определенный срок предусмотрено ученическим договором, либо трудовым договором, либо соглашением об обучении, заключенным в письменной форме.

Работодатель имеет право на возмещение расходов в том случае, если они связаны именно с

профессиональной подготовкой или переподготовкой, в результате которых ученик приобретает профессию, специальность, квалификацию, и условие о профессиональном обучении предусмотрено договором. Целью ученичества является приобретение профессии, специальности, квалификации, на что обращается внимание в ч. 1 ст. 199 Трудового кодекса РФ.

Можно предположить, что интерес ученика заключается не только в фактическом приобретении профессии, специальности и квалификации, но и в формальном его подтверждении, т.е. в получении им соответствующих документов. Если обучение проводилось с иной целью либо ученику не были выданы соответствующие документы, то расходы на такое обучение не являются условием для их возмещения<sup>4</sup>.

На практике работодатели достаточно часто затрудняются с определением состава расходов, возмещение которых они могут предъявить работнику или лицу, ищущему работу. В связи с этим суды совершенно обоснованно отказывают им в удовлетворении требований по возмещению произведенных работникам выплат, связанных с обучением, но являющихся в соответствии с законодательством гарантированными.

При этом необходимо иметь в виду, что соответствующие гарантированные выплаты предусмотрены ст. 187 Трудового кодекса РФ только работникам, направленным работодателем на повышение квалификации.

На наш взгляд, было бы целесообразно распространить указанные гарантии на лиц, ищущих работу, заключивших ученический договор о профессиональном обучении, и на всех работников, проходящих профессиональную переподготовку.

Необходимо отметить, что согласно составленной Архангельским областным судом справке в ученических договорах, представленных судьям, была предусмотрена обязанность возместить работодателю расходы, понесенные на обучение в полном объеме (включая оплату самого обучения, проезд к месту учебы и обратно, проезд к месту производственной практики и обратно, расходы на проживание в период обучения, командировочные расходы и сумму выплаченной стипендии)<sup>5</sup>. Установление в ученических договорах обязанности по возмещению всех этих расходов может быть признано правомерным, если в данных договорах речь идет о лицах, ищущих работу, проходящих профессиональную подготовку, и о рабочих, проходящих переподготовку.

Статья 249 Трудового кодекса РФ не дает достаточно четкий ответ на вопрос о том, в каком случае у работодателя возникает право требовать возмещения затрат, связанных с обучением: в случае расторжения трудового договора по инициативе работника или по инициативе работодателя.

На основании приведенной выше справки Архангельского областного суда можно утверждать, что судебная практика идет по пути широкого толкования приведенного положения и признает правомерным взыскание с работника затрат, связанных с его обучением, как в случае увольнения без уважительных причин по инициативе работника, так и в случае увольнения по инициативе работодателя за виновное поведение работника<sup>6</sup>.

В литературе по трудовому праву в основном сложилась такая же позиция по данному вопросу<sup>7</sup>, с чем следует согласиться.

Работодатель может требовать от ученика (работника) возмещения расходов, связанных с обучением, только в том случае, если причины, по которым ученик (работник) не приступил к работе по окончании ученичества или уволился до истечения срока отработки, не являются уважительными. Ни в ст. 207, ни в ст. 249 Трудового кодекса РФ конкретные уважительные причины не предусмотрены. Поэтому предлагается сформулировать перечень уважительных причин непосредственно в ученическом договоре<sup>8</sup>.

Е.Р. Брюхина предлагает законодательно закрепить определение понятия уважительных причин, рассматривая его как жизненные ситуации, возникающие по независящим от воли работника обстоятельствам, при отсутствии его вины, при наличии которых он освобождается от возмещения затрат, связанных с обучением<sup>9</sup>.

Нельзя не отметить, что в данном определении не учитывается такой критерий уважительности причин, как невозможность продолжения работы, на который обращается внимание в ч. 3 ст. 80 Трудового кодекса РФ.

В результате предложенное Е.Р. Брюхиной определение представляется слишком широким по объему. Необходимо отметить, что наличие в данном определении только одного признака уважительных причин — отсутствие вины ученика, — является недостаточным.

Как нам представляется, было бы целесообразно закрепить в Трудовом кодексе Российской Федерации не только определение уважительных причин, но и сформулировать их примерный перечень. Такой подход позволил бы, с одной сто-

роны, работодателю и ученику по своему усмотрению определять конкретные уважительные причины, а, с другой стороны, задал бы определенное направление развития соответствующей практики в плане признания отдельных социально значимых обстоятельств уважительными причинами увольнения работников.

<sup>1</sup> Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (в ред. ФЗ от 03.12.2012 г. № 236-ФЗ, с изм., внесенными постановлением КС РФ от 15.03.2005 г. № 3-П, определениями КС РФ от 11.07.2006 г. № 213-О, от 03.11.2009 г. № 1369-О-П, постановлением КС РФ от 15.12.2011 г. № 28-П).

<sup>2</sup> Федотов Д.И. Ученический договор: проблемы правового регулирования: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 24.

<sup>3</sup> Президиумом Челябинского областного суда было рассмотрено дело, суть которого состоит в следующем.

Организация обратилась в суд с иском к С. о взыскании суммы расходов на обучение. Решением мирового судьи, оставленным без изменения в апелляционной инстанции, иск удовлетворен. Судом было установлено, что между С. и истцом был заключен трудовой договор, который в том числе предусматривал, что в случае направления С. на обучение (повышение квалификации) за счет средств работодателя С. обязана отработать у работодателя не менее трех лет. При увольнении ранее определенного в договоре срока С. обязана по требованию работодателя компенсировать затраты на обучение в полном объеме исходя из стоимости обучения, командировочных и прочих расходов.

Такое обучение С. за счет работодателя прошла с 29 марта 2005 г. по 2 апреля 2005 г. Приказом от 13 ноября 2006 г. С. была уволена по п. 5 ст. 81 ТК РФ (неоднократное неисполнение работником без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание).

Признавая обоснованными требования о взыскании с С. суммы, затраченной на ее обучение, суд сослался на ст. 207 ТК РФ, которой предусмотрена обязанность ученика по окончании ученичества при невыполнении без уважительных причин своих обязательств по договору возратить работодателю полученную во время ученичества стипендию и другие понесенные работодателем в связи с ученичеством расходы. Суд также применил в споре ст. 238 ТК РФ, устанавливающую обязанность работника возместить работодателю прямой действительный ущерб.

Постановлением Президиума областного суда судебные постановления отменены и дело направлено на новое рассмотрение по следующим основаниям.

При разрешении спора суд не учел требований ст. 249 ТК РФ, определяющих правила возмещения затрат, связанных с обучением работника. Согласно этой норме необходимым условием для взыскания расходов, потраченных на обучение работника, является его увольнение без уважительных причин до истечения предусмотренного договором срока. Кроме того, установлено, что работник обязан возместить затраты, понесенные работодателем на его обучение, исчисленные пропорционально фактически не отработанному после окончания обучения времени. То обстоятельство, что суд не применил закон, подлежащий применению, привело к неправильному определению предмета доказывания и, как следствие, к необоснованному отклонению заявления С. ходатайства о приостановлении производства по делу до рассмотрения другого дела о незаконности увольнения по п. 5 ст. 81 ТК РФ.

Согласно представленным к надзорной жалобе судебным постановлениям, принятым по результатам рассмотрения трудового спора, приказы о наложении взыскания и увольнении С. отменены, по требованию С. изменена формулировка увольнения на собственное желание и изменена дата увольнения на 10 августа 2007 г.

Кроме того, суд должен был учитывать при разрешении спора положения ст. 9 и ст. 232 ТК РФ, согласно которым трудовые договоры не могут содержать условий, ограничивающих права или снижающих уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством; трудовым договором может конкретизироваться материальная ответственность сторон, но ответственность работодателя перед работником не может быть ниже, а работника перед работодателем — выше, чем это предусмотрено законом.

См.: *Обобщение судебной практики Челябинского областного суда за I квартал 2008 г.* // <http://uvel.chel.sudrf.ru>

<sup>4</sup> Так, Железнодорожным районным судом г. Екатеринбурга 1 ноября 2008 г. было рассмотрено гражданское дело, по которому ООО «Агроком-Урал» предъявило к Коршунову ДС. встречный иск о возмещении затрат на обучение.

В ходе судебного заседания было установлено, что при приеме Коршунова Д.С. на работу на должность сервисного инженера с ним был заключен трудовой договор, в п. 7.8 которого было предусмотрено, что работник обязуется после окончания обучения, проводимого за счет средств работодателя, отработать в организации не менее двух лет со дня окончания обучения.

В случае увольнения без уважительных причин до истечения двух лет работник возмещает затраты, понесенные работодателем пропорционально неотработанному времени.

При направлении Коршунова Д.С. в ООО «Клаас-Восток» на обучение навыкам эффективного использования техники ученический договор с ним не заключался, а составлялись только приказы о направлении в командировку. Согласно копии договора, заключенного между ООО «Агроком-Урал» и ООО «Клаас-Восток», последнее оказывает лишь информационно-консультационные услуги, а не услуги по обучению.

Поскольку предмет договора в части обучения сторонами не был определен и ООО «Клаас-Восток» не оказывает деятельность по обучению, суд пришел к выводу, что на Коршунова Д.С. не может быть возложена

обязанность по возмещению ущерба <http://sutyajnik.ru/documents/2529.html>

<sup>5</sup> *Справка* Архангельского областного суда по результатам обобщения судебной практики по трудовым спорам о материальной ответственности работников, рассмотренным мировыми судьями судебных участков Исакогорского и Цигломенского округов г. Архангельска в 2007 г. и в первом полугодии 2008 г. (Извлечение) // [http://sudis.arh.sudrf.ru/modules.php?name=docum\\_sud](http://sudis.arh.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud)

<sup>6</sup> Архангельский областной суд отмечает, что мировые судьи пять раз удовлетворяли иски ОАО «Российские железные дороги» к своим бывшим работникам о возмещении средств, затраченных на их обучение. Как видно из справки, в ученических договорах, представленных судьям, была предусмотрена обязанность работников возместить работодателям расходы, понесенные за обучение, в полном объеме в случаях, если трудовой договор был расторгнут до истечения срока отработки по инициативе работника, либо по причине его виновного поведения, либо за неисполнение пунктов ученического договора.

<sup>7</sup> См.: Орловский Ю.П., Нуртдинова А.Ф., Чиканова Л.А. Настольная книга кадровика. Юридические аспекты. М.: МЦФЭР, 2005;

Миронов В.И. Трудовой и ученический договоры. М., 2005. С. 187, 190;

Глебов В.Г. Ученический договор. М., 2006. С. 90—91; Федотов Д.И. Ученический договор: проблемы правового регулирования: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 25—26 и др.

<sup>8</sup> См.: Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. М.О. Буянова, И.А. Костян... С. 512—514;

Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Ю.П. Орловский... С. 786;

Миронов В.И. Указ. соч. С. 187—188;

Федотов Д.И. Указ. соч. и др.

<sup>9</sup> Брюхина Е.Р. Право на труд и право на образование: регулирование отношений по профессиональной переподготовке работников в России: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 181.

## Библиографический список

### Нормативно-правовые акты

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (в ред. Федерального закона от 03.12.2012 г. № 236-ФЗ, с изм., внесен-

ными постановлением Конституционного Суда РФ от 15.03.2005 г. № 3П, определениями Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 г. № 213-О, от 03.11.2009 г. № 1369-О-П, постановлением Конституционного Суда РФ от 15.12.2011 г. № 28-П).

2. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный). 4-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. М.О. Буянова, И.А. Костян. М.: ТК Велби, КНОРУС, 2012.

3. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации. 4-е изд., испр., доп. и перераб. / Отв. ред. Ю.П. Орловский. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2007.

### Научная литература

4. Брюхина Е.Р. Право на труд и право на образование: регулирование отношений по профессиональной переподготовке работников в России: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

5. Глебов В.Г. Ученический договор. М., 2008.

6. Миронов В.И. Трудовой и ученический договоры. М., 2011.

7. Орловский Ю.П., Нуртдинова А.Ф., Чиканова Л.А. Настольная книга кадровика. Юридические аспекты. М.: МЦФЭР, 2014.

8. Федотов Д.И. Ученический договор: проблемы правового регулирования: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

### Документальные источники

9. Материалы судебной практики Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга на 1 ноября 2008 г. // <http://sutyajnik.ru/documents/2529.html>

10. Обобщение судебной практики Челябинского областного суда за I квартал 2008 г. // <http://uvel.chel.sudrf.ru>;

11. Справка Архангельского областного суда по результатам обобщения судебной практики по трудовым спорам о материальной ответственности работников, рассмотренным мировыми судьями судебных участков Исакогорского и Цигломенского округов г. Архангельска в 2007 г. и в первом полугодии 2008 г. (Извлечение) // [http://sudis.arh.sudrf.ru/modules.php?name=docum\\_sud](http://sudis.arh.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud)

УДК 347.61  
ББК 67.404

## ЛИЧНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СУПРУГОВ

На основе законодательства Азербайджанской Республики

Лейла Рафик кызы КУЛИЕВА,  
докторант отдела  
теории государства и права, гражданского права  
и гражданского процесса Института философии  
и права Национальной Академии Наук Азербайджана  
E-mail: Leyla-askerzade@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право;  
семейное право; международное частное право

**Аннотация.** В статье автор указывает, что каждый супруг может пользоваться своими личными правами самостоятельно. Каждый из супругов с момента государственной регистрации заключения брака становится в равной степени обладателем прав и обязанностей.

**Ключевые слова:** конституция, право, республика, кодекс, статья.

**Annotation.** The author points out that each spouse can enjoy their own personal rights. Each of the spouses of the state registration of marriage becomes equally the owner of rights and obligations.

**Key words:** constitution, law, republic, code, article.

Научный руководитель — З.А. Мамедов, доктор философии по праву, доцент

В статье 29 Семейного кодекса Азербайджанской Республики, которая называется «Равноправие супругов в семейных отношениях», и в ст. 30 «Право выбора супругами фамилии» записано следующее: «В соответствии с закрепленным Конституцией Азербайджанской Республики равноправием женщин и мужчин супруги пользуются равными личными и имущественными правами в семейных отношениях.

Материнство, отцовство, воспитание и образование детей, а также другие вопросы семьи решаются супругами совместно в соответствии с принципом равноправия супругов.

Супруг свободен в избрании занятия, профессии и места жительства.

Супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимопомощи и чувства взаимопомощи, осуществлять совместную деятельность для благополучия и укрепления семьи, создавать благоприятные условия для развития детей и заботиться об их здоровье.

Супруги по своему усмотрению выбирают фамилию одного из них в качестве общей фами-

лии или сохраняют свою добрачную фамилию, либо присоединяют к своей фамилии фамилию другого супруга.

Соединение фамилий не допускается, если добрачная фамилия одного или обоих вступающих в брак супругов является двойной.

Перемена фамилии одним из супругов не влечет за собой перемену фамилии другого супруга.

В случае расторжения брака супруги вправе сохранить общую фамилию или восстановить свои добрачные фамилии» [1].

Аналогичные нормы нашли отражение:

- в ст. 31 Семейного кодекса Российской Федерации от 25 декабря 1995 г. [3];
- в ч.1 ст. 49, ч. 1 ст. 50, ч. 1 ст. 53, ч. 2 ст. 54, ч. 1 ст. 55 и ч. 1 ст. 56 Семейного кодекса Украины от 10 января 2002 г. [4];
- в статьях 20<sup>1</sup>, 21 и 22 Кодекса Республики Беларусь «О браке и семье» от 9 сентября 1999 г. [5];
- в статьях 30—31 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» от 26 декабря 2011 г. [6];

- в статьях 16—17 Семейного кодекса Республики Молдова 26 октября 2000 г. [7];
- в статьях 19—22 Семейного кодекса Республики Узбекистан от 30 апреля 1998 г. [8];
- в статьях 32—33 Семейного кодекса Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. [9];
- в статьях 32—33 Семейного кодекса Кыргызской Республики от 30 августа 2003 г. [10];
- в ст. 30 Семейного кодекса Туркменистана от 10 января 2012 г. [11].

Как видно, права и обязанности супругов делятся на две группы: личные и имущественные. С момента, когда лица, заключившие брак (юридически оформленный свободный и добровольный союз мужчины и женщины, направленный на создание семьи и порождающий взаимные права и обязанности), становятся супругами, между ними возникают личные неимущественные права.

Под личными правами и обязанностями понимаются такие, которые затрагивают личные интересы супругов, не имеют экономического содержания и не носят материального характера, но в то же время являются определяющими, что обусловлено сущностью брака как добровольного союза мужчины и женщины с целью создания семьи на началах равенства супругов. В Семейном кодексе правовое регулирование личных неимущественных прав супругов сведено к минимуму. Однако, на наш взгляд, указанное регулирование нуждается в более детальной и расширенной регламентации.

Правовое регулирование личных неимущественных прав направлено на обеспечение равенства супругов в семье, создание нормальных условий для развития каждого из них и укрепление семьи в целом.

Личные неимущественные права и обязанности супругов являются прямым следствием заключения брака и определяют основу взаимоотношений супругов в семье. К личным неимущественным правам супругов относятся права, затрагивающие их личные интересы. Личные неимущественные права супругов базируются на том, что они свободны от всяческого расчета, их основу составляют желательные и одобряемые государством действия и поступки, касающиеся личной жизни мужа и жены [12].

Личные неимущественные права супругов тесным образом связаны с правами, предусмотренными нормами Конституции Азербайджанской Республики (далее — Конституции АР) от 12 ноября 1995 г. [2].

Так, нормы ч. 2 ст. 25 Конституции Азербайджанской Республики устанавливают равенство мужчины и женщины в правах и свободах. Части 1 и 2 ст. 32 указывают на неприкосновенность личной жизни, личную и семейную тайну.

Кроме того, каждый может свободно передвигаться, выбирать себе место жительства (ч. 3 ст. 28 Конституции Азербайджанской Республики).

В Азербайджанской Республике каждый обладает правом свободно выбирать себе на основе своей способности к труду вид деятельности, профессию, занятие и место работы (ч. 2 ст. 35 Конституции АР).

На основании ч. 4 ст. 34 Конституции АР права супругов равны. Заботиться о детях, воспитывать их является как правом, так и долгом родителей.

В соответствии с ч. 1 ст. 24 Конституции АР каждый с момента рождения обладает неприкосновенными, ненарушаемыми и неотчуждаемыми правами и свободами.

Все указанные личные права граждан являются по своей правовой природе конституционными, они нашли отражение в нормах семейного права.

Личные неимущественные права супругов обладают рядом особенностей: они тесно связаны с личностью супругов, неотделимы от нее и не могут отчуждаться, не могут быть отменены или ограничены путем заключения между супругами какого-либо соглашения. На них не влияет факт совместного или раздельного проживания, каждый из супругов может пользоваться правами по собственному усмотрению.

Личные неимущественные права супругов не имеют денежного эквивалента. Указанный признак означает, что личные неимущественные права не могут быть предметом брачного договора.

При заключении брака за каждым из супругов сохраняется правоспособность в полном объеме и никто не вправе ее ограничивать.

Таким образом, каждый из супругов выбирает род занятий и профессию по своему собственному желанию, независимо от воли другого супруга, возможны лишь ограничения общепринятого характера, связанные с личными качествами, способностями, природными дарованиями и степенью квалификации гражданина, претендующего на занятие тем или иным видом деятельности. Какие-либо возражения другого супруга, связанные с таким выбором, никакого правового значения не имеют. Повлиять на выбор про-

фессии супругом возможно лишь советами и рекомендациями. Право принятия окончательного решения принадлежит каждому из супругов индивидуально.

В реальной жизни супруги зачастую решают эти вопросы по взаимному согласию, исходя из интересов семьи. В противном случае разногласия супругов по поводу рода занятий и профессии могут служить причиной серьезных семейных конфликтов и даже расторжения брака.

Аналогичным образом решается вопрос и о месте пребывания и жительства супругов. Создание семьи предполагает совместное проживание мужчины и женщины. Однако никто не вправе ограничивать супругов в выборе места пребывания и жительства. Перемена места жительства одним из супругов не влечет за собой обязанности другого супруга также менять место жительства.

Если у супругов возникла необходимость в раздельном проживании по каким-либо объективным или субъективным причинам, вопрос об этом решается самими супругами свободно, без каких-либо ограничений [12].

### Библиографический список

#### *Нормативно-правовые акты*

1. Семейный кодекс Азербайджанской Республики от 28.12.1999 г. Баку: Ганун, 2015.
2. Конституция Азербайджанской Республики от 12.11.1995 г. Баку: Ганун, 2012.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 25.12.1995 г. // <http://www.semkodeks.ru/articles/sk-glava-6/sm-statia-31/>

4. Семейный кодекс Украины от 10.01.2002 г. // [http://kodeksy.com.ua/ka/simejnj\\_kodeks\\_ukrainy.htm](http://kodeksy.com.ua/ka/simejnj_kodeks_ukrainy.htm)

5. Кодекс Республики Беларусь «О браке и семье» от 09.09.1999 г. // [http://www.pravo.by/world\\_of\\_law/text.asp?RN=hk9900278#&Article=20](http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=hk9900278#&Article=20)

6. Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» от 26.12.2011 г. // [http://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=31102748&doc\\_id2=31102748#sub\\_id=1002210430&sub\\_id2=300000&sel\\_link=1002210430](http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748&doc_id2=31102748#sub_id=1002210430&sub_id2=300000&sel_link=1002210430)

7. Семейный кодекс Республики Молдова // <http://lex.justice.md/ru/286119/>

8. Семейный кодекс Республики Узбекистан от 30.04.1998 г. // [http://fmc.uz/legisl.php?id=k\\_sem\\_2](http://fmc.uz/legisl.php?id=k_sem_2)

9. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13.11.1998 г. // <http://www.asia-realty.ru/co-zakon-tajikistan.php?Id=351>

10. Семейный кодекс Кыргызской Республики от 30.08.2003 г. // [http://online.adviser.kg/Document/?link\\_id=1000876719](http://online.adviser.kg/Document/?link_id=1000876719)

11. Семейный кодекс Туркменистана от 10.01.2012 г. <http://turkmenistan.gov.tm/?id=779>

#### *Научная литература*

12. Палькина Т.Н. Личные неимущественные права супругов // <http://www.to-1.ru/articles/258/>



УДК 34  
ББК 67.411

## ПРАВОВОЙ СТАТУС АРБИТРОВ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ СИСТЕМЕ ПРАВА

Анна Арменовна ТЕР-ОВАКИМЯН,  
аспирант кафедры международного частного права  
Московского государственного юридического  
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)  
E-mail: prannapr@mail.ru

Научная специальность: 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право;  
семейное право; международное частное право

**Аннотация.** В практике международной торговли все большее распространение получает внесудебный порядок урегулирования споров, а именно, обращение сторон сделки к институту постоянно действующих международных коммерческих арбитражей. Авторитетом пользуются основные арбитражные центры, относящиеся к странам с англосаксонской системой права: Великобритании, Соединенных Штатов Америки, Австралии и Канады. Несмотря на сходства и различия, обобщающим является то, что основные арбитражные центры англо-американской системы права раскрывают важнейшие аспекты статуса третейского судьи.

**Ключевые слова:** правовой статус, арбитр, международный коммерческий арбитраж, арбитражные центры, регламент.

**Annotation.** In the practice of international trade an extrajudicial procedure is widespread, namely, the parties of the transaction apply to the institutional international commercial arbitrations. The main arbitration centres belonging to the countries with Anglo-Saxon system of law possess significant respect. These countries are: Great Britain, Unites States of America, Australia and Canada. Despite the similarities and differences the common is that the main arbitration centres of Anglo-American system of law, enjoying respect, disclose the most important aspects of the arbitrator's status.

**Key words:** legal status, arbitrator, international commercial arbitration, arbitration centres, rules.

Научный руководитель — Г.К. Дмитриева, доктор юридических наук, профессор

В современном мире в силу процесса глобализации происходит развитие различного рода международных связей, значительное место в которых занимают международные коммерческие сделки. Споры, возникающие из таких сделок, становятся все сложнее.

В практике международной торговли все большее распространение получает внесудебный порядок урегулирования споров, а именно, обращение сторон сделки к институту постоянно действующих международных коммерческих арбитражей.

Существует более 100 постоянно действующих арбитражей. Авторитетом пользуются основные арбитражные центры, относящиеся к странам с англосаксонской системой права: Великобритании, Соединенных Штатов Америки, Австралии и Канады.

Первый шаг в арбитражном процессе — выбор (назначение) арбитра, что является важным аспектом в арбитражном процессе. Арбитры (единоличный арбитр или арбитражная коллегия) реализуют главную цель любого арбитражного процесса — вынесение решения. Поэтому выбор лица, на которого возлагается данная функция, является первоочередным и очень ответственным для сторон. В соглашениях об арбитраже стороны договариваются о выборе постоянно действующего арбитража. Правила, принятые данными арбитражами относительно числа и порядка назначения третейских судей, должны быть соблюдены сторонами разбирательства.

Так, регламенты, принятые в США, Канаде и Австралии, устанавливают автономию воли сторон в принятии решения о назначении и

формировании состава арбитров, рассматривающих дело.

В Англии правом назначения арбитров обладает только администрация Лондонского международного арбитражного суда. Известное понятие «назначение арбитров» стороной (сторонами) в Регламенте Суда определяется как «выдвижение кандидатуры арбитра (ов)» (ст. 7), а не как их реальное назначение<sup>1</sup>.

В США существует тесная связь государственного суда и арбитражных институтов: при не достижении сторонами согласия о порядке формирования состава арбитража данное полномочие передается государственному суду по заявлению одной из сторон (ст. 3 Единообразного арбитражного акта). Стороны свободны в определении правил формирования состава арбитража. Во внутреннем третейском разбирательстве дело обычно рассматривается одним арбитром, по более сложным делам — тремя. Процедура назначения арбитража в составе трех арбитров одинакова практически во всех наиболее известных и уважаемых арбитражных учреждениях: каждая из сторон выбирает одного арбитра, затем арбитры выбирают председателя состава арбитража.

В Регламенте Австралийского центра международного коммерческого арбитража с обновлениями 2015 г. существует правило, согласно которому: «если стороны не достигли соглашения о количестве арбитров, рассматривающих спор (один или три), и если в течение 30 дней после получения ответчиком уведомления об арбитраже стороны не смогли договориться, Австралийский центр международного коммерческого арбитража определяет количество арбитров, принимая во внимание обстоятельства дела»<sup>2</sup>. Однако, какие обстоятельства дела могут повлиять на количество арбитров, в Регламенте не указано.

Решение сторон обратиться к определенному арбитражному институту обусловлена высоким статусом и репутацией данных институтов. Поэтому выбор лица, обладающего полномочиями по вынесению вердикта в отношении коммерческого спора, является, что неоспоримо, существенным актом со стороны истца и ответчика для вынесения грамотного, отвечающего всем принципам арбитражного разбирательства решения.

С учетом законодательства об арбитраже стран с англо-саксонской системой права можно утверждать, что арбитры наделены особым статусом, позволяющим осуществлять функции

по разрешению споров, при этом являясь независимыми от сторон и беспристрастными по отношению к исходу дела. Именно данные требования являются первоочередными, главными закрепленными принципами во всех арбитражных центрах мира.

Общей обязанностью арбитра в институтах англо-саксонской системы права является также раскрытие фактов и обстоятельств, которые могут вызвать сомнения в его независимости и беспристрастности. Данная обязанность действует на любом этапе арбитражного процесса.

В частности, Регламент Лондонского международного третейского суда очень строго определяет, что должен представить арбитр администрации и каким критериям он должен отвечать.

Например, арбитр должен представить в администрацию свой послужной список (подробное резюме), подписать соглашение о своих расценках и оплате согласно Регламенту, а также декларацию о том, что не существует никаких известных ему обстоятельств, которые могли бы возбудить какие-либо обоснованные сомнения относительно его беспристрастности или независимости. Ни до, ни после назначения арбитры никаким образом не должны давать сторонам советы по существу дела либо высказываться о его исходе<sup>3</sup>.

В Канаде в настоящее время отсутствуют единые стандарты квалификации арбитров. Прежде чем выбрать арбитра, адвокат вместе со своим клиентом исследуют опыт и компетентность вероятных кандидатов. Однако есть несколько критериев, по которым выбираются арбитры:

- беспристрастность, справедливость, свобода от предвзятости;
- понимание предмета спора;
- глубокое знание арбитражного процесса;
- умение эффективно вести диалог со сторонами, как устно, так и письменно<sup>4</sup>.

Институт по альтернативному разрешению споров в Торонто, международный арбитражный центр Британской Колумбии в Ванкувере, национальный и международный центр коммерческого арбитража в Квебеке содержат списки арбитров с указанием их квалификации для национальных и международных арбитражей.

Арбитр, достигший необходимых квалификационных стандартов, предписанных данными организациями, называется «привилегированным арбитром». Например, арбитр должен обладать степенью, квалификацией и опытом в определенной области знаний; успешно завершить образовательный курс по арбитражу, предусмотр-

ренный Институтом по альтернативному разрешению споров в Канаде или региональными институтами; иметь практику в качестве арбитра не менее двух лет; быть принятым и утвержденным Аккредитационным комитетом Регионального института дипломированных арбитров и ратифицированным Советом Директоров этого института; быть принятым и утвержденным Национальным Аккредитационным Комитетом Института по альтернативному разрешению споров в Канаде<sup>5</sup>.

Помимо общепринятых требований, Центр коммерческого арбитража Канады в отношении арбитра устанавливает требование о старательности<sup>6</sup>. Данное требование можно охарактеризовать как усердие, прилежание или внимательное отношение арбитра.

По проекту нового Регламента Австралийского центра международного коммерческого арбитража 2015 г. перед назначением будущий арбитр, помимо характеристики независимости и беспристрастности, должен подписать заявление о своей работоспособности<sup>7</sup>. Следует понимать, что установить факт зависимости арбитра от разрешения дела намного легче, чем доказать его пристрастность.

Арбитражные центры Соединенных Штатов Америки вышли на шаг вперед по сравнению со своими коллегами в арбитражных центрах Канады, Великобритании и Австралии, разработав достаточно подробные правила поведения арбитров и требования, предъявляемые к ним.

Совместно с Национальной академией арбитров, Американской арбитражной ассоциацией и Американской ассоциацией адвокатов в 2004 г. был принят Кодекс этики для арбитров в коммерческих спорах.

Данный Кодекс в отличие от регламентов других центров в странах общего права раскрывает характеристику «независимости и беспристрастности» арбитра: «Принимая назначение и выполняя обязанности арбитра, лицо не должно вступать ни в какие финансовые, деловые, профессиональные, семейные или общественные взаимоотношения или проявлять финансовый или личный интерес, что может помешать беспристрастности или создать предвзятость. После разрешения спора в течение разумного периода времени лица, участвующие в разбирательстве сторон, не должны вступать в означенные отношения или проявлять означенный интерес в тех обстоятельствах, когда может показаться, что они приняли решение под влиянием указанных отношений или интереса»<sup>8</sup>. Кодекс впервые

устанавливает такое понятие, как «профессиональная этика арбитров».

Возможность отвода арбитра также является гарантом реализации принципа независимости и беспристрастности. В странах англо-американской системы права основанием для отвода является наличие обстоятельств, которые могут вызвать у сторон сомнения относительно данных принципов.

Подтверждением этому служит Регламент Лондонского международного третейского суда, который устанавливает: «Арbitру может быть заявлен отвод, если существуют обстоятельства, вызывающие обоснованные сомнения относительно его беспристрастности или независимости. Сторона может заявить отвод арbitру, кандидатуру которого она выдвинула или в назначении которого она принимала участие, лишь по причинам, которые стали ей известны после его назначения»<sup>9</sup>.

Регламент Лондонского международного третейского суда предусматривает еще одно основание для отвода арбитра — непригодность для рассмотрения определенного дела в силу отсутствия работоспособности, прилежания и усердия при проведении арбитражного разбирательства<sup>10</sup>. Данное основание воплощено также в правилах Центра о коммерческом арбитраже Канады.

Единым для всех стран общего права является ответ на вопрос о том, должен ли арбитр и в какой момент арбитражного разбирательства уведомить стороны о любых обстоятельствах, которые могут вызвать недоверие к его независимости и беспристрастности.

Лицо, которое, как предполагается, будет осуществлять функции арбитра, должно уведомить сторону, обратившуюся к нему, о данных обстоятельствах до назначения его на должность третейского судьи. Если в процессе арбитражного разбирательства арbitру станут известны обстоятельства, которые могут вызвать сомнения в его основополагающих принципах деятельности, он должен незамедлительно уведомить о данных обстоятельствах стороны и других арбитров в случае рассмотрения дела коллегией арбитров.

Несмотря на то что Британская Колумбия является провинцией Канады, нормы о статусе арбитров закрепляют особые правила. Например, международный коммерческий арбитраж Британской Колумбии закрепляет возможность наделения одного лица тремя различными функциями — посредника, или медиатора, и арбитра.

Иными словами, в случае, если при процедуре посредничества или медиации не получается

достигнуть урегулирования спора, данное уполномоченное лицо может перейти из статуса посредника или медиатора в арбитра для разрешения коммерческого спора<sup>11</sup>.

Далее. Основанием прекращения мандата арбитра является неспособность осуществления своих функций «де юре» или «де факто». Данные основания не находят своего раскрытия в Правилах о процедуре международного коммерческого арбитража в Британской Колумбии. Соответственно, это представляется интересным с точки зрения широкого толкования данных понятий, а именно, обозначения обстоятельств «де юре» и «де факто». Например, понятие «де факто» может означать отсутствие реальной возможности реализации арбитром своих прав — плохое самочувствие, семейные обстоятельства и т.д.

В прошлом в странах прецедентного права, когда арбитраж не являлся популярной формой рассмотрения споров по сравнению с сегодняшним днем, назначение лица арбитром являлось честью для человека. Это являлось показателем его положения в обществе и успеха в профессии.

На сегодняшний день такая позиция остается актуальной. Несмотря на общую систему права и вследствие этого одинаковый взгляд на основные качества, которыми должен обладать арбитр — независимость, беспристрастность, единая обязанность по раскрытию фактов и обстоятельств, которые могут вызвать сомнения в данных принципах, статус третейских судей в основных арбитражных центрах США, Великобритании, Канады и Австралии имеет определенные особенности.

Приведем основные среди них: различная степень распространения иммунитета на арбитра, каждый центр устанавливает особые качества, которыми должен обладать арбитр (старательность, прилежание, эффективное ведение диалога со сторонами и др.). Провинция Канады Британская Колумбия закрепляет возможность сосредоточения в одном лице посредника и арбитра или медиатора и арбитра, что определено

является особенной нормой, не содержащейся в арбитражных правилах основных центров Канады, США или Австралии.

Таким образом, проблема требований, предъявляемых к арбитрам в международном коммерческом арбитраже, вызывает большой интерес по причине недостаточной законодательной и доктринальной разработки сложного многопланового вопроса: кто именно может исполнять обязанности арбитра в международном коммерческом арбитраже и каким правовым статусом он должен обладать.

Несмотря на вышеупомянутые сходства и различия, обобщающим является то, что основные арбитражные центры англо-американской системы права, обладающие авторитетом, как раз и раскрывают важнейшие аспекты статуса третейского судьи.

<sup>1</sup> Article 7 of LCIA Arbitration Rules, 2014//14.05.2015.

<sup>2</sup> Article 8 of ACICA Arbitration Rules, 2015//14/05/2015.

<sup>3</sup> Article 5 of Arbitration Rules of London Court of Arbitration Rules, 2014//14.05.2015.

<sup>4</sup> *Judith P.R.* Appropriate Dispute Resolution for Counsel: a Training Program in Arbitration. 1995.

<sup>5</sup> ADR Institute of Canada Inc. Principles, Criteria, Protocol, Competencies for the designation Chartered Arbitrator, 2011 // <http://www.bcami.com>

<sup>6</sup> Article 18, p. 5 of International Arbitration Rules CCAC, 994//14.05.2015.

<sup>7</sup> Article 12.3, EXPOSURE DRAFT 25 SEPTEMBER 2014//14.05.2015.

<sup>8</sup> Canon 1 p. C of The Code of Ethics for Arbitrators in Commercial Disputes, 2004.

<sup>9</sup> P. 3.7 of Arbitration Rules of London Court of Arbitration Rules, 2014//17.05.2015.

<sup>10</sup> Article 10, p. 10.2 (iii) of Arbitration Rules of London Commercial International Arbitration, 2014//17.05.2015.

<sup>11</sup> Article 11 of International Commercial Arbitration Rules of Procedure, 2000 (British Columbia International Commercial Arbitration Centre) // 18.05.2015.

УДК 343.72  
ББК 67.628

## УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ О ПРИСВОЕНИИ И РАСТРАТЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

Нодари Дарчоевич ЭРИАШВИЛИ,  
доктор экономических наук,  
кандидат юридических наук,  
кандидат исторических наук, профессор  
E-mail: nodari@unity-dana.ru

Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология;  
уголовно-исполнительное право

**Аннотация.** В статье проведен сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства о присвоении и растрате чужого имущества трех субъектов международного права (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Узбекистан), являющихся участниками международной организации — Содружество Независимых Государств.

**Ключевые слова:** уголовное законодательство, кодификация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Узбекистан, Уголовный кодекс Республики Беларусь, Уголовный кодекс Республики Казахстан, Уголовный кодекс Республики Узбекистан, присвоение и растрата чужого имущества, преступление, уголовное правонарушение, уголовный проступок.

**Annotation.** The article conducts a comparative legal analysis of the criminal legislation of misappropriation and embezzlement of the three subjects of international law (the Republic of Belarus, Republic of Kazakhstan, Republic of Uzbekistan) which are members of international organizations — the Commonwealth of Independent States.

**Key words:** criminal law, codification, Republic of Belarus, Republic of Kazakhstan, Republic of Uzbekistan, the Criminal code of the Republic of Belarus, the Criminal code of the Republic of Kazakhstan, the Criminal code of the Republic of Uzbekistan, misappropriation and embezzlement, crime, criminal offense, criminal offense.

В свое время известный французский ученый Рене Давид отмечал следующее: «Мир стал един. Мы не можем отгородиться от людей, которые живут в других государствах, других частях земного шара. Необходимое международное взаимодействие или, во всяком случае, простое сосуществование требует, чтобы мы открыли наши окна и посмотрели на зарубежное право»<sup>1</sup>. Это имеет непосредственное отношение к сравнительному правоведению, которое ныне является одним из важнейших направлений юридической науки.

В данной статье мы обращаем внимание на уголовное законодательство лишь трех государств — Республики Беларусь, Республики Казахстан и Республики Узбекистан<sup>2</sup>, являющихся участниками международной организации — Содружество Независимых Государств<sup>3</sup>. Уголовное законодательство названных государств, как и Российской Федерации<sup>4</sup>, кодифицировано. Правда, в кодифицированных нормативных правовых актах допускается замена их термином «уголовный закон»<sup>5</sup>.

Правовым обоснованием для исследования уголовного законодательства зарубежных госу-

дарств является положение, закрепленное в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.<sup>6</sup>: «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы»<sup>7</sup>.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК РБ) уголовная ответственность за преступления против собственности регламентирована в разделе VIII «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности» (глава 24 «Преступления против собственности» — статьи 205—220; глава 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» — статьи 221—262)<sup>8</sup>.

В статье 215 УК РБ «Присвоение найденного имущества» закреплена ответственность за присвоение в особо крупном размере (в 1000 раз и более превышающем минимальный размер оплаты труда) найденного чужого имущества или клада. Максимальное наказание за это преступление предусмотрено в виде ареста на срок до трех месяцев, в отличие от других преступлений против собственности, в частности мошенничества или присвоения, растраты, максимальная ответственность за которые установлена в виде трех—четырех лет лишения свободы.

По нашему мнению, законодатель справедливо полагает, что присвоение найденного чужого имущества представляет меньшую общественную опасность, нежели присвоение или растрата чужого имущества. Последнее деяние наказывается по ст. 211 «Присвоение либо растрата» УК РБ. Согласно этой статье УК РБ предметом присвоения или растраты, как и в УК РФ (ст. 160), выступает имущество, вверенное лицу. Такая формулировка не позволяет однозначно выявить позицию законодателя относительно имущества, находящегося в ведении у лица.

В статье 211 УК РБ усилена ответственность за присвоение или растрату, если деяние: совершено повторно либо группой лиц по предварительному сговору (ч. 2); в крупном размере (ч. 3); организованной группой или в особо крупном размере (ч. 4). Также обращаем внимание на включение в главу 24 «Преступления против собственности» УК РБ ст. 210 «Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями»<sup>9</sup>.

В части 1 этой статьи УК РБ закреплена ответственность за «завладение имуществом или приобретение права на имущество, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 211 настоящего Кодекса (хищение путем злоупотребления служебными полномочиями)».

Полагаем, что ст. 211 УК РБ имеет и другой недостаток. Так, в примечании 1 к главе 24 УК РБ закреплено следующее положение: «Под хищением в настоящей главе понимается умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или использования компьютерной техники».

В связи с этим присвоение либо растрата есть умышленное противоправное безвозмездное завладение вверенным чужим имуществом с корыстной целью. Присвоение и растрата предполагают злоупотребление доверием, поскольку имущество вверено. Законодательные конструкции хищения, мошенничества, присвоения и растраты затрудняют разграничение статей 209 и 211 УК РБ и, судя по всему, ответственность не будет усиливаться за присвоение или растрату имущества лицом, использующим для этого свое служебное положение.

Обращаем внимание также на ст. 212 УК РБ, в которой предусмотрена ответственность за хищение имущества путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных либо передачи данных, либо путем введения в компьютерную систему ложной информации.

В Уголовном кодексе Республики Казахстан от 16 июля 1997 г.<sup>10</sup> (введен в действие с 01.01.1998 г.) ответственность за присвоение или растрату регулировалась аналогично, как и в уголовном законодательстве Российской Федерации.

В главе 6 «Преступления против собственности», открывающейся ст. 175 «Кража» с примечанием, определяющим понятие хищения, наряду с мошенничеством (ст. 177) предусматривалась уголовная ответственность и за присвоение или растрату (ст. 176). Принципиальное отличие ст. 160 УК РФ от ст. 176 Кодекса Казахстана состояло в том, что в последней предусматривалось усиление ответственности за совершение этого преступления неоднократно (п. «б» ч. 2 ст. 176) и лицом, ранее два или более раз судимым за хищение либо за вымогательство (п. «в» ч. 3 ст. 176).

В ныне действующем Уголовном кодексе Республики Казахстан (УК РК) от 3 июля 2014 г. (введен в действие с 01.01.2015 г.<sup>11</sup>) наряду с термином «преступление» (например, ст. 10), используется термин «уголовное правонарушение» (например, статьи 20, 21).

В соответствии со ст. 10 УК РК уголовные правонарушения подразделены на два вида: пре-

ступление и уголовный проступок (в зависимости от двух признаков: общественная опасность и наказуемость).

В главу 6 «Уголовные правонарушения против собственности» (статьи 187—204) включена ст. 189 «Присвоение или растрата вверенного чужого имущества».

Структурно ст. 189 УК РК состоит из четырех частей.

В части 1 этой статьи УК РК под присвоением или растратой предложено понимать «хищение чужого имущества, вверенного виновному».

В частях 2—4 этой статьи приведен исчерпывающий перечень квалифицирующих признаков данного уголовного правонарушения: группой лиц по предварительному сговору, неоднократно, лицом с использованием своего служебного положения (ч. 2); в крупном размере; лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом, либо должностным лицом, либо лицом, занимающим ответственную государственную должность, если они сопряжены с использованием им своего служебного положения (ч. 3); преступной группой, в особо крупном размере (ч. 4).

В Уголовном кодексе Республики Узбекистан (УК РУ) от 22 сентября 1994 г.<sup>12</sup> в главе 10 «Хищение чужого имущества» имеется ст. 167 «Хищение путем присвоения или растраты», в которой уточнен предмет преступления — имущество, вверенное виновному или находящееся в его ведении, а также дан квалифицирующий признак — повторно или опасным рецидивистом (п. «а» ч. 3 ст. 167).

Наличия одного только доступа виновного к имуществу недостаточно для признания имущества вверенным виновному. Это теоретическое положение нашло свое отражение в ст. 172 УК РУ, включенной в главу 11 «Преступления, не связанные с хищением чужого имущества». В ней предусмотрена ответственность за «недобросовестное отношение лица к исполнению своих обязанностей по охране имущества, повлекшее его расхищение, повреждение или уничтожение, причинившее крупный ущерб, при отсутствии признаков должностного преступления».

*Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.*

**Во-первых**, уголовное законодательство рассмотренных трех государств — Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, как и Российской Федерации, кодифицировано.

**Во-вторых**, в уголовных кодексах рассмотренных республик предусматривается уголовная ответственность за неправомерные присвоение и растрату чужого имущества.

**В-третьих**, в уголовных кодексах данных государств присвоение и растрата определяются как самостоятельные разновидности хищения.

**В-четвертых**, в уголовном законодательстве данных государств мошенничество, совершаемое путем злоупотребления доверием, отграничено от присвоения или растраты чужого имущества, вверенного лицу или находящегося в его ведении.

<sup>1</sup> Давид Р. Основные правовые системы современности / Пер. с франц. М.: Прогресс, 1988. С. 21.

<sup>2</sup> Подроб. об этом см.: Эриашвили Н.Д. Присвоение и растрата чужого имущества как форма хищения (уголовно-правовой анализ): Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2008;

Эриашвили Н.Д. Присвоение и растрата чужого имущества как форма хищения (уголовно-правовой анализ): Монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2010.

<sup>3</sup> О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств: Постановление ВС РСФСР от 12.12.1991 г. // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 51. Ст. 1798.

<sup>4</sup> Уголовный кодекс РФ от 24.05.1996 г. // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Рос. газ. 2015. 17 июля.

<sup>5</sup> На проблему соотношения терминов «уголовное законодательство» и «уголовный закон» уже обращается внимание в юридической литературе (см. об этом, например, Галузо В.Н. «Уголовный закон» или «уголовное законодательство» в Российской Федерации: проблема соотношения терминов / Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: Сб. мат-в Междунар. науч.-практич. конф. 23 мая 2014 г. / Науч. ред. С.Л. Никонович. Тамбов-Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2014. С. 74—78.)

<sup>6</sup> СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398. О неоднократности опубликования Конституции РФ в официальных источниках подроб. см.:

Галузо В.Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Гос-во и право. 2014. № 11. С. 98—102.

<sup>7</sup> Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь (НРПА РБ). 1999. № 76. 2/50.

<sup>8</sup> О введении в действие Уголовного кодекса Республики Беларусь: Закон РБ от 18.07.2000 г. // Звезда. 2000. 26 июля.

<sup>9</sup> Хилота В.В. Злоупотребление доверием как способ совершения хищений в уголовном праве Беларуси и России // Безопасность бизнеса. 2007. № 2. С. 11—13.

<sup>10</sup> Ведомости парламента Республики Казахстан. 1997. № 15—16. Ст. 211.

<sup>11</sup> Казахстанская правда. 2014. 9 июля.

<sup>12</sup> Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 1. Ст. 3.

УДК 344.131.4  
ББК 67

## САМОВОЛЬНОЕ ОСТАВЛЕНИЕ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ

Насир Джаваншир оглу ГУСЕЙНОВ,  
диссертант Академии Вооруженных Сил  
Азербайджанской Республики,  
доктор философии по праву  
E-mail: nasir.fd.dq@gmail.com

Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология;  
уголовно-исполнительное право

**Аннотация.** Работа посвящена проблемам нормы уголовного закона, устанавливающей ответственность за уклонение от военной службы путем самовольного оставления части или места службы, а равно неявки в срок без уважительных причин на службу. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что необходимо внести соответствующие изменения и дополнения в статью 333 УК Азербайджанской Республики и определить ее в предлагаемой новой редакции.

**Ключевые слова:** военная служба, самовольное оставление, неявка, воинская часть, место службы.

**Annotation.** The work is devoted to the problems of rule of criminal law, establishing liability for evading military service by unauthorized abandonment of part or the duty station, as well as absence without valid excuse on service. The study author concludes that it is necessary to make appropriate amendments to article 333 of the Criminal Code and to define it in the proposed new wording.

**Key words:** military service, unauthorized abandonment, failure to appear, military unit, duty station.

Научный советник — Габил Сурхай оглу Курбанов, заведующий отделом Института философии и права НАНА, доктор юридических наук, профессор

В статьях 333, 334 и 335 главы 35 («Преступления против военной службы») УК Азербайджанской Республики предусмотрена ответственность военнослужащего за различные виды уклонения от военной службы (самовольное оставление воинской части или места службы, дезертирство, уклонение от военной службы путем нанесения вреда собственному здоровью или иным способом). Непосредственным объектом указанных преступлений является установленный порядок прохождения военной службы, на основании которого эти преступления относятся к группе под названием «Преступления по уклонению от военной службы» [1, с. 17].

Порядок прохождения военной службы обязывает военнослужащих проходить военную службу в определенных военным командованием воинских частях и подразделениях, не покидать воинскую часть и место службы без разрешения командира (начальника) и в любое время быть готовыми к исполнению воинского долга.

Указанный порядок регламентирован Конституцией Азербайджанской Республики, Законом Азербайджанской Республики «О воинской обязанности и военной службе», Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Азербайджанской Республики, Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Азербайджанской Республики, Положением о прохождении военной службы и т.д.

Не случайно любая форма уклонения от выполнения обязанностей по военной службе расценивается как уклонение от выполнения конституционного долга граждан по защите Родины, так как именно ч. 1 ст. 76 Конституции Азербайджанской Республики защита Родины определена как долг каждого гражданина [7]. Данное конституционное требование выполняется гражданами путем прохождения военной службы в рядах Вооруженных Сил Азербайджанской Республики, других войсках и воинских формированиях Азербайджанской Республики в порядке



и пределах, установленных соответствующими законами и воинскими уставами.

Общественная опасность этих преступлений заключается в том, что военнослужащий уклоняется от выполнения своих служебных обязанностей и тем самым причиняет ущерб управляемости, боеспособности и боеготовности воинской части или подразделения. В связи с розыском лица, самовольно покинувшего расположение части или места службы по разным мотивам, другие военнослужащие вынуждены выполнять задачи по задержанию правонарушителя и в итоге отклониться от выполнения своих основных задач.

Государство несет бремя материального ущерба в связи с выездом розыскных групп по месту жительства правонарушителя и на проведение других мероприятий, необходимых для устранения последствий, вытекающих из отдельных правонарушений, а также касающихся правонарушителей.

Известно, что военнослужащие, находящиеся за пределами воинской части или подразделения по вышеуказанным причинам, не имея денег на питание и проезд, как правило, совершают преступления против собственности (кража, грабеж, разбой), оказывают сопротивление при задержании и т.д.

Военнослужащие срочной службы в свободное от занятий и других обязанностей военной службы время имеют право свободно перемещаться по территории военной части, а при увольнении — и в пределах гарнизона. Выезд офицеров, гизиров (*прапорщиков*), мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы за пределы гарнизона осуществляется с разрешения командира воинской части. За исключением отъезда в отпуск или командировку выезд военнослужащих срочной службы за пределы гарнизона запрещается.

Самовольное оставление воинской части или места службы, а также неявка в срок без уважительных причин на службу военнослужащим является грубым нарушением воинской дисциплины, поскольку военнослужащий не выполняет свои служебные обязанности, и поэтому запрещается под угрозой применения норм уголовного закона.

В статье 333.1 УК Азербайджанской Республики предусмотрена ответственность за самовольное оставление воинской части или места службы, а равно неявка в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше трех суток, но не более десяти суток, либо хотя и

менее трех суток, но повторно в течение шести месяцев, совершенные военнослужащим, проходящим военную службу по призыву. Наказываются эти деяния содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года.

Диспозиция рассматриваемой статьи содержит два самостоятельных состава преступления:

- 1) самовольное оставление воинской части или места службы;
- 2) неявка в срок без уважительных причин на службу.

Для состава преступления, предусмотренного ст. 333 УК Азербайджанской Республики, необходимо, чтобы оставление воинской части или места службы носило самовольный характер, т.е. было совершено без разрешения командира (начальника). Оставление части или места службы не является самовольным, если это произошло с разрешения начальника, который не имел права выдавать такое разрешение, при условии, что военнослужащий добросовестно заблуждался в полномочиях того или иного командира. Например, командир отделения или взвода предоставил освобождение военнослужащему. В этих случаях ответственность возлагается на командира (начальника), который превысил свои полномочия. В то же время есть следующий состав преступления: если военнослужащий сознательно обратился с просьбой разрешить выход за пределы воинской части к командиру, который не наделен правом предоставлять такие разрешения, например, к командиру отделения.

*Под воинской частью* следует понимать обособленную территорию в пределах казарменного, лагерного, походного или боевого расположения части, установленную командиром части или вышестоящим командованием. Самовольный уход военнослужащего из одного подразделения в другое в пределах одной части не образует состава преступления, предусмотренного ст. 333.1 УК Азербайджанской Республики.

*Под местом службы*, не совпадающим с расположением части, понимается любое иное место, определенное военнослужащему для исполнения обязанностей по военной службе в течение установленного времени или где он должен находиться по приказу либо с разрешения командования. Местом службы считается, например, место выполнения отдельных служебных задач или хозяйственных работ вне расположения воинской части, проведение учебных занятий или культурно-массовых, в том числе и спортивных, мероприятий, передвижения в составе команды — эшелон, поезд, колонна и др. Маршрут движе-

ния и место нахождения военнослужащего в командировке должны быть указаны в соответствующем удостоверении.

Местом службы должно признаваться и место лечения, вне зависимости от того, является ли оно военным госпиталем или больницей, поскольку нахождение на лечении признается исполнением обязанностей военной службы [8].

*Неявка в срок на службу* заключается в том, что военнослужащий, оставивший воинскую часть или место службы на законном основании (*увольнение из части, назначение или перевод, неявка из командировки, отпуска или лечебного учреждения*) и имея объективные возможности для своевременного возвращения в установленный срок, в часть не является и находится вне ее расположения сверх установленного срока. В этом случае уклонение от несения обязанностей военной службы осуществляется путем бездействия. Если военнослужащий своевременно не явился в часть по уважительным причинам, такое опоздание не рассматривается как преступление.

Уважительными причинами неявки в срок на службу следует считать объективные факторы, препятствующие своевременному возвращению военнослужащего в воинскую часть. Приведем пример.

Так, военнослужащий срочной службы рядовой Д. отбыл в отпуск из в/ч «Н» 15 мая 1998 г. и вернулся в место службы только 14 июня 1998 г., т.е. с опозданием на 20 дней. В ходе проверки было установлено, что в день возвращения в часть на рейсовом автобусе Д. попал в дорожно-транспортное происшествие и в бессознательном состоянии был госпитализирован. Когда он пришел в сознание, ему сообщили, что командование в/ч «Н» извещено о случившемся. Однако по вине работника почты, обслуживающей место расположения госпиталя, телеграмма было утеряна. По данному факту было отказано в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления в действиях Д. [2].

Самовольное оставление части или места службы — длящееся преступление. В связи с этим решающее значение имеет определение момента начала и окончания данного преступления. Для военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, начальным моментом самовольного оставления части или места службы считается время ухода из части или с места службы без соответствующего разрешения. При этом для квалификации данных действий военнослужащего по призыву не имеет значения, был ли

совершен самовольный уход во время исполнения конкретных служебных обязанностей, в личное время или во время отдыха, установленного распорядком дня.

Одноразовое самовольное оставление части или места службы, совершенное военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, не образует состава данного преступления, если отсутствие в части (на месте службы) или неявка в срок на службу не превысили трех суток.

Незаконное отсутствие в части военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, продолжительностью до трех суток рассматривается как дисциплинарный проступок.

*Началом преступления* считается момент фактического самовольного оставления воинской части или места службы, а *окончанием* — день возвращения в часть или задержания за пределами части.

*Началом неявки на службу* является истечение установленного срока появления, а *окончанием* — время возвращения в часть или задержания. Если задержанный скрывает от представителей власти свое отношение к военной службе и пытается выдать себя за гражданское лицо, то моментом окончания преступления считается время, когда задержанный признался, что он является военнослужащим, или эта информация стала известна из других источников.

В случае болезни военнослужащего в период самовольного нахождения вне части или места службы моментом окончания преступления является время поступления в лечебное учреждение. Если после выздоровления военнослужащий продолжил уклоняться от военной службы, срок совершенного преступления продолжится снова и время самовольного оставления части или места службы учитывается общим временем нахождения вне части или места службы, за исключением срока, когда виновный находился на лечении.

Срок самовольного нахождения вне части или места службы считается законченным в случаях добровольного прихода в органы государственной власти или военного управления, которые наделены полномочиями по реальному пресечению уклонения от военной службы и обеспечению доставки виновного в часть (военные комиссариаты, комендатуры, органы внутренних дел, командования воинских частей и др.). Если военнослужащий обратился в учреждения, которые не имеют этих полномочий, например в общественные и правозащитные организации, или сообщил командованию по теле-

фону или иным способом, то эти действия не имеют юридического значения по прерыванию срока самовольного нахождения вне части.

Самовольное оставление части или места службы во время несения караульной службы, во время внутренней службы или патрулирования, боевого дежурства, пограничной службы или службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности требует дополнительной квалификации по статьям 336—340 УК Азербайджанской Республики.

Субъективная сторона самовольного оставления воинской части или места службы, а также неявки к месту службы совершается только с прямым умыслом относительно действия или косвенным — по продолжительности отсутствия.

Мотивы самовольного оставления части или места службы могут быть различными (*желание отдохнуть дома, встретиться с родными, появиться на какой-то праздник и др.*) и не влияют на квалификацию, но учитываются при назначении наказания и при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности и наказания [13, с. 61].

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 333.1 УК Азербайджанской Республики, могут быть только военнослужащие, проходящие военную службу по призыву.

В статье 333.2 УК Азербайджанской Республики предусмотрена ответственность за самовольную отлучку из воинской части, а равно неявку в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше десяти суток, но не более одного месяца, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву или по контракту. Наказываются указанные деяния содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до двух лет.

Диспозиция ст. 333.2 УК Азербайджанской Республики отличается от диспозиции ст. 333.1 Кодекса в первую очередь продолжительностью уклонения военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы. Другой отличительный признак связан с субъектом преступления, предусмотренного в ст. 333.2, так как субъектом указанного преступления наравне с военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, является и военнослужащий, проходящий военную службу по контракту. Однако сравнительный анализ состава военнослужащих, проходящих службу по контракту, на основании Закона Азербайджанской Республики «О воинской обязанности и военной службе», выявляет неопределенность фразы «*военнослужащий, проходя-*

*щий военную службу по контракту*» и противоречие статьям 333.2 и 333.3 УК Азербайджанской Республики.

В статье 333.3 предусмотрена ответственность за самовольное оставление части или места службы лицом офицерского состава, гизиром (*прапорщиком*), мичманом или военнослужащим сверхсрочной службы, либо лицом, проходящим военную службу по контракту, а равно неявку его в срок на службу без уважительных причин продолжительностью свыше десяти суток, но не более месяца, либо хотя и менее десяти суток, но более трех суток, совершенные повторно в течение года. Наказываются указанные деяния ограничением по военной службе на срок до двух лет либо лишением свободы на срок до двух лет.

На основании ст. 36 Закона Азербайджанской Республики «О воинской обязанности и военной службе» граждане Азербайджанской Республики, отвечающие требованиям, предъявляемым к лицам, желающим поступить на действительную военную службу, могут поступить на сверхсрочную военную службу, на военную службу курсантов высших военных учебных заведений, на военную службу гизиров (*прапорщиков и мичманов*) и на военную службу офицеров на контрактной основе [3].

Иностранные граждане и лица, не имеющие гражданство, также могут поступить на действительную военную службу на контрактной основе.

Следовательно, когда указывается «*военнослужащий, проходящий военную службу по контракту*», имеются в виду все вышеперечисленные категории военнослужащих (за исключением *военнослужащих срочной службы*), в том числе и иностранные граждане, и лица, не имеющие гражданство, которые также должны относиться к отдельным категориям военнослужащих.

На основании проведенного анализа можно сделать следующий вывод.

Фраза «*военнослужащий, проходящий военную службу по контракту*» использована в диспозиции ст. 333.2 УК Азербайджанской Республики без необходимости, так как ответственность указанной категории военнослужащих за самовольное оставление части или места службы, а равно неявку в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше десяти суток, но не более одного месяца, установлена в диспозиции ст. 333.3.

На наш взгляд, использование в диспозиции ст. 333.2 УК Азербайджанской Республики фразы «за самовольную отлучку», когда речь идет об отсутствии военнослужащего в части или на ме-

сте службы без уважительных причин продолжительностью свыше десяти суток, но не более одного месяца, недопустимо.

Напомним, что в ст. 240 УК Азербайджанской ССР 1960 г., а также в соответствующих статьях уголовных кодексов других союзных республик (например, ст. 245 УК РСФСР, ст. 239 УК Украинской ССР и т.д.) самовольная отлучка определялась как самовольное, без разрешения командира (начальника), оставление военнослужащим территории воинской части или места службы свыше одних суток, но не более трех суток. Указанный состав преступления отличался от самовольного оставления воинской части или места службы именно меньшей продолжительностью уклонения от военной службы.

По непонятной причине в ст. 333.1 УК Азербайджанской Республики уклонение от военной службы продолжительностью свыше трех суток, но не более десяти суток, именуется самовольным оставлением воинской части; в ст. 333.2 уклонение от военной службы продолжительностью свыше десяти суток, но не более одного месяца, называется самовольной отлучкой из воинской части, а в ст. 333.3 уклонение от военной службы на тот же срок, т.е. продолжительностью свыше десяти суток, но не более одного месяца, снова определяется как самовольное оставление воинской части.

Такая неопределенность и противоречивость диспозиций указанных статей может стать причиной серьезных ошибок в правоприменительной деятельности следственных и судебных органов. Поэтому необходимо устранить указанные недостатки.

В статье 333.4 УК Азербайджанской Республики предусмотрена ответственность за совершение деяний, указанных в статьях 333.2 и 333.3, продолжительностью свыше одного месяца, но не более трех месяцев. Наказываются указанные деяния лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

В статье 333.5 УК Азербайджанской Республики предусмотрена ответственность за самовольную отлучку, совершенную военнослужащим, отбывающим наказание в дисциплинарной воинской части. Указанное деяние наказывается лишением свободы на срок от одного года до трех лет.

Как отмечено выше, *самовольная отлучка* состоит в самовольном, без разрешения командира (начальника), оставлении военнослужащим территории воинской части или места службы.

Сущность наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части состоит в том,

что лица, там находящиеся, не перестают быть военнослужащими [5, с. 131]. Режим в дисциплинарной воинской части обеспечивается в соответствии с требованиями главы XVII Кодекса исполнения наказаний Азербайджанской Республики (статьи 138—153) [4].

Законодатель не устанавливает ни минимального, ни максимального срока продолжительности самовольной отлучки. Следовательно, любая продолжительность самовольной отлучки (например 20—30 минут), совершенной военнослужащим, отбывающим наказание в дисциплинарной воинской части, образует рассматриваемый состав преступления, что может привести к нежелательным последствиям в правоприменительной практике.

С нашей точки зрения, целесообразно установить минимальный и максимальный срок продолжительности самовольной отлучки, необходимый для данного состава преступления, а также определить ответственность военнослужащих, отбывающих наказание в дисциплинарной воинской части, за самовольное оставление части и неявку в часть в срок без уважительных причин продолжительностью на более длительный срок, чем предусмотрен за самовольную отлучку.

В статье 333.6 УК Азербайджанской Республики предусмотрена ответственность за совершение деяний, указанных в статьях 333.1—333.4, в военное время или в боевой обстановке. Виновное лицо подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от трех до восьми лет.

Как предусмотрено в примечании к ст. 328 УК Азербайджанской Республики, под «военным временем» понимается пребывание Азербайджанской Республики в состоянии войны с иностранным государством. Под «боевой обстановкой» понимается непосредственное противостояние врагу либо фактическое проведение боевых операций воинской частью или воинским подразделением.

По нашему мнению, устранение указанных недостатков и противоречий, имеющихся в диспозициях ст. 333 УК Азербайджанской Республики имеет большое практическое значение, так как их наличие создает условия для субъективного толкования отдельных положений рассматриваемой статьи, что может стать причиной последующих следственных и (или) судебных ошибок.

С учетом вышеизложенного считаем целесообразным внести соответствующие изменения и дополнения в ст. 333 УК Азербайджанской Республики и дать ее в следующей редакции:

**«Статья 333. Самовольное оставление воинской части или места службы»**

333.1. Самовольное оставление воинской части или места службы военнослужащим срочной службы, а равно неявка его в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше трех суток, но не более десяти суток, либо хотя и менее трех суток, но повторно в течение года, —

наказываются содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года.

333.2. Те же деяния продолжительностью свыше десяти суток, но не более одного месяца, —

наказываются содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до двух лет.

333.3. Самовольное оставление части или места службы лицом офицерского состава, гизиром (прапорщиком), мичманом или военнослужащим сверхсрочной службы, а равно неявка его в срок на службу без уважительных причин продолжительностью свыше десяти суток, но не более месяца, либо хотя и менее десяти суток, но более трех суток, совершенные повторно в течение года, —

наказываются лишением свободы на срок до двух лет.

333.4. Деяния, предусмотренные статьями 333.2 и 333.3 настоящего Кодекса, продолжительностью свыше одного месяца, но не более трех месяцев, —

наказываются лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

333.5. Самовольная отлучка, совершенная военнослужащим, отбывающим наказание в дисциплинарной воинской части, а равно неявка его в срок без уважительных причин в часть продолжительностью свыше одних суток, но не более трех суток, —

наказываются лишением свободы на срок до двух лет.

333.6. Самовольное оставление дисциплинарной воинской части, совершенное военнослужащим, отбывающим наказание, а равно неявка его в срок без уважительных причин в часть продолжительностью свыше трех суток, но не более одного месяца, —

наказываются лишением свободы на срок до трех лет.

333.7. Деяния, предусмотренные статьей 333.6 настоящего Кодекса, продолжительностью свыше одного месяца, но не более трех месяцев, —

наказываются лишением свободы на срок от двух до шести лет.

333.8. Деяния, предусмотренные статьями 333.1—333.4 настоящего Кодекса, совершенные в военное время или в боевой обстановке, —

наказываются лишением свободы на срок от трех до восьми лет.

**Примечание.** Лицо, впервые совершившее деяния, предусмотренные статьями 333.1—333.4 настоящего Кодекса, может быть освобождено от уголовной ответственности, если совершение этих деяний явилось следствием стечения тяжелых обстоятельств».

**Библиографический список**

1. Алиев А.Дж. Уголовно-правовые проблемы борьбы с деяниями, совершаемыми против военной службы: Монография. Баку: Sada, 2012.
2. Архив в/ч «Н»; постановление командира в/ч «Н» об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении рядового Д. и соответствующие материалы.
3. Закон Азербайджанской Республики «О воинской обязанности и военной службе» // URL: <http://www.mod.gov.az/qanun/qanunvericilik/Herbi%20veziyyet.pdf> (Дата обращения — 22.07.2015)
4. Кодекс Азербайджанской Республики об исполнении наказаний. (На азерб. яз.) // URL: <http://www.legalacts.az/Az/document/1446/1312> (Дата обращения — 02.08.2015)
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 4-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2005.
6. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР (1960 г.). М.: Юрид. лит., 1984.
7. Конституция Азербайджанской Республики. Баку: Юрид. лит., 2002.
8. Преступления против военной службы: Науч.-практич. комментарий УК РФ / Ахметшин Х.М., Петухов Н.А., Уколов А.Т. и др. М., 1999.
9. Сызранцев В.Г. Воинские преступления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.
10. Уголовный кодекс Украинской ССР (1960 г.). Науч.-практич. комментарий. К.: Политиздат Украины, 1987.
11. Уголовный кодекс Азербайджанской ССР. (На азерб. яз.) // URL: <http://www.legalacts.az/Az/document/1446/1312> (Дата обращения — 22.07.2015)
12. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. (На азерб. яз.) Баку: Ганун, 2012.
13. Юридические науки (журнал, РФ). 2009. № 4 (38).

УДК 343.341  
ББК 2.67.408

## О НЕКОТОРЫХ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКАХ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ЧАСТЬЮ 1 СТАТЬИ 210 УК РФ

Жанна Васильевна ВИДЕНЬКИНА,  
старший преподаватель кафедры уголовного  
права Московского университета МВД России  
имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук

Владимир Анатольевич ДОБРИНСКИЙ,  
преподаватель кафедры огневой подготовки  
учебно-научного комплекса специальной  
подготовки Московского университета  
МВД России имени В.Я. Кикотя  
E-mail: Djannet-V@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология;  
уголовно-исполнительное право

**Аннотация.** Статья посвящена объективным признакам преступного сообщества. В ней рассматриваются дискуссионные в теории уголовного права вопросы.

Анализируя точки зрения различных ученых и действующее уголовное законодательство, авторы пытаются определить объективные признаки рассматриваемого состава, разъяснение которых отсутствует непосредственно в самой правовой норме или не до конца разъяснено Пленумом Верховного Суда РФ.

**Ключевые слова:** создание преступного сообщества, координация преступных действий, создание устойчивых связей, раздел сфер преступного влияния и преступных доходов.

**Annotation.** The article is devoted to objective indicators of criminal community. It discusses the controversial theory of criminal law issues.

Analyzing the perspective of different scientists and criminal legislation, the author in his article tries to determine objective evidence of formulation in question, an explanation which is not directly in the legislation, or is not fully explained by the Plenum of the Supreme Court.

**Key words:** the creation of a criminal community, coordination of criminal acts, the establishment of stable relations, the criminal division of spheres of influence and the proceeds of crime.

Рецензент — М.В. Денисенко, кандидат юридических наук, доцент

Одним из важных элементов состава преступления является его объективная сторона. Она представляет собой внешний акт общественно опасного посяательства на охраняемые уголовно-правовые отношения.

В науке уголовного права существуют различные точки зрения по поводу определения объективной стороны преступления. Однако все они сводятся к установлению таких, обязательных для каждого преступления признаков, как деяние (действие или бездействие), последствия и причинно-следственная связь между ними. А в ряде случаев и к установлению иных (факультативных) признаков, которые могут определять характер преступления и ответственность за его совершение, к которым, в свою очередь, относятся: время, место, обстановка, способ, орудия и средства совершения преступления.

В процессе рассмотрения объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК РФ (далее — УК), выделяют несколько альтернативных действий, таких, как:

- создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений;
- руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями;
- координация преступных действий;
- создание устойчивых связей между различными, самостоятельно действующими организованными группами;
- разработка планов и создание условий для совершения преступлений такими группами;

- раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, совершенные лицом с использованием своего влияния на участников организованных групп;
- участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп в целях совершения хотя бы одного из тяжких или особо тяжких преступлений.

Каждое из выше перечисленных деяний характеризуется активными действиями. Но прежде чем давать характеристику этим действиям, следует остановиться на одном из дискуссионных в теории уголовного права вопросе, который касается конечного момента того или иного действия. Иными словами, на определении состава преступления по конструкции объективной стороны.

Обязательной чертой каждого признака объективной стороны состава преступления, в том числе и действия, в его уголовно-правовом значении, является социальная значимость, которая выражает общественную опасность конкретного вида деяний и ее степень<sup>1</sup>. Любое деяние, имеющее уголовно-правовое значение, должно быть общественно опасным, противоправным, осознанным и волевым. При этом, на наш взгляд, не основанной на законе представляется позиция, согласно которой «преступное сообщество не может быть признано преступным, если не доказано совершение его участником хотя бы одного преступления, к тому же, по смыслу закона, относимого к категории тяжких либо особо тяжких»<sup>2</sup>.

Мы считаем, что состав преступления, предусмотренный ст. 210 УК, является усеченным. Это означает, что совершение хотя бы одного из перечисленных в диспозиции ч. 1 этой статьи деяний образует оконченный состав преступления. Такой же позиции придерживаются и иные авторы. Например, С. Белоцерковский пишет, что «...состав преступления, предусмотренного ст. 210 УК, вновь сконструирован как усеченный»<sup>3</sup>, независимо от наступивших последствий, если рассматривать в качестве последствия совершение сообществом запланированных преступлений.

Попытался разъяснить некоторые спорные моменты и Пленум Верховного Суда РФ<sup>4</sup> по вопросам ответственности за создание преступного сообщества, однако часть вопросов так и осталась до конца не ясной. В частности, спорным остается и момент окончания этого преступления.

С одной стороны, постановление разъясняет, что преступление считается оконченным с момента фактического образования указанного преступного сообщества, т.е. создания условий,

которые свидетельствовали бы о готовности преступного сообщества (преступной организации) реализовать свои преступные намерения независимо от того, совершили участники такого сообщества планировавшиеся преступления или нет.

Однако, с другой стороны, «...момент окончания связан с утверждением всеми участниками преступного сообщества главной цели его создания — совершение одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений». Реально создание преступного сообщества без этой цели может и быть, но юридически это будет означать создание организованной группы для совершения любого умышленного преступления<sup>5</sup>. Отсутствует в постановлении Пленума Верховного Суда РФ и разъяснение относительно момента окончания при создании объединения организаторов, руководителей и иных представителей организованных групп.

Обращает на себя внимание и тот факт, что Пленум Верховного Суда РФ<sup>6</sup> предлагает рассматривать действия, которые не привели к созданию преступного сообщества, хотя и были направлены на это, как приготовление к созданию или как покушение на создание преступного сообщества по ч. 1 или ч. 3 ст. 30 УК и ч. 1 ст. 210 УК.

Как прокомментировал это положение постановления Пленума судья Верховного Суда РФ В.В. Дорошков, авторы постановления посчитали необходимым согласиться с данным предложением, поскольку было бы неправильным игнорировать общие правила о стадиях совершения преступления<sup>7</sup>. Но следует отметить, что не все члены редакционной комиссии согласились с таким решением Верховного Суда РФ. Это объясняется тем, что в силу специфики объективной стороны данного преступления стадии приготовления к созданию преступного сообщества не может быть ни с теоретической, ни с практической точек зрения.

На наш взгляд, уголовная ответственность за совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК, возникает с момента фактического создания условий, свидетельствующих о готовности преступного сообщества реализовать преступные намерения. Таким образом, правовая оценка «приготовления к преступлению» не может иметь места.

С учетом того, что ст. 210 УК предусматривает альтернативные действия, характеризующие объективную сторону этого преступления, на наш взгляд, следует определиться с некоторыми понятиями, разъяснение которых отсутствует непосредственно в самой правовой норме или не до конца разъяснено Пленумом Верховного Суда

РФ. Прежде всего, это касается вопроса о создании преступного сообщества. В литературе имеются различные точки зрения по этому поводу.

Толковый словарь В.И. Даля под созданием понимает «...процесс сотворения или произведения из небытия в бытие... составлять мысленно или на деле, воздвигать, строить что-либо»<sup>8</sup>. В данном случае это характеристика деятельности в момент, когда преступное сообщество готово к реализации преступных замыслов, ради которых оно создавалось.

Характеризуя создание преступного сообщества (преступной организации), А.И. Коробеев пишет, что создание преступного сообщества предполагает «...создание не для совершения преступлений «в принципе», а для совершения конкретно определенных по характеру общественной опасности преступлений», т.е. для совершения разбойных нападений, вымогательств и т.п.<sup>9</sup>.

По мнению же В.В. Малиновского, для установления состава преступления нет необходимости устанавливать наличие детально проработанного плана нападений, убийств и других преступлений, но, безусловно, «...нет состава преступления в том случае, когда предмет преступной деятельности не определен хотя бы в общих чертах»<sup>10</sup>.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к тому, что преступное сообщество создано тогда, когда все его участники будут осознавать главную цель создания преступного сообщества — совершение одного или нескольких тяжких и особо тяжких преступлений<sup>11</sup>.

Под созданием преступного сообщества следует понимать содержание действий, которые заключаются в вовлечении в такое сообщество его участников, определении и закреплении за ними их ролей в составе сообщества, т.е. направлений деятельности и функциональных обязанностей, обеспечении иных условий совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. Оно может выражаться также в объединении уже существующих организованных групп, образованных с той же целью.

С нашей точки зрения, отличительной особенностью объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК, выступает то обстоятельство, что само создание преступного сообщества всегда предшествует совершению его членами других преступлений.

Согласно редакции ст. 210 УК уголовная ответственность наступает за координацию преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработку планов и создание условий для совершения преступ-

лений такими группами или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними. Законодатель криминализировал самостоятельные виды организационной деятельности, включив их в диспозицию ч. 1 ст. 210 УК.

По данному вопросу в юридической литературе имеются различные мнения о том, что же следует понимать, например, под координацией преступных действий и каков должен быть ее масштаб.

Так, В.С. Овчинский в качестве координаторов, обеспечивающих стабильность системы организованной преступности путем взаимодействия различных ее подсистем, определяет непосредственно «воров в законе» и иных «криминальных авторитетов»<sup>12</sup>.

С точки зрения С. Белоцерковского, содержание признака «координация преступных действий» намного шире содержания других признаков, которые также направлены на координацию преступных действий, но носят более определенный характер<sup>13</sup>.

Как отмечалось ранее, под координацией преступных действий различных организованных групп следует понимать системное регулирование таких действий, обеспечивающее исключение преступных действий разных организованных групп против друг друга и их пересечение, а также распределение деятельности этих групп по различным направлениям, ее согласованность и осуществление постоянного контроля за соблюдением выполнения всех предписаний указанной организационно-руководящей деятельности, что в совокупности может проявляться в разнообразных действиях, выражаемых в устной, письменной или иной форме<sup>14</sup>.

На наш взгляд, следовало бы также учитывать, что масштаб координационной деятельности того или иного руководителя (лидера) будет напрямую зависеть от того, на какой ступени преступной иерархии он находится, а, следовательно, и от объема «полномочий», которыми он наделен в тот или иной момент.

Например, собранные следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан доказательства признаны судом достаточными для вынесения приговора в отношении Рузалия Асадуллина по кличке «Рузалик». 23 апреля 2015 г. он признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 (организация преступного сообщества), ч. 1 ст. 209 УК (бандитизм), подпунктами «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК (убийство), ч. 3 ст. 222 УК (незаконное хранение оружия).



Напомним, что «...17 июля 2006 г. 32 участника преступного сообщества «29 комплекс» были приговорены Верховным судом Республики Татарстан к длительным срокам лишения свободы по ст. 209 УК (бандитизм), ст. 210 УК (организация преступного сообщества и участие в нем), а один из его лидеров к пожизненному лишению свободы. Участники преступного сообщества были признаны виновными в убийстве 21 человека в период с 1993 по 2001 гг. как на территории Татарстана, так и в Москве и Московской области. В ходе следствия у обвиняемых были изъяты 75 единиц огнестрельного оружия, взрывчатые вещества и взрывные устройства, два гранатомета «Муха».

В ходе предварительного расследования Асадуллину удалось скрыться от правоохранительных органов республики, в связи с чем в 2003 г. он был объявлен в международный розыск. 1 апреля 2012 г. в г. Киеве Асадуллин был задержан. Следствием и судом установлено, что в мае 1993 г. Асадуллин вошел в банду «29 комплекс». В тот же период он вступил в объединение руководителей организованных преступных групп, в составе которого до июня 2002 г. руководил преступным сообществом «29 комплекс». В составе преступной организации Асадуллиным были совершены семь убийств и другие тяжкие и особо тяжкие преступления. Приговором суда Асадуллину назначено наказание в виде 24,5 лет лишения свободы»<sup>15</sup>.

Как показывает практика, создание устойчивых связей является деятельностью объединения организованных групп, действующих под единым руководством. Такая деятельность предполагает наличие единого руководителя, либо единого руководства, состоящего из организаторов или руководителей организованных групп, вошедших в объединение.

Верховный Суд РФ рекомендовал под созданием устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами понимать, например, действия лица по объединению таких групп в целях осуществления совместных действий по планированию и совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. Также в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 разъясняется, что «объединение организованных групп предполагает наличие единого руководства и устойчивых связей между самостоятельно действующими организованными группами...»<sup>16</sup>.

Разработка планов и создание условий для совершения преступлений такими группами представляет собой, на наш взгляд, комплекс действий, который непосредственно связан с

планированием в дальнейшем преступной деятельности. К таким действиям можно отнести предложения и обсуждения самих планов, их корректировка в зависимости от условий совершения преступлений, составление одновременно альтернативных планов совершения тяжких или особо тяжких преступлений. К этим же действиям следовало бы отнести и прогнозирование возможных препятствий, которые могут встретиться в момент совершения преступной деятельности, а также путей их преодоления.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» разъяснило многие спорные моменты, но, тем не менее, остались оценочные понятия, что влечет множественность их понимания и применения на практике.

<sup>1</sup> Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Центр ЮрИнфоР, 2010. С. 94.

<sup>2</sup> Балеев С.А. Преступное сообщество (преступная организация) как организованная форма преступной деятельности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Матлы 4-й Междунар. науч.-практич. конф. М., 2007. С. 191.

<sup>3</sup> Белоцерковский С. Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. М.: АНО «Юрид. программы», 2010. № 2. С. 13.

<sup>4</sup> Постановление Пленума ВС РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Рос. газ. 2010. № 5209. 17 июня.

<sup>5</sup> Кадников Н.Г., Виденькина Ж.В. К вопросу об ответственности за организацию преступного сообщества // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 129–132.

<sup>6</sup> Постановление Пленума ВС РФ от 10.06.2010 г. № 12...

<sup>7</sup> Дорошников В.В. Ответственность за организацию преступного сообщества и участие в нем // Уголовный процесс. М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2010. № 7. С. 30–37.

<sup>8</sup> Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М.: Эксмо, 2011. С. 608.

<sup>9</sup> Полный курс уголовного права / Под ред. А.И. Коробеева. Т. 4. Преступления против общественной безопасности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. С.122.

<sup>10</sup> Малиновский В.В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика): Монография / Отв. ред. А.И. Чучаев. М.: Проспект, 2009. С. 101.

<sup>11</sup> Виденькина Ж.В. Цель создания преступного сообщества // Закон и право. 2012. № 2. С. 84–87.

<sup>12</sup> Овчинский В.С. Криминологические, уголовно-правовые и организационные основы борьбы с организованной преступностью в Российской Федерации: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 25.

<sup>13</sup> Белоцерковский С. Указ соч. С. 12.

<sup>14</sup> Виденькина Ж.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 104–105.

<sup>15</sup> Офиц. сайт Следственного комитета РФ // <http://tatarstan.sledcom.ru/news/item> (Дата обращения — 20.06.2015)

<sup>16</sup> Постановление Пленума ВС РФ от 10.06.2010 г. № 12...

УДК 343.14  
ББК 67.99(2)93

## ОЦЕНКА ДОПУСТИМОСТИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО СПОСОБА ИХ ПОЛУЧЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Максим Евгеньевич КРАВЧЕНКО,  
аспирант кафедры уголовного процесса Кубанского  
государственного аграрного университета  
E-mail: kravchenkomaxim@mail.ru

Научная специальность: 12.00.09 — уголовный процесс

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме, связанной с оценкой допустимости вещественных доказательств с точки зрения надлежащего способа их получения по уголовным делам.

**Ключевые слова:** допустимость доказательств, вещественные доказательства, способы собирания доказательств, следственные действия, судебные действия, истребование и представление доказательств.

**Annotation.** This article deals with the problem related to the assessment of admissibility of evidence in terms of the proper way to get them in criminal cases.

**Key words:** admissibility of evidence, physical evidence, methods of gathering evidence, investigative actions, judicial actions, reclamation and presentation of evidence.

Рецензент и научный руководитель — Р.В. Костенко,  
профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета,  
доктор юридических наук, профессор

**В**ещественные доказательства, как и любые другие доказательства, должны быть получены законным способом. В теории уголовного процесса ученые выделяют различные способы собирания доказательств.

Так, А.Н. Кузнецов отмечает два способа собирания доказательств: следственные действия и иные процессуальные действия<sup>1</sup>. Такого же мнения придерживается и ряд других авторов<sup>2</sup>.

В.С. Балакшин считает, что способами собирания, закрепления и проверки фактических данных и их источников являются процессуальные действия, которые можно классифицировать на: следственные, иные процессуальные, судебноследственные<sup>3</sup>.

Р.В. Костенко утверждает, что к способам собирания доказательств относятся следственные, судебные и иные процессуальные действия<sup>4</sup>.

В пункте 32 ст. 5 УПК РФ сказано, что процессуальными действиями являются следственные, судебные и иные, предусмотренные настоящим Кодексом. В части 1 ст. 86 УПК РФ за-

реплено, что собирание доказательств осуществляется путем проведения следственных и иных процессуальных действий.

Процессуальный порядок производства следственных действий достаточно подробно регламентирован главами 24—27 УПК РФ. В то же время необходимо отметить, что не все следственные действия в силу своей гносеологической сущности являются способом получения вещественных доказательств.

Как верно указывает А.Б. Соловьев, познавательные возможности следственных действий не равны и определяются «целями следственных действий, которые с различной степенью детализации определены в УПК РФ. Например, ст. 176 УПК РФ прямо указывает на цели осмотра, а из текста ст. 192 УПК РФ можно сделать вывод о цели очной ставки»<sup>5</sup>.

Кроме того, по мнению С.А. Шейфера, к выбору следственного действия на познавательном уровне необходимо относить характер следов преступления, на нормативном уровне — нали-

чие правовых оснований, на тактическом уровне — фактическую необходимость производства и эффективность следственного действия<sup>6</sup>.

Ряд следственных действий, таких, как: осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, имеют своей целью получение вещественных доказательств. Использование их в качестве способа получения вещественных доказательств зависит от конкретной ситуации, которая определяет возможность проведения того или иного следственного действия. Например, в случаях, когда не происходило изменений обстановки на месте совершения преступления, преступниками не совершались действия, направленные на сокрытие или уничтожений вещественных доказательств, можно ограничиться осмотром места происшествия, в других же случаях для получения вещественных доказательств требуется провести, в частности, обыск.

В связи с этим считаем, что к следственным действиям, которые являются надлежащими способами получения вещественных доказательств, относятся: осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, следственный эксперимент, предъявление для опознания, получение образцов для сравнительного исследования и судебная экспертиза. Все они будут таковыми при условии правильности выбора их производства в конкретном случае, в зависимости от целей, процессуальной возможности и порядка их проведения.

К судебным действиям, которые являются надлежащими способами получения вещественных доказательств, относятся такие, которые не преследуют своей целью получение показаний. Соответственно, названными действиями являются:

- 1) производство судебной экспертизы (ст. 283 УПК РФ);
- 2) осмотр вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ);
- 3) оглашение протоколов следственных действий и заключения эксперта (ст. 285 УПК РФ);

4) приобщение к материалам уголовного дела документов, представленных суду (ст. 286 УПК РФ);

5) осмотр местности и помещения (ст. 287 УПК РФ);

6) следственный эксперимент (ст. 288 УПК РФ);

7) предъявление для опознания (ст. 289 УПК РФ);

8) освидетельствование (ст. 290 УПК РФ).

Кроме следственных и судебных действий, надлежащим способом получения вещественных доказательств также будут выступать иные процессуальные действия.

А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский считают иными процессуальными действиями следующие: истребование и представление доказательств; получение защитником предметов, документов и иных сведений; опрос лиц с их согласия<sup>7</sup>.

В.А. Лазарева к способам собирания доказательств относит представление доказательств, истребование доказательств и требование о проведении документальной ревизии<sup>8</sup>.

Л.Г. Демурчев указывает, что иными процессуальными действиями являются представление; истребование; требование о производстве документальных проверок, ревизий и исследований<sup>9</sup>.

Р.В. Костенко, исследуя данный вопрос, считает, что недопустимо получение сведений об обстоятельствах преступления путем проведения иных процессуальных действий, не указанных в законе<sup>10</sup>.

К иным процессуальным действиям, используемым для получения доказательств, необходимо относить: указание ч. 2 ст. 86 УПК РФ на возможность со стороны подозреваемого, обвиняемого, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. В статье 244 УПК РФ сказано, что стороны обвинения и защиты в суде пользуются равными правами на представление доказательств.

Другим процессуальным действием, относящимся к «иным» и направленным на собирание доказательств, является в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством истребование доказательств. Истребование может быть по инициативе органов, ведущих процесс, и по инициативе участников уголовного судопроизводства<sup>11</sup>.

К такому же выводу приходит и С.А. Шейфер, ссылаясь на то, что перечень и порядок проведения иных процессуальных действий указан в законе. К ним он относит: истребование от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан предметов, актов ревизий, документальных проверок, представление участниками процесса или любыми гражданами, учреждениями, предприятиями и организациями предметов, документов (ст. 86 УПК РФ), а также материалов, полученных соответствующими органами в ходе оперативно-розыскной деятельности<sup>12</sup>.

В.С. Балакшин к иным процессуальным действиям относит:

1) истребование органами расследования документов и предметов от граждан, учреждений, предприятий, организаций, объединений;

2) представление материалов гражданами, учреждениями, организациями, предприятиями, объединениями;

3) требование органов расследования, прокурора, суда о производстве ревизий и документальных проверок;

4) получение объяснений от граждан и должностных лиц;

5) представление материалов органами, уполномоченными осуществлять оперативно-розыскную деятельность;

6) оглашение показаний допрошенных в ходе следствия и в судебном заседании лиц;

7) получение объяснений в судебном разбирательстве у подсудимого, осужденного<sup>13</sup>.

На наш взгляд, иные процессуальные действия являются способом получения вещественных доказательств в случаях, когда они:

*во-первых*, предусмотрены действующим УПК РФ;

*во-вторых*, направлены на получение вещественных доказательств.

Из содержания ч. 2 ст. 86 УПК РФ прямо вытекает, что подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств.

В части 3 ст. 86 УПК РФ закреплено положение о том, что защитник вправе собирать доказательства путем:

1) получения предметов, документов и иных сведений;

2) опроса лиц с их согласия;

3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Каким образом и в каком порядке должно происходить представление и приобщение письменных документов и предметов к уголовному делу в законе не указано, что также является его недостатком. В связи с этим отдельные авторы настаивают на необходимости закрепления в законе процессуальной формы представления доказательств<sup>14</sup>.

Получение вещественных доказательств может быть осуществлено как в ходе истребования предметов и документов, так и по итогам производства ревизий и документальных проверок. Однако процессуальный порядок их проведения УПК РФ не предусматривает. Из-за отсутствия законодательной регламентации проведения истребования доказательств на практике возникают сложности в его процессуальном оформлении.

Например В.В. Степанов считает, что если необходимо истребовать документы, в которых отражается хозяйственно-оперативная, производственная деятельность организации, то истребование таких документов необходимо оформлять путем соответствующего запроса, отношения на имя руководителя организации или ее подразделения. Целесообразность запросов объясняется необходимостью разъяснения характера необходимых данных (содержание, период, и т.п.). Другие документы, по мнению этого автора, могут быть получены без направления специального отношения<sup>15</sup>.

Если в процессе изучения документов по месту их нахождения возникает необходимость их «изъятия», то составляется справка, в которой дается перечень таких документов. Подобная справка может быть подписана помимо следователя и должностным лицом организации. В необходимых случаях она составляется в двух экземплярах, один из которых остается в организации<sup>16</sup>.

Другие ученые полагают, что в случаях истребования материалов и документов форма истребования может быть устной. Запрос или требование в учреждение или организацию всегда должны быть письменными. При этом копия запроса приобщается к материалам проверки для подтверждения проверочных действий<sup>17</sup>.

Мы разделяем мнение авторов, которые утверждают, что данное действие должно оформляться протоколом истребования и постановлением о приобщении документов (предметов) к делу<sup>18</sup>. Именно протокол, составленный в соответствии со ст. 166 УПК РФ, является допустимой формой фиксации процессуальных действий.

<sup>1</sup> Кузнецов А.Н. Следственные и иные процессуальные действия как способы собирания доказательств в уголовном процессе: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 53.

<sup>2</sup> См.: Сазонова Т.П. Иные процессуальные действия как способы собирания доказательств в досудебном производстве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. С. 15;

Скребец Г.Г. Участие адвоката-защитника в формировании доказательств на стадии предварительного расследования: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 11;

Курзинер Е.Э. Актуальные вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. С. 15; и др.

<sup>3</sup> Балакишин В.С. Доказательства в российском уголовном процессе: понятие, сущность, классификация: Монография. Екатеринбург, 2002. С. 95—96.

<sup>4</sup> Костенко Р.В. Собирание доказательств по уголовным делам путем производства следственных и иных процессуальных действий / Тр. Кубанск. гос. аграрного ун-та, 2009. Сер.: Право. 2 (5). С. 54.

<sup>5</sup> Соловьев А.Б. Проблемные вопросы доказывания, возникающие в процессе расследования преступлений при применении УПК РФ. М., 2008. С. 122—123.

<sup>6</sup> Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981. С. 43—45.

<sup>7</sup> Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб., 2004. С. 210.

<sup>8</sup> Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М., 2009. С. 63.

<sup>9</sup> Демурчев Л.Г. Собирание доказательств в ходе досудебного производства путем проведения иных процессуальных действий: Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 56.

<sup>10</sup> Костенко Р.В. Указ. соч.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> Шейфер С.А. Указ. соч.

<sup>13</sup> Балакишин В.С. Указ. соч.

<sup>14</sup> См.: Кальницкий В.В., Николук В.В., Шаламов В.Г. Истребование предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела: Учеб. пособие. Омск, 1990. С. 24—26;

Очередин В.Т. Доказательства в уголовном процессе: сущность, источники, способы собирания. М., 2009. С. 202—203.

<sup>15</sup> Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов, 1972. С. 79—80.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> См.: Кальницкий В.В., Николук В.В., Шаламов В.Г. Истребование предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела: Учеб. пособие. Омск, 1990. С. 24—26;

Очередин В.Т. Доказательства в уголовном процессе: сущность, источники, способы собирания. М., 2009. С. 202—203.

<sup>18</sup> См.: Бедняков Д.И. О принятии предметов и документов, представленных в порядке ч. 2 ст. 70 УПК РСФСР // Процессуальные вопросы предварительного расследования на современном этапе. Волгоград, 1998. С. 40;

Кальницкий В.В., Николук В.В., Шаламов В.Г. Указ. соч. С. 26;

Савина Л.А. Организация и тактика предварительной проверки сообщений об экономических преступлениях. М., 2006. С. 95;

Демурчев Л.Г. Указ. соч. С. 94.

УДК 343  
ББК 67.408

## НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ КОМПРОМИССА

Сергей Иванович КУРИЛОВ,  
слушатель-магистрант  
Академии управления МВД России  
E-mail-skurilov78@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология;  
уголовно-исполнительное право

**Аннотация.** В статье рассматриваются научные подходы к исследованию проблем института уголовно-правового компромисса, приводятся различные взгляды на решение проблемных ситуаций, связанных с реализацией идеи компромисса в уголовном праве.

**Ключевые слова:** уголовно-правовой компромисс; исследование; подходы; мнения; борьба с преступностью; разрешение конфликтов; государство; лицо, совершившее преступление.

**Annotation.** In the article scientific approaches of researchers are examined in area of institute criminally legal compromise, different looks over and opinions are brought in the decision of problems related to realization of idea of compromise in a criminal law.

**Key words:** criminally legal compromise, researches, approaches, opinions, fight against criminality, permission of conflicts, state, a person is an accomplishing crime.

Научный руководитель и рецензент — В.Ф. Цепелев, профессор кафедры  
уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии  
управления МВД России, доктор юридических наук, профессор

В связи с масштабными переменами, происходящими в политической, экономической и правовой сферах жизнедеятельности, в российском обществе и государстве назрела необходимость использования дополнительных методов и средств борьбы с преступностью. Применение таких методов, на наш взгляд, будет способствовать выполнению задач по разработке стратегических и тактических программ борьбы с преступностью.

Среди проблем уголовно-правового регулирования, направленных на отношения субъектов уголовной ответственности, в современном российском уголовном праве особое место занимают научные подходы к использованию компромисса. Однако в среде ученых и практиков реализация идеи компромисса происходит крайне болезненно.

На наш взгляд, это вызвано тем, что практика применения института компромисса может послужить отдельным криминальным элементам законным основанием для уклонения от заслу-

женного наказания. И данные суждения имеют под собой серьезную почву.

В этом отношении интересны результаты исследования, проведенного в начале 90-х годов XX столетия А.В. Уссом. По его мнению, «особенности взаимоотношений между людьми в условиях современного индустриального общества (обезличенность многих форм общения, анонимность образа жизни, высокая «плотность» безличных социальных контактов и т.п.) порождают такие социально-психологические явления, как ориентация на официальные управляющие инстанции, личная пассивность в поддержании общественного порядка, отсутствие готовности к деятельному реагированию на социальные отклонения, высокие карательные притязания в отношении преступников из «чужой» среды. К этому добавляется еще ряд моментов, характерных для нашей страны на нынешнем этапе ее развития — дезорганизация устоявшихся социально-политических структур, снижение уровня жизни,

«всплески» преступности, общее нарастание «жестокости» в социальных отношениях»<sup>1</sup>.

По мнению известного исследователя института компромисса Х.Д. Аликперова, одним из первых давшего определение нормам уголовного законодательства, допускающим компромисс, «отправным пунктом для рассмотрения ряда аспектов данного предмета исследования могут служить работы отечественных юристов: А.И. Алексеева, М.М. Бабаева, Н.И. Ветрова, И.М. Гальперина, Ю.В. Голика, В.А. Елеонского, И.Э. Звечаровского, И.А. Исмаилова, В.П. Илларионова, И.И. Карпеца, С.Г. Келиной, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского, А.В. Наумова, Р.А. Сабитова, А.Б. Сахарова, Э.С. Тенчова и других»<sup>2</sup>.

Один из современных исследователей проблемы Е.В. Попаденко под институтом компромисса понимает освобождение преступника от уголовной ответственности при условии осуществления им определенных позитивных действий<sup>3</sup>.

Н.С. Шатихина считает, что «компромисс предполагает взаимные уступки сторон, что со стороны государства подразумевается полный или частичный отказ от использования своей принудительной силы»<sup>4</sup>.

Названные авторы рассматривают компромисс как группу норм, которые со стороны государства гарантируют (предполагают) освобождение от уголовной ответственности (неприменение принудительной силы, наказания) в обмен на совершение лицом, совершившим преступление, определенных действий (поступков, уступок).

По мнению А.В. Кайшева, «вопросы совершенствования российского уголовного законодательства в сфере правовых основ государственного регулирования позитивного поведения личности (в том числе — посткриминального), условия, основания и порядок освобождения лиц от уголовной ответственности и наказания нашли свое отражение в работах В.М. Баранова, Ю.В. Головки, Н.А. Гушиной, А.Н. Игнатовой, В.С. Комиссарова, Ю.А. Красикова, Н.М. Кропачева, А.В. Малько, Н.И. Мацнева, Т.Г. Понятовской, С.Н. Сабанина, А.В. Савкина, И.А. Тарханова»<sup>5</sup>.

По мнению А.А. Семина, который определяет уголовно-правовой компромисс как соглашение сторон, идея компромисса как уголовно-правового понятия впервые была выдвинута в начале 90-х годов прошлого столетия Х.Д. Аликперовым и продолжена в работах Г.О. Усатия и

А.В. Кайшева. При этом исследования указанных авторов во многом основаны либо получили подтверждение в работах вышеуказанных ученых, перечисленных ранее<sup>6</sup>.

Мнение А.А. Семина основывается на позиции В.Н. Кудрявцева, определявшего компромиссы в борьбе с преступностью как «временные соглашения государственной власти (органов правосудия и охраны правопорядка) с отдельными лицами или группами лиц, совершившими преступления»<sup>7</sup>.

По словам А.И. Терских, давшей системный анализ нормам уголовного права, определяющим компромисс между государством и лицом, совершившим преступление, она опиралась на традиционные для отечественного уголовного права теории представления, предложенные такими исследователями, как Х.Д. Аликперов, Е.В. Попаденко, Н.С. Шатихина, Г.О. Усатий, А.А. Семин, которые сводятся к пониманию компромисса как своего рода уступки, совершенной каждой его стороной.

В такой трактовке компромисс предстает как чисто техническое средство, метод смягчения противоречий, противоборства, что объясняется исследованием феномена «компромисс» в рамках социологии и психологии в ходе изучения конфликтов, где он рассматривался как один из способов разрешения конфликтной ситуации.

Особо ценный научный интерес представляют работы Г.Б. Виттенберга, Н.И. Загородникова, М.П. Карпушина, И.Я. Козаченко, В.И. Курляндского, А.Н. Красикова, Н.М. Кропачева, В.Н. Кудрявцева, В.В. Мальцева, Ю.Б. Мельниковой, А.В. Наумова, Г.П. Новоселова, А.А. Пионтковского, М.Д. Шаргородского и других исследователей, посвященные проблемам уголовных правоотношений, их содержания, субъектного состава<sup>8</sup>.

А.П. Фильченко, занимаясь исследованием вопроса компромисса как метода уголовно-правового регулирования, раскрывает в своей работе происхождение концепции компромисса в отношениях государства и преступности. Данный автор дает современную оценку обоснованности уголовно-правового компромисса, которая определяется вынужденным характером его применения. Исследователь раскрывает содержание компромисса как специфического относительно самостоятельного уголовного правоотношения, формулирует его объект, называет субъекты, устанавливает тип корреспондирования их прав и обязанностей.

Названный автор предлагает классификацию уступок виновного лица, выступающих условиями заключения уголовно-правовой сделки, определяет перечень норм уголовного закона, которые по своей природе и способу применения являются компромиссными<sup>9</sup>.

А.И. Долгова, рассматривая компромисс как своего рода сделку между государством и преступником, наделила ее вынужденным характером — во имя более оптимальных результатов борьбы с преступностью<sup>10</sup>.

Ценными, на наш взгляд, являются также исследования вышеуказанной проблемы, содержащиеся в работах Я.В. Яниной, Ю.В. Кувалдиной, И.А. Поповой, М.В. Головизнина, М.В. Нагуляк, А.Г. Антонова, И.А. Тарханова и других авторов.

В заключение можно сделать следующий **вывод**.

Исследования указанных авторов содержат отличные друг от друга, а порой и противоречивые подходы к определению института уголовно-правового компромисса, что не только выражается в различном понимании правовой природы рассматриваемого института, но и в разобъединенном выделении групп норм, его составляющих.

Как показывают проведенные научные исследования, проблема компромисса в противодействии преступности и уголовно-правовых норм, предусматривающих освобождение виновного лица от уголовной ответственности и наказания в обмен на совершение им позитивных поступков, регулирующих его применение, реально существует, причем как на концептуальном уровне, так и в законодательстве, и в правоприменительной практике.

Данное обстоятельство свидетельствует о наличии целого комплекса нерешенных проблем как теоретико-методологического, так и нормативно-прикладного характера, связанных с реализацией идеи компромисса в уголовном праве.

Причинами же этому служат попытки противопоставить вышеуказанные нормы традиционным институтам уголовного и уголовно-процессуального права, их внутренняя противоречи-

вость и непоследовательность законодательных изменений.

Вследствие этого, с нашей точки зрения, актуальность исследования данной проблемы предопределена необходимостью дальнейшей разработки теоретической базы, позволяющей найти место компромиссу в системе уголовного права, сформулировать обоснованные предложения по дальнейшему совершенствованию механизма правового регулирования и правоприменительной практики в интересах защиты человека, общества и государства.

Научные исследования идеи компромисса как непростой и далеко не бесспорной проблемы весьма интересны. Каждое исследование проблемы компромисса порождает новые предложения, способствующие совершенствованию борьбы с преступностью.

<sup>1</sup> Усс А.В. Уголовное наказание и интересы потерпевшего // Вопросы уголовной политики. Красноярск, 1991. С. 127—128.

<sup>2</sup> Алипперов Х.Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 4.

<sup>3</sup> Попаденко Е.В. Альтернативные средства разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском и зарубежном праве. М., 2009.

<sup>4</sup> Шатикина Н.С. Институт медиации в российском уголовном праве: Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 66.

<sup>5</sup> Кайшев А.В. Уголовно-правовое значение компромиссов и поощрений: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 3.

<sup>6</sup> Семин А.А. Уголовно-правовой компромисс и его влияние на ответственность субъекта: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Минск, 2006. С. 8.

<sup>7</sup> Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 205.

<sup>8</sup> Терских А.И. Компромисс в Российском уголовном праве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 4—5, 7.

<sup>9</sup> Фильченко А.П. Компромисс как метод уголовно-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юрид. науки. 2013. Вып. 2 (20). С. 251—259.

<sup>10</sup> Криминология: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. А.И. Долговой. М.: Норма: Инфра-М, 2002. С. 383.



УДК 343.123.1  
ББК 67.311

## УСЛОВИЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

### Проблемы совершенствования законодательства

Оксана Валерьевна СКРИПЧЕНКОВА,  
аспирант Воронежского государственного университета  
E-mail: anatbel@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.09 — уголовный процесс

**Аннотация.** В статье анализируются проблемы законодательного регулирования условий производства дознания в сокращенной форме. Предлагается исключить условие производства дознания в сокращенной форме, сформулированное в п. 5 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ. Кроме того, предлагается исключить условие производства дознания в сокращенной форме, если потерпевший является несовершеннолетним.

**Ключевые слова:** дознание в сокращенной форме, условия производства дознания в сокращенной форме, согласие потерпевшего.

**Annotation.** The article analyzes some problems of legislative regulation of the conditions of the abbreviated inquiry. The author proposes to delete the condition formulated in paragraph 5 of part 1 of article 226,2 of the Code but exclude the case when the victim is a minor.

**Key words:** abbreviated inquiry, conditions of abbreviated inquiry, consent of victim.

Рецензент — А.Р. Белкин, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Одним из условий производства сокращенного дознания является владение подозреваемым языком уголовного судопроизводства. В сокращенном дознании такой запрет выступает гарантией прав и интересов подозреваемого [5, с. 11].

С нашей точки зрения, понятно стремление законодателя к упрощению процедуры дознания. Однако норма п. 5 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ вступает в противоречие с общим принципом уголовного судопроизводства, закрепленным в ст. 18 УПК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 18 УПК РФ лицам, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по делу, должно быть обеспечено право бесплатно пользоваться помощью переводчика. Следственные и судебные документы, которые подлежат обязательному вручению подозреваемому и обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, должны быть переведены на язык, которым они владеют.

Российское законодательство в этом вопросе демонстрировало высокий уровень защиты. Од-

нако с введением сокращенной формы дознания данный принцип утратил свой универсальный характер, поскольку на подозреваемых, не владеющих языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, этот принцип не распространяется. В данном случае подозреваемый лишается права на заявление ходатайства о дознании в сокращенной форме даже при наличии всех остальных условий.

В результате проведенного анализа следует вывод о том, что законодателем предпринята попытка решить проблемы организационного характера, возникающие при производстве дознания, уголовно-процессуальными средствами. При этом следует констатировать, что «при производстве дознания в сокращенной форме из всей системы принципов уголовного судопроизводства в полной мере реализуется только принцип разумного срока, который главенствуют над остальными» [6, с. 52].

Но если другие принципы уголовного судопроизводства, например принцип полноты и всесторонности расследования и обеспечения пра-

ва на защиту, исчерпывающе восполняются при рассмотрении дела в суде, то в отношении принципа языка судопроизводства этого сказать нельзя.

Д.Н. Рудов исходя из своего практического опыта работы в подразделениях дознания отмечает, что лицам, не владеющим языком, переводчик предоставляется, как правило, на этапе проверки сообщения о преступлении, при этом защитник предоставляется заблаговременно до момента первого допроса. Причем защитник через переводчика может разъяснить подозреваемому все преимущества сокращенной формы дознания, а они значительны даже перед особым порядком судебного разбирательства [12].

Таким образом, *с целью оптимизации действующего уголовно-процессуального законодательства целесообразно п. 5 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ исключить.*

Достаточно противоречиво урегулировано также условие, связанное с согласием потерпевшего на применение сокращенного дознания.

Как указано в п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, дознание не может проводиться в сокращенной форме, если потерпевший возражает против этого. Возникает вопрос: почему согласие потерпевшего испрашивается после принятия процессуального решения о производстве дознания в этой форме.

В части 5 ст. 226.4 УПК РФ установлено: потерпевшему направляется уведомление об удовлетворении ходатайства подозреваемого и о производстве дознания в сокращенной форме, и именно в нем потерпевшему разъясняются порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме, а также право возражать против производства дознания в данной форме. При этом срок представления возражений законом не определен.

Допустим, срок сокращенного дознания продлен на основании ч. 2 ст. 226.6 УПК РФ до 20 суток. Еще трое суток ушло на ознакомление обвиняемого, его защитника и потерпевшего с материалами уголовного дела (ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ), после чего потерпевший заявил возражение против производства дознания в сокращенной форме и, исходя из ч. 2 ст. 226.2 УПК РФ, дознаватель вынес постановление о производстве дознания в общем порядке. Получается, что дознаватель для производства и завершения дознания в общем порядке располагает семью сутками, поскольку срок производства дознания в общем порядке составляет 30 суток (ч. 3 ст. 223 УПК РФ).

Следует отметить, что положение ч. 9 ст. 226.7 УПК РФ о возможности продления прокурором дознания в сокращенной форме до 20 суток в данной ситуации неприменимо, поскольку оно касается обстоятельств, перечисленных в ч. 2 ст. 226.2 УПК РФ, среди которых не указано заявление потерпевшего о своем несогласии с производством дознания в названной форме. С учетом «особенностей» доказывания при сокращенном дознании и необходимостью проверять те доказательства, которые можно было не проверять при указанной форме дознания, вполне реальной становится ситуация, когда дознаватель будет вынужден обращаться за продлением срока дознания за пределами 30-суточного срока.

Вследствие такого нормативного порядка «получения согласия потерпевшего» сокращенное дознание имеет большие шансы превратиться в дознание в общем порядке и к тому же с превышением начального процессуального срока.

Некоторыми авторами высказана идея, что «необходимость получения согласия потерпевшего можно квалифицировать как изъятие из принципа публичности уголовного процесса. Получается, что у потерпевшего будет право отлагательного вето на ведение уголовного процесса по делу публичного обвинения. При желании он «ломает» процедуру на любом этапе производства по делу. Это негосударственный подход» [3, с. 264–265].

Именно последняя фраза цитаты заключает в себе ошибочное понимание конституционных принципов.

Статья 2 Конституции РФ признает высшей ценностью человека, его права и свободы. И если на чаше весов оказываются интересы потерпевшего и интерес публичный, то публичные начала не должны возобладавать над частными.

Предлагается и вовсе отказаться от процедуры согласования с потерпевшим решения о проведении предварительного расследования в сокращенном формате, но при этом оставить ему только право обжалования данного постановления в порядке ст. 125 УПК РФ [1, с. 15; 2, с. 26]. Данное умозаключение нам представляется нелогичным.

Получается, что в начале производства по делу мнению потерпевшего не придается какого-либо значения, но затем ему предоставляется право на обжалование такого решения.

Как справедливо полагает И.Л. Ландау, лучше это сделать сразу и без всяких проволочек [9].

По мнению О.А. Науменко, условие о возражении потерпевшего против производства доз-

нения в сокращенной форме следует исключить. Свою позицию автор обосновывает тем, что потерпевший не должен обладать правом принятия решения о форме предварительного расследования [10, с. 159].

Право потерпевшего или его представителя заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора критически оценивается как учеными, так и практиками как ведущее к снижению эффективности сокращенной процедуры дознания.

Отмечается, что «создан слишком широкий потенциал для возвращения к особому порядку дознания, в том числе и в случаях злоупотребления правом участниками процесса при ознакомлении с материалами уголовного дела» [7, с. 84].

Действительно, предусмотренная УПК РФ возможность в любой момент производства по делу перейти от сокращенного к общему порядку дознания не отвечает общественным интересам как имеющая последствием дополнительные процессуальные издержки.

Как следствие — нестабильность в правоотношениях, зависимость вида дознания и возможности в дальнейшем изменения вида дознания, в том числе от воли частных лиц, а также отсутствие механизма перехода с сокращенного на общий порядок дознания приводят к нежеланию со стороны уполномоченных должностных лиц осуществлять производство дознания в сокращенной форме.

Между тем стоит критически отнестись и к предложению полностью исключить потерпевшего из числа субъектов, чье мнение должно учитываться при принятии решения о переходе на сокращенный порядок предварительного расследования. Потерпевший должен быть наделен правом настаивать на общем порядке дознания, например, в случае, когда, на его взгляд, орган дознания не собрал достаточно доказательств, дающих основание для подозрения (обвинения) против конкретного лица, что в дальнейшем будет являться препятствием для потерпевшего обратиться к этому лицу с иском о возмещении вреда.

С нашей точки зрения, согласие потерпевшего необходимо, но оно должно быть получено для решения вопроса об удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме. При этом оно должно быть выражено в письменной форме.

Следует отметить, что законодатель не предусмотрел форму выражения мнения потерпевшим. Изучение уголовных дел показало, что дознаватели отражают разъяснение потерпевшим положения гл. 32.1 УПК РФ в протоколе разъяснения порядка производства дознания в сокращенной форме. На практике имеют место случаи подачи отдельных заявлений, поступивших после составления протокола, согласно которым потерпевшие не возражают против производства дознания в сокращенной форме. Наличие таких заявлений в большей степени удовлетворяет интересам лиц, потерпевших от совершенного преступления, так как предоставляет им возможность обдуманно, а при необходимости и после консультаций с адвокатом принять решение о своем согласии с формой дознания, а впоследствии и порядком судебного разбирательства.

Н. Полуяктова предлагает производить допрос потерпевшего до первого допроса подозреваемого с фиксацией его мнения по данному вопросу в протоколе допроса потерпевшего [11, с. 2].

Дознаватель удовлетворяет ходатайство подозреваемого, не зная о позиции потерпевшего, что явно противоречит п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ. И, соответственно, лишь после удовлетворения ходатайства о сокращенной форме дознания он же направляет потерпевшему уведомление как о подобном порядке производства по делу, так и о праве потерпевшего возражать против названного дознания. При этом возражение последнего императивно блокирует постановление дознавателя (п. 6 ч. 1 ст. 226.2, ч. 2 ст. 226.2 УПК).

С точки зрения Н.Н. Ковтуна, предпочтительнее был бы порядок, при котором в нормы ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ было внесено следующее условие: при рассмотрении ходатайства подозреваемого о сокращенном порядке дознания дознаватель должен императивно выяснить позицию потерпевшего. Соответственно, его решения, предусмотренные пунктами 1 и 2 ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ, должны максимально учитывать суть данной позиции, блокирующей уже принятое решение о реализации такого вида дознания [8, с. 48].

В УПК РФ необходимо ввести норму, согласно которой предварительное разъяснение потерпевшему порядка и правовых последствий производства дознания в сокращенной форме отражается в протоколе его допроса или в отдельном протоколе.

Следует согласиться с Е.Н. Арестовой, которая считает, что если потерпевший в ходе допроса не выразит свое согласие с производством доз-

нения в сокращенной форме, то это должно быть зафиксировано в протоколе его допроса, а подозреваемому должно быть разъяснено не право на заявление соответствующего ходатайства, а причины невозможности заявления такового в силу возражения потерпевшего [4, с. 33].

Таким образом, представляется правильным согласие потерпевшего на производство дознания в сокращенной форме отнести к условиям сокращенного дознания, исключив его соответственно из перечня обстоятельств, исключающих данное производство.

**Для этого представляется разумным ст. 226.1 УПК РФ дополнить ч. 3, сформулированной следующим образом:**

*«3. До начала первого допроса дознаватель разъясняет потерпевшему право возражать против производства дознания в сокращенной форме. Допрос потерпевшего проводится до первого допроса подозреваемого. При получении согласия на производство дознания в сокращенной форме дознаватель предупреждает потерпевшего о последствиях такого согласия и невозможности отказа от производства дознания в сокращенной форме после принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме, о чем в протоколе допроса потерпевшего делается соответствующая отметка».*

Соответственно, следует исключить положения п. 6 ч. 2 ст. 262.2 УПК РФ. Кроме того, исключить из текста ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ упоминание о потерпевшем, а из ч. 5 ст. 226.4 — последнее предложение (о разъяснении потерпевшему порядка и правовых последствий производства дознания в сокращенной форме, а также права возражать против производства дознания в сокращенной форме).

Считаем необходимым дополнить перечень обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме, следующим: «потерпевший является несовершеннолетним». Данное обстоятельство предлагаем закрепить в ч. 2 ст. 262.2 УПК РФ, для чего дополнить ее пунктом 7 указанного выше содержания.

Законные интересы несовершеннолетнего потерпевшего наиболее защищены при производстве общего дознания, так как по данной категории уголовных дел недостаточно собрать минимальный объем доказательств, необходимо расследование в полном объеме. Любая вероятность нарушения прав несовершеннолетних должна быть исключена, для этого необходимо расследование, в ходе которого были бы учтены и исследованы все обстоятельства дела.

## Библиографический список

1. Александров А.С., Лапатников М.В. Сокращенное дознание: устаревшее новшество // Уголовный процесс. 2013. № 4.
2. Александров А.С., Лапатников М.В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юрид. наука и практика // Вестник НА МВД России. 2013. № 22.
3. Александров А.С., Сафин Р.Р., Юнусов Р.Р. К вопросу о создании сокращенной формы судебного производства по уголовному делу // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4.
4. Арестова Е.Н. Новый процессуальный акт — ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме // Рос. юстиция. 2013. № 11.
5. Аширбекова М.Т. О критериях дифференциации форм дознания // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения. Волгоград, 2013.
6. Кабельков С.Н. К вопросу соответствия дознания в сокращенной форме принципам уголовного процесса // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения. Волгоград, 2013.
7. Кальницкий В., Муравьев К., Воронов Д. Концепция дознания в сокращенной форме: допущения и вопросы совершенствования // Уголовное право. 2013. № 3.
8. Ковтун Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Рос. юстиция. 2013. № 12.
9. Ландау И.Л. Реализация конституционного принципа обеспечения потерпевшим доступа к правосудию // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства: Мат-лы Всеросс. науч.-практич. конф. 22 марта 2013 г. / Сост. К.Б. Калиновский, Т.В. Соколов. СПб., 2013 // СПС «Консультант Плюс»
10. Науменко О.А. Обеспечение прав личности при производстве дознания: Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.
11. Полуяктова Н. Сокращенному дознанию быть? // ЭЖ-юрист. 2012. № 31.
12. Рудов Д.Н. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства при производстве дознания в сокращенной форме // Политика, государство и право. 2014. № 8; URL: <http://politika.snauka.ru/2014/08/1808> (Дата обращения — 30.05.2015)

УДК 343.8  
ББК 67.409.1

## АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

Иван Георгиевич ГРИГОРЬЯН,  
адъюнкт Академии ФСИН России, инспектор филиала по г. Кисловодску  
ФКУ УИИ УФСИН России по Ставропольскому краю  
E-mail: vg-83@inbox.ru

Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология;  
уголовно-исполнительное право

**Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные проблемы реализации взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел по вопросам, касающимся исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы.

**Ключевые слова:** взаимодействие; уголовно-исполнительная инспекция; органы внутренних дел; исполнение наказаний, альтернативных лишению свободы.

**Annotation.** This article discusses the actual problems of realization of interaction of penal inspections and internal affairs bodies on matters relating to the execution of punishments alternative to imprisonment.

**Key words:** interaction, penal inspection, internal affairs bodies, execution punishment alternative to imprisonment.

Научный руководитель — В.Е. Южанин, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России (г. Рязань), доктор юридических наук

В процессе реализации учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы и органами внутренних дел своих компетенций между ними неизбежно происходит взаимодействие. В свете гуманизации уголовно-исполнительной политики и широкого применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, представляется актуальным расширение форм взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций (далее — УИИ) и органов внутренних дел (далее — ОВД) по исполнению данных видов наказаний. Результаты такого взаимодействия являются обоюдовыгодными, поскольку включают реализацию функций данных подразделений по предупреждению повторной преступности.

Направления сотрудничества УИИ с ОВД определены постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности»<sup>1</sup>.

Важное значение в организации сотрудничества УИИ и подразделений полиции, осуществляющих борьбу с преступностью и иными правонарушениями, имеют межведомственные координационные совещания, которые являются постоянно действующим органом. Все члены данного органа имеют равные права и обязанности<sup>2</sup>. Межведомственные координационные совещания выступают одной из форм взаимодействия.

Основопологающим правовым документом, регламентирующим взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел, является приказ Минюста России и МВД России от 4 октября 2012 г. № 190/912 «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений» (далее — Регламент)<sup>3</sup>.

В последние годы в целях улучшения взаимодействия с ОВД организовываются и прово-

дятся совместные совещания УОИНИО ФСИН России с ГУОООП МВД России по вопросу реализации указанного приказа и расширения форм взаимодействия. В частности, было принято решение внедрить в практику ежеквартальные совместные выезды и проведение кустовых совещаний с представителями территориальных органов МВД России с рассмотрением проблемных вопросов межведомственного взаимодействия и выработкой мер по повышению его качества.

Следует отметить, что в целом по России Регламент взаимодействия ФСИН России и МВД России исполняется и его применение приносит положительные результаты в профилактической работе с осужденными<sup>4</sup>.

Проведенный анализ показал, что в большинстве субъектов Российской Федерации налажен взаимный обмен информацией, а также хороший рабочий контакт УИИ с участковыми уполномоченными полиции, патрульно-постовыми службами, подразделениями по делам несовершеннолетних.

В территориальных органах ФСИН России и МВД России практикуются совместные выезды в подчиненные подразделения для проверки деятельности, оперативного устранения выявленных недостатков в организации взаимодействия.

Данный Регламент, безусловно, в какой-то степени стабилизировал и систематизировал совместную работу ОВД и УИИ, однако некоторые вопросы так и остались неразрешенными.

Например, в подп. 1 п. 7 указано, что ОВД рассматривают поступившую из УИИ информацию об осужденных, однако не указаны сроки рассмотрения поступившей информации.

На наш взгляд, было бы рациональным указать трехдневный срок для обработки поступившей об осужденном информации. Это будет эффективно для обеспечения контроля участковых уполномоченных полиции на отведенной им территории. Своевременное получение, обработка и анализ этой информации с последующим незамедлительным уведомлением сотрудника УИИ послужит реализации принципа непрерывности взаимодействия и обеспечению контроля УИИ и ОВД за осужденными для принятия своевременных мер по осуществлению контроля за подчетными УИИ и по предупреждению преступлений, совершаемых ими.

При этом для продуктивного взаимодействия между данными правоохранительными органами необходимо в уведомлении указывать контактные данные участкового уполномоченного по-

лиции со списком осужденных, проживающих на закрепленной за ним территории.

В подпункте 2 п. 7 данного Регламента предусмотрено направление в УИИ информации о возбуждении органами дознания и предварительного следствия ОВД уголовных дел в отношении осужденных и также не указаны сроки предоставления данной информации. Между тем осужденные без изоляции от общества, в отношении которых возбуждено уголовное дело по факту совершения нового преступления, склонны уклоняться от органов следствия (дознания). Все это требует своевременного принятия мер по предупреждению и проведению дополнительной профилактической работы (в том числе с участием штатного психолога). Однако на момент получения сотрудниками УИИ информации о привлечении осужденного к уголовной ответственности последний может скрыться от контроля.

Подпункт 3 п. 7 указанного Регламента предусматривает участие сотрудников ОВД в осуществлении контроля за условно осужденными, которое выражается в проведении воспитательно-профилактических бесед с ними, проверках по месту жительства и в ходе проведения оперативно-профилактических мероприятий (операций).

Кроме того, данный Регламент предусматривает направление в УИИ сотрудниками ОВД в течение трех рабочих дней информации о совершении осужденным административного правонарушения или преступления, а также при выявлении фактов неисполнения им возложенных на него обязанностей и установленных ограничений (подп. 4 п. 7). Для реализации такого вида взаимодействия в форме предоставления информации у сотрудников ОВД, как правило, не хватает сил и ресурсов.

По мнению начальника отдела по контролю (надзору) за соблюдением отдельных законодательных ограничений и запретов ГУОООП МВД России А.И. Маршавина, такое информирование может быть исполнено в указанный срок только при условии совершения осужденными данных действий на территории проживания. В противном случае в течение трех рабочих дней указанная информация может быть неизвестна участковому уполномоченному полиции, не говоря уже о направлении ее в УИИ. В связи с этим данная норма нуждается в корректировке<sup>5</sup>.

Для совершенствования взаимодействия УИИ с ОВД, на наш взгляд, необходимо разработать межведомственную электронную базу дан-

ных, в которой предусмотреть категории осужденных и перечень информации, необходимой для осуществления взаимодействия между УИИ и ОВД. Это целесообразно в связи с тем, что на момент получения информации о нарушении у условно осужденного может истечь испытательный срок, а осужденный к ограничению свободы может быть снят с учета и т.п.

Совместная база данных ускорит и оптимизирует взаимодействие ОВД и УИИ, выведет его на принципиально новый уровень.

Кроме того, целесообразно закрепить в указанных органах ответственного сотрудника за работу с межведомственной электронной базой данных в ОВД и филиалах УИИ соответствующих муниципальных образований.

Такая база может быть схожа с базой данных ПТК АКУС, используемой в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Представляется необходимым включить следующие положения в межведомственную электронную базу данных:

- Ф.И.О. осужденного (прежние личные данные)
- Дату и место рождения
- Фотографию (фас, профиль)
- Документы (имеющиеся в наличии, их номера, дата выдачи)
- Адрес регистрации по месту жительства или пребывания
- Родственные и иные связи (в том числе соучастники). Потерпевшие от преступления и их контактные данные (по согласию потерпевшего)
- Наличие автотранспорта (в собственности находящегося в пользовании)
- Ф.И.О. и контактные данные УУП (инспектора ОПДН) и сотрудника УИИ, закрепленных за осужденным
- Учет (дата осуждения, статья УК РФ, вид наказания, срок, обязанности и ограничения по приговору суда, изменение приговора суда и т.п.)
- Имеющиеся у осужденного нарушения порядка и условий отбывания наказания и принятые меры (вид взыскания, дата наложения и т.п.)
- Поощрения, применяемые к осужденному (вид поощрения, дата и кем применено).

В случае изменения одной из сторон (ОВД или УИИ) исходных данных, таких, как Ф.И.О., место жительства и иное, система должна выдавать сигнал или оповещение об изменении данных.

С нашей точки зрения, сотрудники УИИ должны в течение трех дней с момента нарушения, а также с момента изменения приговора (продление испытательного срока, возложение дополнительной обязанности, дополнение ранее возложенных ограничений и иное) вносить соответствующие коррективы в базу данных. При этом закрепленный сотрудник полиции будет обязан в течение трех дней с момента получения информации о привлечении к административной или уголовной ответственности осужденного, подконтрольного УИИ, вносить в эту базу информацию о совершенном правонарушении (дата, место и время совершения, соответствующие статьи КоАП РФ или УК РФ).

Своевременность информационного обмена между УИИ и ОВД, безусловно, повысит эффективность совместной деятельности вышеуказанных органов и учреждений по своевременному предупреждению правонарушений среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества. Своевременное содействие УИИ со стороны ОВД в форме предоставления информации обеспечит действенный контроль над осужденными.

<sup>1</sup> Об утверждении положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности: Постановление Правительства РФ от 16.06.1997 г. № 729 (в ред. от 28.03.2010 г. № 190) // Рос. газ. 1997. 25 июня.

<sup>2</sup> Положительный опыт сотрудников УИИ и ОПДН по взаимодействию в целях проведения профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Материал ФКУ УФСИН России по Омской области. Омск, 2011. С. 2.

<sup>3</sup> Приказ Министерства юстиции РФ, Министерства внутренних дел РФ от 04.10.2012 г. № 190/912 г. «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений» // Рос. газ. 2012. № 5921. 26 окт.

<sup>4</sup> Сборник материалов V Всероссийского совещания начальников уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов ФСИН России. 19—20 июня 2014 г. Казань, 2014.

<sup>5</sup> Там же. С. 27—30.

УДК 343.1  
ББК 67.408

## К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сергей Александрович ЛОПАТИН, аспирант,  
Московский государственный юридический  
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)  
E-mail: Lopatin2206@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.09 — уголовный процесс

**Аннотация.** В статье приводится анализ современного регулирования преюдиции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации в контексте ее конституционно-правового толкования. Указаны недостатки нормативного регулирования.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, законная сила судебного акта, преюдиция, приговор, свойства судебного акта.

**Annotation.** The article provides an analysis of current regulation of prejudice in the criminal proceedings of the Russian Federation in the context of its constitutional and legal interpretation. Disadvantages of regulation.

**Key words:** criminal procedure, legal force of the judicial act, the prejudicial effect, the sentence, the properties of a judicial act.

Научный руководитель — Л.Н. Масленникова, профессор кафедры  
уголовно-процессуального права Московского государственного юридического  
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

В Российской Федерации судебная власть осуществляется в рамках конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Правосудие же осуществляется только судом. Судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей.

Конституция Российской Федерации [4] содержит фундаментальные принципы, на основе которых осуществляется судебная власть в Российской Федерации. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства (ст. 2).

Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45).

Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ст. 46).

Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность

не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49).

Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52).

Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123).

Перечисленные принципы находят свою непосредственную реализацию и в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

С указанными принципами и нормами Конституции РФ непосредственно связаны ст. 10 Всеобщей декларации прав человека [1] и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах [2], закрепляющие, что каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право



на то, чтобы его дело было рассмотрено с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом, т.е. при предоставлении на основе полного равенства процессуальных гарантий справедливого судебного разбирательства.

Согласно ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3] справедливое правосудие, осуществляемое независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона, также предполагает обязательность и исполнимость судебных решений, что связано с требованием правовой определенности судебных актов.

Из статьи 118 Конституции РФ и статей 1, 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ о четырех видах судопроизводства в Российской Федерации и обязательности итоговых судебных актов каждого из них для всех государственных органов, организаций и иных лиц на территории Российской Федерации непосредственно также следует, что преюдиция должна иметь межотраслевое регулирование, а с учетом пределов ее реализации — быть не абсолютной, а опровержимой, поскольку объективно должен существовать механизм и возможность исправления судебной ошибки [12].

Но, как справедливо подчеркнул Л.В. Головкин, только уголовный процесс в силу присущей ему природы наделен максимальным числом гарантий для обеих сторон процесса и построен на совершенно иных принципах, нежели процесс гражданский, арбитражный или административный [9].

Анализ правоприменительной практики показал, что правило доказывания, именуемое «преюдиция», в последнее время применяется не редко. Научные споры по поводу смысла преюдиции и пределов ее реализации, преюдициальных связей судебных актов и противоречия преюдиции принципу свободы оценки доказательств не утихают и в настоящее время. Однако каких-либо обобщенных и системно истолкованных границ реализации преюдиции в стадиях отечественного уголовного судопроизводства не проводилось.

Действительно, анализ следственной и судебной практики показал, что по составам преступлений, совершенным в соучастии (например, по ст. 210 УК РФ «Преступное сообщество»), органы предварительного расследования, а также некоторые судьи полагают возможным придать приговору, постановленному по выделенному уголовному делу в отношении одного лица из

числа «группы лиц, организованной группы» в особом порядке (т.е. либо при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, либо при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве), преюдициальную силу для доказывания факта соучастия, вины остальных предполагаемых «соучастников» еще недоказанной группы лиц, организованной группы и т.п.

Но и в этом вопросе судебная практика неоднородна.

При аналогичных процессуальных условиях Измайловским районным судом г. Москвы уголовное дело № 1-478/14 по обвинению Ключкина А.С. в совершении пособничества в превышении должностных полномочий представителями ГУЭБиПК МВД России возвращено Генеральному прокурору РФ на основании пунктов 1, 4 ч. 1 ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ [5], поскольку суд посчитал, что вопреки ст. 252 УПК РФ в обвинительном заключении содержатся утверждения о совершенном преступлении другими лицами, с указанием их фамилий, в то время как уголовное дело в отношении них в настоящее время в суд не направлено.

В связи с описанием участия подсудимого в преступлении, предусмотренном ст. 210 УК РФ, судом усмотрено основание для соединения уголовных дел; суд посчитал, что раздельное рассмотрение уголовных дел в отношении Ключкина А.С. и иных лиц, указанных в обвинительном заключении, в совершении одного и того же преступления может отразиться на всесторонности судебного следствия, привести к установлению взаимоисключающих обстоятельств [8].

В статье 90 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 29.12.2009 г. № 383-ФЗ) на момент рассмотрения указанных дел содержалось правило, согласно которому обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором или иным решением суда, вынесенным в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются дознавателем, следователем, прокурором и судом без дополнительной проверки; при этом указанные приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

О.В. Химичева высказала мнение, что ст. 90 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 29.12.2009 г. № 383-ФЗ) [5] определяла *обязанность* суда, прокурора, следователя, дознавателя без дополнительной проверки признавать обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором или иным вступившим в

законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства [13].

С такой интерпретацией мы не можем согласиться, поскольку в уголовном судопроизводстве вступившие в законную силу решения суда в рамках гражданского (арбитражного, административного) судопроизводства не могут рассматриваться в качестве предпрешающих выводы суда по уголовному делу в вопросе о виновности обвиняемого, т.е. содержит ли его деяние признаки преступления, которые к тому же должны основываться на всей совокупности доказательств [5] по уголовному делу.

Кроме того, преюдициальность как свойство вступивших в законную силу судебных актов имеет свои пределы [5].

Лаконичную концептуальную идею реализации преюдиции и ее пределов, сформулированную Л.В. Головки, мы полностью поддерживаем. Данный автор утверждает, что в уголовном судопроизводстве установлению подлежат не все, а только фактические обстоятельства; использование преюдиции в любом виде судопроизводства не может служить средством, позволяющим игнорировать или уклониться от реализации процессуальных гарантий и прав личности, установленных по другому делу; преюдициальными являются только такие фактические обстоятельства, которые установлены на основании доказательств в ходе непосредственной их проверки и оценки судом по другому делу [5].

Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 191-ФЗ в ст. 90 УПК РФ внесено изменение, которым добавлено следующее исключение из правила о реализации преюдиции в уголовном судопроизводстве: если приговор постановлен в соответствии со статьями 226, 316 или 317 УПК РФ.

Действительно, придавать преюдициальную силу приговорам, постановленным судом в порядке, предусмотренном главами 40 и 40.1 УПК РФ, недопустимо, так как в этом случае механизм доказывания является «псевдо-достоверным», судебное следствие по общим правилам глав 33—39 УПК РФ не осуществляется, а приговор судом выносится без исследования доказательств и установления фактических обстоятельств [5], при этом выводы суда о виновности подсудимого основываются только на его (подсудимого) собственном признании.

Нельзя не учитывать, что в силу прямого предписания УПК РФ (ч. 2 ст. 77) признание

обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств.

Если мы будем развивать эту позицию далее, станет очевидным и то, что признание одним обвиняемым (подсудимым) своей вины в соучастии в преступлении в составе «группы лиц, организованной группы и т.п.» само по себе не может предопределять ни наличие вины других участников этой «группы лиц, организованной группы и т.п.», не участвующих в рассматриваемом уголовном деле, ни доказанность существования самой «группы лиц, организованной группы, соучастия и т.п.».

В настоящее время только общий порядок судебного разбирательства, доказывания и постановления приговора, предусмотренный главами 2, 11, 33—39 УПК РФ, позволяет говорить о возможности установления юридической истины совокупностью всех полученных доказательств. Только тогда каждое установленное судом фактическое обстоятельство по вновь рассматриваемому уголовному делу будет достоверным, когда оно подтверждается совокупностью достоверных доказательств, *в том числе* если оно установлено вступившим в законную силу приговором или иным решением суда.

Важным для понимания смысла и пределов реализации преюдиции в уголовном судопроизводстве, с нашей точки зрения, также является конституционно-правовое истолкование ст. 90 УПК РФ, данное Конституционным Судом РФ [6].

На основе данного истолкования предлагается авторская форма свода правил реализации преюдиции в уголовном судопроизводстве применительно к его стадиям.

Обязательными для суда являются фактические обстоятельства, установленные:

- только вступившими в законную силу судебными актами по другим делам,
- только если этими судебными актами дело разрешено по существу,
- и только в случае, если установленные фактические обстоятельства входили в предмет доказывания по ранее рассмотренному судом делу.

Не обязательным для суда при рассмотрении уголовного дела может быть исследование, проверка и оценка фактических обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором по ранее рассмотренному делу, в котором участвовало то же самое лицо. В ходе уголовного судопроизводства выводы об обстоятельствах дела, содержащиеся в иных (кроме приговора) судебных решениях, подлежат исследованию и оценке в соответствии с общими процедурами доказывания.

В связи с этим мы полагаем, что конституционно-правовой смысл преюдиции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации заключается в правовой возможности признания обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором или иным решением суда в иных видах судопроизводства, с учетом вышеуказанных пределов, а также целей ее применения — поддержания непротиворечивости судебных актов, с одной стороны, и обеспечения действия принципа правовой определенности судебных актов — с другой [6].

Применение преюдиции в ином смысле, а также отсутствие эффективного правового механизма «пересмотра» ошибочного судебного акта влечет за собой как нарушение права лиц на защиту и участие в состязательном судопроизводстве, так и нарушение права на справедливое правосудие, защищаемое ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Существующая юридиико-техническая конструкция преюдиции, сформулированная в ст. 90 УПК РФ, содержит строгую [7] опровержимую межотраслевую регламентацию.

Таким образом, мы полагаем, что эффективность реализации преюдиции в уголовном судопроизводстве на современном этапе непосредственно зависит от качества ее нормативного регулирования.

Представляется, что до настоящего времени не урегулированными остались следующие вопросы (механизмы):

- о преюдициальных связях судебных актов в одном или разных видах судопроизводства и относимости соответствующих фактических обстоятельств к рассматриваемому уголовному делу;

- о реализации преюдиции в уголовном судопроизводстве вступившего в законную силу судебного акта в случае его отмены в кассационном или надзорном порядке (как после вынесения приговора по рассматриваемому делу, так и после вступления его в законную силу);
- о целесообразности и пределах реализации преюдиции вступившего в законную силу постановления по делу об административном правонарушении;
- о реализации судом преюдиции вступившего в законную силу судебного акта, которым установлены фактические обстоятельства, противоречащие доказательствам, собранным по рассматриваемому уголовному делу (с точки зрения независимости суда, внутреннего убеждения судьи и свободы оценки доказательств).

Рассмотренные аспекты реализации преюдиции в уголовном судопроизводстве позволяют с уверенностью утверждать, что внесение федеральными законами от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ и от 29 июня 2015 г. № 191-ФЗ изменений в ст. 90 УПК РФ направлено на преодоление частных деформаций отечественной правоприменительной практики и требует дальнейшего совершенствования.

## Библиографический список

### *Нормативно-правовые акты*

1. Декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных наций 10.12.1948 г. // Рос. газ. 1995. № 67.
2. Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16.12.1966 г. Ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18.09.1973 г. № 4812-VIII // Бюллетень ВС РФ. 1994. № 12.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 04.11.1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
4. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (принята всенародным голосовани-

ем 12.12.1993 г.) с учетом поправок, внесенных федеральными конституционными законами от: 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

5. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации*. Главы 1—32.1. Постатейный научно-практический комментарий / Отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Редакция «Российской газеты», 2015. С. 413—417.

6. *Определения Конституционного Суда РФ* от: 29.01.2015 г. № 30-О, 21.11.2013 г. № 1877-О, 13.10.2009 г. № 1316-О-О // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>

7. *Определение Конституционного Суда РФ* от 25.02.2013 г. № 326-О. Колоколов Н.А. Значение выводов арбитражного суда при производстве по уголовному делу // *Экономические преступления*. 2009. № 4. С. 52—60.

8. *ГАС «Правосудие»*: [http://izmailov-sky.msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srvc\\_num=1&name\\_op=doc&number=225462279&delo\\_id=1540006&new=0&text\\_number=1](http://izmailov-sky.msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=doc&number=225462279&delo_id=1540006&new=0&text_number=1)

### *Научная литература*

9. *Головки Л.В.* Три аксиомы применения преюдиции в уголовном процессе // *Доказыва-*

ние и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: Мат-лы Междунар. науч.-практич. конф., посвященной памяти доктора юридических наук, профессора П.А. Лупинской: Сб. науч. тр. М.: Элит, 2011. С. 49.

10. *Дикарев И.С.* Преюдициальность судебных решений в уголовном процессе // *Законность*. 2014. № 10.

11. *Заржицкая Л.С.* Институт преюдиции в современном уголовном процессе: Монография. М.: Юрлитинформ, 2013.

12. *Лопатин С.А.* Судебная ошибка сквозь призму преюдициальности судебного решения // *Судебная ошибка и ее последствия. Некоторые теоретические и практические аспекты* / Отв. ред. О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. М., Проспект, 2014. С. 93—102.

13. *Химичева О.В.* Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2015. С. 106.

14. *Хисамов А.Х., Шакирьянов Р.В.* Сокращенное решение суда. Вопросы мотивирования и преюдиции / *Рос. юстиция*. 2014. № 4.

15. *Щерба С.П., Чащина И.В.* Преюдиция в уголовном процессе России и зарубежных стран: Монография. М.: Юрлитинформ, 2013.

УДК 341.1/8  
ББК 67

## ПРОПАГАНДА НЕТРАДИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ СРЕДИ ДЕТЕЙ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Наталья Феликсовна КИСЛИЦЫНА,  
ассистент кафедры международного права  
Российского университета дружбы народов,  
кандидат юридических наук  
E-mail: kis-nataliya@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.10 — международное право; европейское право

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект № 14-33-01040)

**Аннотация.** Статья посвящена актуальному вопросу современности — пропаганде нетрадиционных отношений среди детей. Прежде всего, акцентируется внимание на игнорировании данного факта со стороны международного сообщества во главе с ООН. Для подтверждения серьезной угрозы со стороны указанной пропаганды более конкретно исследуется ситуация, происходящая на территории США, а также принятый в 2013 г. закон, запрещающий дискриминацию по гендерному признаку при приеме на работу.

**Ключевые слова:** ЛГБТ, гендерная идентичность, ООН, права детей, нетрадиционные отношения.

**Annotation.** This article is devoted to current issues of our time — the promotion of non-traditional relationships among children. First of all, attention is focused on ignoring this fact by the international community led by the UN. To confirm a serious threat, more particularly studied the situation occurring in the United States and the law prohibiting gender discrimination in employment that was adopted in 2013.

**Key words:** LGBT, gender identity, the UN, children's rights, on-traditional relationships.

Вопросы, связанные с воспитанием детей, всегда будут оставаться актуальными независимо от конкретного государства и независимо от той веры исповедания, которая преобладает в том или ином государстве. По другому обстоит дело с теми средствами, способами и методами, которые применяются при воспитании детей.

Вопрос заключается в следующем: какие средства и способы являются приемлемыми, не приносящими психологического вреда ребенку в его становлении как личности?

Ответить на поставленный вопрос однозначно нельзя, так как за последние 15 лет сформировалось некое иное представление о том, каким образом и как должны воспитываться дети.

В данный момент мы говорим о вопросах гендерной идентичности и как следствие этого — о легализации как на международном, так и на национальном уровнях нетрадиционных отношений, а также пропаганде их среди детей (представителей ЛГБТ).

Возникшей проблемой занимается не только международное сообщество, но и наука международного права.

Среди российских ученых, работы которых посвящены выше названным аспектам, необходимо выделить таких, как: Е.С. Алисиевич<sup>1</sup>, Е.В. Киселева<sup>2</sup>, М.В. Ильяшевич, Н.С. Семенова<sup>3</sup>.

Основной целью данной статьи является попытка указать на главную ошибку международного сообщества, которая заключается в том, что,

прилагая все усилия для закрепления прав ЛГБТ на международном уровне, не регламентируется вопрос о пропаганде ЛГБТ среди детей. Более того, международное сообщество во главе с ООН рассматривает законы, принятые на национальном уровне государств, запрещающих пропаганду ЛГБТ, дискриминационными и призывает их отменить<sup>4</sup>.

Таким образом, на сегодняшний день все государства можно условно разделить на две группы: те, которые легализуют пропаганду ЛГБТ; и те, кто этого не делает.

Рассмотрим несколько аспектов, имеющих место на территории США начиная с 2000-х годов.

Господин Gerald Hannon является представителем лиц, вступающих в нетрадиционные отношения; в начале XXI в. он открыто лоббировал отмену так называемого «возраста согласия» в национальном законодательстве США. По общему правилу, «возраст согласия» варьируется от страны к стране и от штата к штату, в связи с этим каждый штат устанавливает минимальный возраст, ниже которого взрослому запрещено иметь сексуальные отношения с ребенком.

Но господин G. Hannon и его союзники по нетрадиционным отношениям хотят декриминализовать половые контакты с детьми. В рамках своей кампании по легализации половых отношений лиц нетрадиционной ориентации с детьми господин G. Hannon и его сторонники настаивали на продвижении программ набора в общеобразовательные школы представителей нетрадиционных отношений.

В докладе, предоставленном председателем такой организации, как Коалиция традиционных ценностей США, Louis P. Sheldon приводится фраза, буквально приводящая в ужас — если вы хотите детей, то лучшего места, как в государственных школах, вы не найдете.

Последние события в штате Массачусетс показали, насколько глубоко гомосексуальное движение проникло в умы обычных людей с целью вербовки детей, а также привлечения их к девиантному образу жизни.

По словам руководителя Коалиции Прав Родителей господина Brian Camenker, штат Массачусетс стал идеальным местом для распространения всех видов нетрадиционных отношений среди детей.

В мае 2000 г. Коалиция Прав Родителей оказалась втянутой в основную правовую, а также и моральную борьбу против геев, которые в свою очередь действовали при поддержке департамен-

тов образования и здравоохранения штата Массачусетс, а также при поддержке the Gay, Lesbian and Straight Education Network (GLSEN) — интернет-сети, которая предпринимает все возможные средства и способы для узаконивания гомосексуализма в школах.

Родители в городе Сиэтле были возмущены, когда узнали о том, что на должность педагогов в школе нанимают или геев или представителей ЛГБТ, в итоге они организовали группу под названием «Родители и Учителя для ответственных школ», которая в свою очередь предпринимает все попытки противостоять найму представителей нетрадиционных отношений в государственных школах.

Интересным представляется факт, согласно которому Национальная ассоциация по исследованию и терапии гомосексуальности (NARTH) опубликовала открытое письмо от группы «Родители и Учителя для ответственных школ» с целью предупредить остальных родителей о применяемой тактике в Сиэтле для внедрения гомосексуализма в государственных школах. Была предоставлена информация о том, что активисты, выступающие в поддержку гомосексуализма, действуют через Школьный округ и городской Совет Сиэтла.

Теперь немного о нашумевшем законе, принятом 11 июля 2013 г., под названием «The Employment NonDiscrimination Act (ENDA)»<sup>5</sup> — закон о запрете дискриминации по гендерному признаку при приеме на работу.

На наш взгляд, данный закон представляет собой явное нарушение религиозных свобод и прав совести христианских предпринимателей.

ENDA оказывает и будет оказывать в будущем негативное влияние на свободу слова, а также религиозную свободу, так как все это будет находиться под угрозой судебных исков с единственной целью — вместить этот новый якобы «защищенный класс» трансгендеров.

Согласно положениям ENDA федеральные, государственные и местные органы власти, а также бизнес-предприятия с количеством сотрудников от 15 человек или более вынуждены подтверждать образ жизни отдельных лиц, перенесших операцию, которая в свою очередь повлияла на «изменение пола» — в том числе в эту категорию попадают учителя государственных школ.

В настоящее время в 34 штатах США не производится на законодательном уровне «гендерная идентичность», и в категорию уязвимых групп лица нетрадиционной ориентации не включены. В соответствии с ENDA они обязаны

отменить установленные ранее законы, а также ввести транссексуалов мужчин и женщин в категорию федеральной защиты меньшинств.

На основе вышеизложенного материала, на наш взгляд, следует акцентировать внимание на следующих аспектах:

- отсутствие регламентации вопроса о пропаганде ЛГБТ среди детей на международном уровне приводит к дестабилизации на национальных уровнях государств;
- к сожалению, на сегодняшний день четко прослеживается позиция ООН по данному вопросу — законы, запрещающие пропаганду ЛГБТ среди детей, считать дискриминационными;
- есть и положительная динамика, заключающаяся в том, что даже в такой свободолюбивой стране, как США, огромное количество людей придерживаются традиционных методов воспитания детей и осуществляют активную борьбу с пропагандой ЛГБТ.

<sup>1</sup> Алисиевич Е.С. Межамериканская программа по правам женщин, гендерному равенству и равноправию: приоритеты 2013 — 2014 гг. // Гендерные аспекты и традиционные ценности в свете международного права: Мат-лы «круглых» столов 12 апреля и 10 октября 2014 г. в рамках XII ежегодной Междунар. науч.-практич. конф. «Актуальные проблемы современного между-

народного права», посвященной памяти профессора И.П. Блищенко / Под ред. А.Х. Абашидзе, Н.С. Семеновой, Е.В. Киселевой, Е.С. Алисиевич. М.: ИД «Покров ПРО», 2014. С. 35—44.

<sup>2</sup> Киселева Е.В. Искажение текстов международных договоров как методология продвижения прав ЛГБТ // Гендерные аспекты и традиционные ценности в свете международного права: Мат-лы «круглых» столов 12 апреля и 10 октября 2014 г. в рамках XII ежегодной Междунар. науч.-практич. конф. «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И.П. Блищенко / Под ред. А.Х. Абашидзе, Н.С. Семеновой, Е.В. Киселевой, Е.С. Алисиевич. М.: ИД «Покров ПРО», 2014. С. 85—94.

<sup>3</sup> Ильяшевич М.В., Семенова Н.С. Международно-правовой анализ: запрет однополых браков — дискриминация или здравый смысл? // Гендерные аспекты и традиционные ценности в свете международного права: Мат-лы «круглых» столов 12 апреля и 10 октября 2014 г. в рамках XII ежегодной Междунар. науч.-практич. конф. «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И.П. Блищенко / Под ред. А.Х. Абашидзе, Н.С. Семеновой, Е.В. Киселевой, Е.С. Алисиевич. М.: ИД «Покров ПРО», 2014. С. 113—125.

<sup>4</sup> Официальная позиция ООН по вопросу о законах, запрещающих пропаганду ЛГБТ среди детей / URL: <http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=12964&LangID=E#sthash.tKJMsYR4.dpuf> (Дата обращения — 09.07.2015)

<sup>5</sup> The Employment NonDiscrimination Act (ENDA) 11 июля 2013 г. / URL: [http://www.traditionalvalues.org/content/Issues/35377/enda\\_hurts\\_kids](http://www.traditionalvalues.org/content/Issues/35377/enda_hurts_kids) (Дата обращения — 09.07.2015)

Криминалистика;  
судебно-экспертная деятельность;  
оперативно-розыскная деятельность

---

УДК 343.98

УДК 344.1

ББК (общий) — 68, научный — Ц

## ОПТИМИЗАЦИЯ РАСПОЗНАВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Инна Владимировна РУМЯНЦЕВА,  
доцент кафедры уголовного процесса,  
криминалистики и правовой информатики  
Балтийского федерального университета  
имени И. Канта, кандидат юридических наук, доцент  
E-mail: Rumyantsevakld@rambler.ru

Научная специальность: 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность;  
оперативно-розыскная деятельность

**Аннотация.** В статье обосновывается актуальность использования комплексного подхода к распознаванию особенностей личности военнослужащего. Доказана важность всестороннего изучения личности военнослужащего, подозреваемого в совершении преступления против военной службы. Сформулирован диагностический подход к установлению отличительных черт личности военнослужащего. Раскрыты современные подходы к распознаванию поведенческих проявлений военнослужащих, рассмотрены правовая, социальная, уголовно-правовая, криминалистическая и криминологическая характеристики военнослужащих.

**Ключевые слова:** распознавание личности военнослужащего, механизм преступлений против военной службы, психодиагностический подход к распознаванию особенностей личности военнослужащего, алгоритм диагностики распознавания личности военнослужащего.

**Annotation.** The article substantiates the relevance of an integrated approach to the recognition of characteristics of the individual soldier. Proved the importance of a comprehensive examination of the individual soldier suspected of committing an offence against military service. Formulated a diagnostic approach to establishing the distinctive features of the individual soldier. Disclosed modern approaches to recognize behavioral manifestations of soldiers and are encouraged to establish legal, social, criminal justice, forensics and crime feature soldiers during the recognition of their personality characteristics.

**Key words:** recognition of the identity of the soldier, the mechanism of crimes against military service, psychodiagnostic approach to the recognition of the soldier's personality, the diagnostic algorithm of identification of the soldier.

**А**нализ воинской преступности на сегодняшний день свидетельствует о ее динамике, особенно в части увеличения случаев уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем болезни или иными способами, нарушения правил несения пограничной службы, нарушения уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне<sup>1</sup>.

Необходимо констатировать, в частности, что для последнего десятилетия характерно увеличение преступлений корыстной и коррупционной направленности и преступлений, совершаемых воинскими должностными лицами, а также рост преступлений, совершаемых офицерами, солдатами и сержантами, проходящими службу по контракту<sup>2</sup>.



Одной из важнейших проблем армии по-прежнему остается сохранение неуставных отношений и преступлений, совершенных на их почве, зачастую вызываемых неграмотным поведением командиров и воспитателей в войсковых частях и подразделениях<sup>3</sup>.

Эффективность расследования преступлений против военной службы, как и других преступлений, особенно на первоначальном этапе, зависит от установления элементов механизма преступления.

Механизм данных преступлений формируется, в частности, содержанием общественно опасных последствий воинских преступлений, которые «могут быть физическими (например, причинение вреда здоровью при сопротивлении начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы), имущественными (например, при уничтожении или повреждении военного имущества), организационными (например, срыв каких-нибудь военных мероприятий при неисполнении приказа)<sup>4</sup>.

Особенность расследования преступлений против военной службы состоит в том, что установить механизм преступления по следам, как во многих других преступлениях, представляется весьма сложным, поскольку первичная информация о совершенном преступлении выявляется из показаний потерпевших, свидетелей, подозреваемых; из протокола осмотра документов, протокола медицинского освидетельствования (статьи 334, 335, 337, 339 УК РФ).

Результативность и эффективность расследования преступлений против военной службы зависит от оперативности установления подозреваемого военнослужащего на основании существующих процессуальных документов или показаний других военнослужащих и последующего установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, на основании допроса военнослужащих — подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей, проведения очных ставок и ряда экспертиз.

Криминалистическая наука с этой целью разрабатывает типовые модели личности военнослужащих, совершающих те или иные преступления против военной службы, применительно к способам совершения данных преступлений, при диагностике которых по следовой картине можно было бы быстро установить подозреваемого.

Представляется, что для оптимизации расследования данных преступлений целесообразно выполнять также комплекс мероприятий по распознаванию особенностей личности военнотру-

жащего, совершившего преступление против военной службы, поскольку и теоретики, и практики подтверждают наличие высокой доли зависимости успешности расследования преступлений против военной службы от умения всесторонне изучить личность военнослужащего и прогнозировать его поведение на предварительном следствии и в суде.

По нашему мнению, распознавание как часть диагностического подхода является довольно универсальным методом комплексной оценки личности, в том числе и личности военнотружащего.

Представляется необходимым полностью согласиться с позицией отечественных ученых, отстаивающих важность использования в целях распознавания особенностей личности военнотружащего системы психодинамической психодиагностики личности, приоритетность которой, по сравнению с остальными психологическими системами оценки личности, состоит в том, что она позволяет рассмотреть военнотружащего во временном разрезе «прошлое — настоящее — будущее», одновременно проанализировав такие важные характеристики личности, как познание, эмоции и воля.

Необходимо учитывать при этом, что результаты психодиагностики личности, осуществленные на разных этапах военной службы, могут отличаться друг от друга, поскольку адаптация к военной службе осложняет распознавание особенностей психики военнотружащего.

Проблема адаптации человека к условиям жизненной среды уже длительное время является одним из направлений различных отраслей психологии. Военную психологию в аспекте этой проблемы интересует больше успешность адаптации в условиях военной службы и выявление в структуре личности тех составляющих, которые влияют на успешность протекания данного процесса у призывников.

В норме в общем успешная адаптация к условиям военной службы, диагностируемая следователем при изучении его личности, дает основания для положительных прогнозов в отношении адаптации его к условиям предварительного следствия.

Вместе с тем адаптационные способности к военной службе осложняют распознавание психологических особенностей военнотружащего.

В целях предотвращения совершения преступлений против военной службы эффективность деятельности по распознаванию особенностей военнотружащих видится намного более

важной, чем даже морально-психологическое обеспечение войск как деятельность и система мероприятий. Проводится она чаще и более комплексно, а влияет на личность меньше, чем негативные факторы, воздействующие на нее изнутри.

Психодинамический подход к психодиагностике личности позволяет при анализе личности не ограничиваться только оценкой темперамента и поведенческих проявлений человека, а оценить его волевые качества, и, что самое важное для оценки личности в условиях военной службы, — выделять два вида психологической активности в экстремальных ситуациях — неспецифическую и специфическую активность.

Под первой понимается «повышенная общая энергетическая активность для адаптации к новой ситуации».

Вторая проявляется «в ориентировке в обстановке, принятии решений, совершении поступков, выполнении действий, обеспечении личной безопасности, саморегуляции»<sup>5</sup>.

Таким образом, психодинамика личности — это способ реагирования личности на экстремальную ситуацию, в процессе которого осуществляется перестройка структурных соотношений компонентов психологического времени. Об экстремальной ситуации мы говорим как о ситуации, требующей максимальной включенности личности, и поэтому задействующей ее психодинамику.

Представляется, что психодинамический подход к психодиагностике личности может использовать следователь при расследовании преступлений против военной службы в целях поиска военнослужащего, скрывающегося от следствия, а также при прогнозировании его поведения во время допроса в качестве подозреваемого, даче им правдивых или ложных показаний.

Модель психодинамического поведения подозреваемого военнослужащего будет способствовать установлению общей картины поведения военнослужащего на предварительном следствии; выявление особенностей проявления психических реакций и преобладающих эмоций подозреваемого покажет обычные стереотипные приоритеты в поведении, которые помогут в установлении психологического контакта с военнослужащим.

Выявление следователем основных эмоциональных проявлений, последовательно сменяющих друг друга у военнослужащего, позволит ему спрогнозировать психологические реакции при прогнозируемой смене следственной ситуации,

а также при возникновении сложной ситуации в психологическом компоненте, при которой подозреваемому (обвиняемому) пришлось бы затратить свои основные силы на управление ею. Это объясняется тем, что эмоция, которая предшествовала значимому состоянию, станет последующей<sup>6</sup>.

Кроме того, следователю следует получить информацию об основных психологических проявлениях военнослужащего подозреваемого (обвиняемого) у его начальников и сослуживцев, что оптимизирует его подготовку к допросу и прогнозирование ситуаций.

Опрос лиц, поступающих на военную службу, а также графологический анализ их почерка<sup>7</sup> дают основания для вывода о том, что чаще всего военнослужащие достаточно строго воспитываются в детстве (большинство из них являются выходцами из семей военнослужащих) и относятся к категории лиц, не склонных сильно либо кардинально эмоционально и поведенчески меняться в течение осуществления ими своей профессиональной деятельности, становления и развития как военнослужащего, в том числе при условии карьерного роста и реализации руководящих, организационно-распорядительных функций.

В связи с этим в ходе распознавания их основополагающих характеристик предлагаем использовать подход, основанный на использовании основ православного учения, помогающих понять особенности нравственно-психологических проявлений человека при осуществлении учебной и трудовой деятельности.

Согласно структуре души человека после первых двух ее основных проявлений — способностей и эмоциональности третье — эго-влечение серьезно определяет направление поступков человека, причем проявление его имеет такую особенность, что, захватив человека одним своим вариантом, оно крепко овладевает им и держит всю жизнь, в крайнем своем проявлении доводя до самоубийства.

Считается, что любое эго-влечение в человеке представлено в очень большом спектре вариантов, и эго-ядро одного человека не похоже на ядро другого, но из существующих восьми<sup>8</sup> целесообразно выделять одно-два основных, что применимо к психологической оценке военнослужащего, который по долгу воинской службы подвергается нравственной оценке и поведенческие проявления которого серьезно отражаются на окружающих (подчиненных и подчиняющихся).

Так, диагностировав доминанту «печаль», можно предположить возможности увлечения военнослужащего алкоголем или наркотиками, а распознав признаки влечения «гордости», — предполагать вспышки гнева данного лица при возникновении непредвиденной ситуации и неповиновении ему подчиненного.

Представленное учение дополняет исследования о повторяемости эмоциональных состояний, хотя имеет более глубокие корни.

Например, в случае возникновения сложной ситуации на предварительном следствии, особенно в психологическом компоненте, когда основные психопатические проявления военнослужащего могут оказаться подавленными, следовательно может спрогнозировать, какие вспомогательные близ стоящие его эго-влечения могут проявиться. В частности, подавленная гордость может вызвать печаль или уныние. И наоборот, праздность — обернуться гневом (гордостью) или обидой и замкнутостью (тоже гордость).

Таким образом, оптимизация распознавания особенностей личности военнослужащего может быть организована на высоком и качественном уровне при условии ориентации данного процесса на комплексный учет всех качеств его личности, а главное — его эмоциональных и волевых составляющих.

Распознавание признаков личности как часть диагностического подхода, несомненно, предполагает комплексный подход к анализу тех или иных признаков.

На наш взгляд, для всестороннего представления о личности военнослужащего важно давать характеристику его правовому, социальному статусу, психологическим особенностям, формулировать уголовно-правовую, криминологическую, криминалистическую, оперативно-розыскную характеристики.

Правовая характеристика раскрывается в двух элементах: занимаемой воинской должности; воинском звании.

Социальный статус военнослужащего представляет собой комплекс правомочий, отличающий его от других социальных групп, помогающий уяснить особенности осуществляющих им функций.

Военнослужащие как граждане Российской Федерации пользуются правами и свободами, которые гарантированы Конституцией Российской Федерации и законами Российской Федерации с некоторыми ограничениями.

Но военнослужащим для успешного осуществления служебной деятельности предоставляют-

ся особые (общие) права, которые не связаны с конкретными воинскими или иными должностями и исполнением специальных обязанностей.

К ним относятся права военнослужащих:

- на хранение, ношение, применение и использование оружия в порядке, определяемом законодательством и общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации;
- на ознакомление с документами, определяющими их права и обязанности по занимаемой воинской должности, критерии оценки качества работы и условия продвижения по службе и ряд других<sup>9</sup>.

Психологическая характеристика военнослужащего включает весь комплекс его особенностей, состоящих из особенностей характера, темперамента, наличия акцентуаций, выраженных эго-влечений, роли в коллективе, установок, уровня адаптации к экстремальным условиям, психодинамики личности, уровня волевых качеств, а также модели прогнозируемого поведения на предварительном и судебном следствии.

Уголовно-правовая характеристика личности военнослужащего устанавливается обычно наряду с правовой и может включать характеристику вида военнослужащего — должность, звание, а также все особенности, необходимые для квалификации совершенного им деяния, такие, как: время (рабочее, нерабочее) совершения преступления, мотив, форма вины, вменяемость.

Криминологи утверждают, что существуют особенности, присущие личности преступника — военнослужащего срочной службы и личности преступника — командира (начальника)<sup>10</sup>.

Знание этих особенностей способствует распознаванию личности конкретного военнослужащего, помогает как в формировании его психологического портрета, так и в организации его поиска.

Основу криминалистической классификации военнослужащих, совершающих различные преступления, можно установить исходя из ч. 2 ст. 1 Закона «О статусе военнослужащих» (это военнослужащие, проходящие военную службу в военное время, в период мобилизации, во время исполнения обязанностей военной службы в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах), в также добавить сюда категорию военнослужащих, совершающих преступления в мирное время и не связанные с исполнением ими обязанностей как в рабочее, так и в нерабочее время.

К криминалистической характеристике военнослужащих, основанной на определении его функций, исходя из объема его полномочий, места и времени их реализации, стоит относить и квалификацию конкретного преступления, совершенного военнослужащим, которая позволяет более предметно привязать его к обстоятельствам совершенного деяния, установить его связь с преступным деянием как одним из элементов механизма преступления.

Под оперативно-розыскной характеристикой личности преступника в науке понимается «совокупность (комплекс, система, модель) типичных, отличительных черт, качеств преступника, необходимых для решения оперативно-тактических задач в оперативно-розыскной деятельности.

В.Д. Ларичев предлагает рассматривать характеристику личности с двух позиций:

- как объект комплексного изучения с позиции ее возможности и способности совершения преступления;
- как объект комплексного изучения с точки зрения выявления преступления<sup>11</sup>.

Учитывая, что ст. 2 данного Закона тоже содержит такие задачи, как предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда; добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации, это обязательно включать в оперативно-розыскную характеристику военнослужащего, совершившего преступление.

Таким образом, третьим положением, включаемым в оперативно-розыскную характеристику подозреваемого военнослужащего будет характеристика информации о возможном поведении лица в момент задержания: склонность к противодействию или содействию сотрудникам правоохранительных органов. Эта информация может как моделироваться, прогнозироваться субъектом доказывания, исходя из его личностных характеристик, так и устанавливаться на основании поведения военнослужащего в момент задержания, осуществляемого в отношении него ранее, особенностей оперативно-розыскной, криминальной или следственной ситуации.

Четвертым положением оперативно-розыскной характеристики может стать розыскная ориентировка на подозреваемого (обвиняемого) военнослужащего, скрывающегося от следствия (суда).

Специфичным для военнослужащего лица, совершившего деяние, будет добывание информации о событиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации, составляющим пятое положение их оперативно-розыскной характеристики.

Соответственно, криминалистическая диагностика совершенного военнослужащим преступления против личности должна включать тщательный анализ личности военнослужащего, обстоятельств его службы, отношений в коллективе для выяснения причин преступного деяния, которыми могут быть конфликтные отношения с сослуживцами, даже при отсутствии между ними подчиненности.

Так, при оценке следователем криминальной ситуации любого преступления, совершенного в среде военнослужащих, ему нужно уметь распознавать наличие педагогической подготовки командиров и начальников, их умение выявлять настроения подчиненных, иметь профессиональный подход к формированию подразделений с учетом личностных, психологических качеств каждого военнослужащего, что само по себе является средством предупреждения совершения преступлений военнослужащими.

Оценивая черты субъективной диагностики военнослужащего, стоит одновременно учитывать объективное влияние на военнослужащих многих стрессогенных факторов, которые подрывают стойкий моральный дух нашей армии в целом, формируя факторы, подталкивающие военнослужащих на совершение преступления.

Как показало проведение с участием психологов анкетирования и обследования 200 морских пехотинцев, принимавших участие в контртеррористической операции в Чеченской Республике, еще более мощные предпосылки для формирования психической патологии возникают у военнослужащих в условиях ведения боевых действий<sup>12</sup>.

Важно подчеркнуть, что при распознавании указанных характеристик и особенностей военнослужащих можно выявить некоторую специфику и рекомендовать оптимальный алгоритм распознавания особенностей военнослужащего, который можно построить в зависимости от наличия следовой картины, выявленной следователем, а также как средство в рамках мыслительной деятельности по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию.

В первом варианте алгоритм может строиться следующим образом:

1. Анализ документов личного дела, что может позволить:

- выявить социальные предпосылки к преимущественному формированию и закреплению у военнослужащего тех или иных индивидуально-психологических качеств, способствующих или тормозящих нормальную адаптацию к военной службе;
- выделить в учебной и производственной деятельности юноши до призыва в армию конкретные проявления (факты), свидетельствующие об устойчивости определенных интересов, ценностных ориентаций, черт характера, направленности.

2. Исследование карты профессионального психологического отбора призывника, в которую заносятся результаты социально-психологического изучения, психологического и психофизиологического обследования в период приписки и призыва (разделы II—IV карты).

3. Индивидуальная беседа, которая считается одним из наиболее действенных методов изучения личностных особенностей военнослужащих.

4. Наблюдение помогает выявить отношение лица к военной службе, сформированность моральных, психологических и других качеств военнослужащего.

Предметом наблюдения могут выступать межличностные контакты членов коллектива, подразделения, боевого расчета: их количество, длительность, характер, активность, приспособление, инициатива, доминирование и другие показатели внутригруппового взаимодействия.

Кроме того, наблюдение помогает изучить индивидуальные особенности военнослужащих; направленность личности, организаторские, педагогические, коммуникативные, лидерские, эмоциональные, волевые и другие качества. Информацию о качествах характера, способностях военнослужащего и степени его нервно-психической устойчивости дают действия в сложных и опасных ситуациях.

Особое внимание следует обратить на развязное поведение, легкую раздражительность, вспыльчивость, нетерпеливость и суетливость, театральность, демонстративность, стеснительность и ряд других качеств, свидетельствующих

о той или иной степени выраженности нервно-психической неустойчивости военнослужащего, существенно затрудняющей нормальное прохождение военной службы. При выявлении их у военнослужащего его следует проконсультировать у психолога части.

Диагностику личности преступника-военнослужащего как процесс в целом необходимо осуществлять в нескольких направлениях:

- в рамках оптимизации эффективного установления всех элементов механизма преступления с целью квалификации преступления и выработки первоначальных следственных и оперативно-розыскных мероприятий в рамках расследования преступлений против военной службы;
- в аспекте диагностики криминальной ситуации с целью познания события преступления против военной службы и определения направления поиска материальных и идеальных следов;
- в направлении моделирования и прогнозирования поведения военнослужащего во время задержания и проведения в отношении него следственных действий.

Как справедливо в связи с этим подчеркивает В.В. Губанищев, «любой выделенный структурный элемент в криминалистической модели преступления может и должен выступить в качестве версии (через следы-версии и последующую разработку этих следов-версий)»<sup>13</sup>.

Распознавание личности преступника-военнослужащего в механизме преступлений против военной службы как один из элементов диагностики личности военнослужащего-преступника в целом связано, прежде всего, с квалификацией деяния и с поиском преступника по «горячим» следам.

Представляется, что криминалистическая диагностика личности военнослужащих с целью установления механизма совершения ими преступлений против военной службы должна представлять собой алгоритмизированное выражение, которое будет реально способствовать установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Р.Г. Зорин представляет алгоритм криминалистической диагностики как многоступенчатый механизм, основанный на последовательном, точном выполнении действий или операций, приводящих к распознаванию, различению, отождествлению, истолкованию и определению смыслов диагностируемых объектов<sup>14</sup>. Предлагаемый алгоритм криминалистической диагностики личности военнослужащего, совершившего

преступление против военной службы, имеет своей целью распознавание элементов механизма преступления.

*Первый этап.* Анализ источника информации о личности военнослужащего. Проверка его вменяемости (невменяемости).

*Второй этап.* Проверка совершения данным военнослужащим преступления ранее.

Как показывает статистика, около 30% воинских должностных лиц уже привлекались к уголовной ответственности до совершения ими, в частности, должностного преступления (около 10% привлекались к уголовной ответственности дважды и более раз)<sup>15</sup>.

*Третий этап.* Диагностика уголовно-правовой характеристики личности военнослужащего, совершившего преступление, в том числе распознавание мотивов и причин совершения преступления военнослужащим, его вины.

*Четвертый этап.* Распознавание одной из форм отклоняющегося поведения у военнослужащего.

*Пятый этап.* Распознавание факта совершения преступления в одиночку или в группе, а также в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

*Шестой этап.* Установление наличия у военнослужащего опыта боевых действий, отрицательно влияющих на его психическое здоровье и эмоциональное состояние, с целью определения еще не изученных сведений о личности военнослужащего, совершившего преступление.

*Седьмой этап.* Установление взаимосвязи между свойствами личности военнослужащего, совершившего преступление, и его последствиями.

*Восьмой этап.* Диагностика особенностей личности, способствующих или препятствующих совершению преступления.

Таким образом, определение правовой, социальной, уголовно-правовой, криминологической, криминалистической и оперативно-розыскной характеристик личности военнослужащего поможет разобраться в особенностях его личности, статуса и совершенного деяния.

Алгоритмизация криминалистической диагностики личности военнослужащего, совершившего преступление, способствует определению элементов механизма преступления и перспективному установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию.

<sup>1</sup> Статистические сведения о преступлениях военнослужащих против военной службы и коррупционного характера за 2014 г. / <http://army-news.ru/2011/02/novyy-oblik-voennoj-prokuratury/>

<sup>2</sup> Оноков Ю.П. Для предупреждения и борьбы с преступностью в войсках необходимо ее комплексное прогнозирование // <http://www.pandia.ru/text/78/246/6813.php> (Дата обращения — 02.04.2015)

<sup>3</sup> Агишев Р.М. Воинская преступность: криминологический и уголовно-правовые аспекты: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб.: СПбУ, 2005. С. 5.

<sup>4</sup> Военно-уголовное законодательство / Под ред. М.К. Кислицына. М.: НОРМА; НОРМА-ИНФРА-М, 2002. С. 93.

<sup>5</sup> Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика: Учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 249.

<sup>6</sup> Сочинко Д.В. Психодинамика личности в экстремальных условиях жизнедеятельности: Дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2003.

<sup>7</sup> Романов Ю.А. Разрешение конфликтных ситуаций как средство предупреждения преступлений против военной службы: Дисс. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003.

<sup>8</sup> К эго-влечениям относят: гордость, тщеславие, честолюбие, сексуальное влечение, печаль, гнев, уныние (праздность), влечение к деньгам. См.: Гармаев А. Психопатический круг в семье. М., 2000.

<sup>9</sup> <http://center-yf.ru/data/stat/Socialnyi-status-voennosluzhashego.php>>Социальный статус военнослужащего.

<sup>10</sup> Мацкевич И.М. Преступность военнослужащих (Криминологические и социально-правовые проблемы): Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.

<sup>11</sup> Ларичев В.Д. Оперативно-розыскная характеристика личности экономического преступника и ее структура // Оперативник. 2009. № 2. С. 12.

<sup>12</sup> Хомяков А.И. Преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

<sup>13</sup> Губанищев В.В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики: Дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 32.

<sup>14</sup> Зорин Р.Г. Криминалистическая методология. Мн.: Амалфея, 2000. С. 232.

<sup>15</sup> Холопова Е.Н., Андриянченко Е.Г. Научные и правовые проблемы определения воинского должностного лица как специального субъекта воинских должностных преступлений // Военно-юридический журнал. 2010. № 5. С. 23.

УДК 343.98  
ББК 67.629.43

## ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИ ДОПРОСЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Ирина Александровна НЕУПОКОЕВА,  
старший преподаватель кафедры криминалистики Омской  
академии МВД России, кандидат юридических наук  
E-mail: irinaneupokoeva55@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность;  
оперативно-розыскная деятельность

**Аннотация.** В статье определяется круг обстоятельств, устанавливаемых в рамках проведения допроса подозреваемого (обвиняемого) по делам об организации незаконной миграции, исходя из способа совершения данного преступления.

**Ключевые слова:** допрос; миграция; организация незаконной миграции; подозреваемый (обвиняемый); обстоятельства, подлежащие установлению.

**Annotation.** This article defines the circumstances established in the framework of the questioning of a suspect (accused) in cases of illegal migration, on the basis of the modus operandi of the crime.

**Key words:** questioning, migration, organization of illegal migration, the suspect (the accused), the circumstances warrant.

**И**зучение криминогенной обстановки в нашей стране свидетельствует о том, что незаконная миграция стала неотъемлемой частью структуры преступного бизнеса, оказывает влияние на состояние всей системы экономических отношений, криминализируя национальную экономику, увеличивая ее теневой сектор<sup>1</sup>.

Незаконная миграция является хорошо организованной коммерческой деятельностью на международном уровне, детерминирует и другие виды организованной преступности (торговлю наркотиками, оружием, проституцию и др.).

В последние годы незаконная миграция становится вызовом, угрозой безопасности личности, общества, государства.

Объем информации, устанавливаемый в ходе допроса по данным уголовным делам, заключается в определении обстановки совершения преступления, способа совершения, личности подозреваемого и т.д.

При допросе подозреваемого (обвиняемого) по уголовным делам о преступлениях, связанных

с организацией незаконной миграции, необходимо учитывать государственно-правовой статус допрашиваемого.

Анализ практики расследования данных преступлений показал, что в качестве подозреваемого (обвиняемого) допрашиваются:

- иностранные граждане и лица без гражданства, действовавшие единолично;
- иностранные граждане и лица без гражданства, а также граждане Российской Федерации, в том числе должностные лица, действовавшие в составе организованной преступной группы.

Особую сложность производства допроса подозреваемого представляет собой последняя из перечисленных групп лиц, поскольку их преступная деятельность является по данным уголовным делам многоэпизодной и осуществляется при содействии должностных лиц пограничных, таможенных органов, паспортно-визовых, миграционных служб, туристических фирм, простых

граждан (предоставление квартир, сдача в наем и т.д.). Приведем пример.

Гр-н А. в июне 2013 г., действуя умышленно, из корыстных побуждений, с целью организации незаконного въезда на территорию Российской Федерации, вступив в предварительный сговор с неустановленными лицами, 4 июня 2013 г., находясь в г. Петропавловске Республики Казахстан, созвонился с неустановленным лицом, действовавшим на территории Республики Казахстан, и договорился об организации незаконного въезда на территорию Российской Федерации граждан Республики Узбекистан С. и Д.

В целях реализации своего преступного замысла, направленного на организацию незаконного въезда указанным иностранным гражданам на территорию Российской Федерации, в соответствии с заранее отведенной ему ролью он на автомобиле марки ВАЗ-21144 под управлением собственника автомобиля И., который был введен А. в заблуждение относительно законности своих действий, незаконно, минуя установленные пункты пропуска, осуществил перевозку данных лиц через Государственную границу Российской Федерации на территорию Российской Федерации в Исилькульском районе Омской области.

После этого вышеуказанные гражданки Республики Узбекистан были доставлены в г. Исилькуль.

Впоследствии граждане Республики Узбекистан были задержаны сотрудниками ПУ ФСБ России по Омской области.

Данные действия гр-н А. совершал неоднократно. В преступную группу входили граждане России, республик Казахстана и Узбекистана. Все они были допрошены по обстоятельствам совершенного преступления<sup>2</sup>.

В таких случаях необходимо также выяснить:

- когда и каким образом подозреваемый организовал поиск иностранных граждан или лиц без гражданства, желающих незаконно въехать в Российскую Федерацию, какие цели при этом преследовались;
- каким образом он организовал незаконный въезд иностранных граждан или лиц без гражданства в Российскую Федерацию (по поддельным или подложным документам, с помощью соучастия должностных лиц

пограничных, таможенных органов, паспортно-визовых, миграционных служб, туристических фирм и др.);

- кто, кроме него, организовывал незаконный въезд иностранных граждан и лиц без гражданства на территорию России и в чем конкретно выражалось содействие;
- кто и какие действия совершал конкретно и на территории какого государства;
- каким способом осуществлялась связь между членами преступной группы (сотовая связь, интернет);
- кто фактически, а также юридически является работодателем, заказчиком работ (услуг);
- каким способом подделывались документы незаконным мигрантам и кто это делал;
- имеет ли он полученное в установленном законом порядке разрешение на привлечение и использование иностранной рабочей силы в Российской Федерации;
- обращался ли он в федеральные органы с целью оформления официального приглашения иностранных граждан (впоследствии задержанных за незаконную миграцию) на работу, а также временного нахождения их на территории России, если нет, то почему;
- кто, кроме него или по его поручению занимался подбором рабочей силы и каким образом это происходило;
- удостоверялся ли он в личности устраивающихся к нему на работу мигрантов, проверял ли их документы, свидетельствующие о законности их нахождения на территории Российской Федерации, а также о праве последних на осуществление трудовой деятельности в России, если нет, то почему.

Приведем еще один пример.

В апреле 2014 г. суд г. Исилькуля Омской области вынес приговор жителю г. Исилькуля гр-ну П., который организовал в ноябре 2013 г. незаконный въезд в Российскую Федерацию и пребывание на ее территории граждан Узбекистана Н. и Б.

Данный гражданин, используя абонентский номер оператора сотовой связи МТС, встречал у Государственной границы России с



Казахстаном на территории Лесновского сельского поселения Исилькульского муниципального района Омской области двух граждан Узбекистана и привез их на личном автомобиле в г. Омск.

Гр-н П. был задержан сотрудниками ПУ ФСБ России по Омской области. О противоправных действиях гражданина свидетельствуют видеозапись передачи мигрантов неустановленному лицу, а также аудиозапись телефонных переговоров, которые вели злоумышленники, договариваясь о встрече.

Дознаватели допросили около 20 свидетелей, в том числе и двух граждан Узбекистана. Иностранные граждане дали признательные показания в том, что прибыли на территорию России по специально организованному через Казахстан каналу незаконной миграции.

В рамках допроса у граждан Узбекистана были выяснены способ пересечения Государственной границы России и Республики Казахстан; выяснены лица, которые помогли установить связь с гр-м П.; сумма денежных средств, уплаченных гр-ну П. и др.<sup>3</sup>

В рамках допросов в качестве свидетелей иностранные граждане заявляют о том, что их работодатель говорил им о необходимости оформления документов, свидетельствующих о законности их пребывания в Российской Федерации, поэтому забирал у них документы, удостоверяющие их личность (паспорта, миграционные карты), и деньги для оплаты регистрации.

В связи с этим у подозреваемого (обвиняемого) должно быть выяснено, обеспечивал ли он иностранных граждан, привлекаемых им к работе, регистрацией по месту пребывания, а также получением разрешения на работу.

Если нет, то следует выяснить следующее:

- с какой целью забирались у иностранных граждан их документы и денежные средства;
- с какого периода, где и каким образом организовывалось незаконное пребывание мигрантов, кто оказывал содействие;
- заключались ли с мигрантами трудовые договоры, если нет, то почему;
- производились ли какие-либо финансовые расчеты, если да, то когда и какие именно;
- кто оказывал содействие в оформлении поддельных документов, миграционных карт и т.д.

В случае установления факта организации незаконной миграции в целях совершения преступления на территории России следует выяснить, когда, где, при каких обстоятельствах и какое преступление должно было быть совершено. Кто, помимо подозреваемого (обвиняемого), должен был принимать в нем участие. Необходимо установить роль каждого участника группы, а также, какие орудия готовились для совершения преступления.

<sup>1</sup> Бирюков С.Ю. Особенности расследования организации незаконной миграции: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 3.

<sup>2</sup> Архив Исилькульского городского суда от 11 сентября 2014 г. Дело № 1-223/2014. Обвинительный акт по уголовному делу № 821431 от 18 августа 2014 г. ОМВД России по г. Исилькулю.

<sup>3</sup> Офиц. сайт УМВД России по Омской области: <http://www.55.mvd.ru> (Дата обращения — 04.06.2015)

УДК 343.988  
ББК 67

## КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИНЫ, СОВЕРШИВШЕЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ

Олеся Александровна МАКАРОВА,  
доцент кафедры уголовного процесса,  
криминалистики и правовой  
информатики Юридического института  
Балтийского федерального университета  
имени И. Канта (г. Калининград),  
кандидат юридических наук  
E-mail: mgf1906@yandex.ru

Анастасия Евгеньевна МАКОВЕЕВА,  
ассистент кафедры уголовного процесса,  
криминалистики и правовой информатики  
Юридического института Балтийского  
федерального университета  
имени И. Канта (г. Калининград)  
E-mail: a-makoveeva@mail.ru

Научная специальность: 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность;  
оперативно-розыскная деятельность

**Аннотация.** В статье с позиций гендерного подхода рассматриваются различные направления криминалистического изучения личности женщин, совершивших террористический акт. Обоснована типология женщин-террористок и элементы криминалистической характеристики личности данной категории лиц, что позволяет раскрыть новый аспект в теории и практике организации расследования преступлений террористической (экстремистской) направленности.

**Ключевые слова:** терроризм; личность женщины, совершившей террористический акт; криминалистическая характеристика личности; психолого-криминалистический подход; гендерный аспект.

**Annotation.** The article from the standpoint of the gender approach considers the various areas of forensic study of personality of women committed a terrorist act. Grounded typology of women terrorists and the elements of criminalistic characteristics of this category of persons that can reveal a new aspect in the theory and practice of the organization of investigation of crimes of a terrorist orientation.

**Key words:** terrorism, the identity of the woman who committed a terrorist act, criminalistic characteristic of personality, psycho-criminalistics approach, gender perspective.

Рецензент — Е.Н. Холопова, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Юридического института Балтийского федерального университета имени И. Канта, доктор юридических наук, профессор

**В** настоящее время криминалистическое учение о личности преступника заняло свое место в системе частных криминалистических учений и теорий<sup>1</sup>.

Изучение личности женщин, совершающих или причастных к совершению террористических актов, позволяет разобраться не только в мотивах, внутренних побуждениях, психологических особенностях и прочих субъективных предпосылках совершения преступлений подобного рода, но и дает возможность очертить социальный круг, из которого наиболее вероятно возможность их вербовки.

При раскрытии и расследовании преступлений решение широкого спектра криминалистических, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и криминологических задач определяется качеством и количеством так называемой *гомологической информации*<sup>2</sup>.

Использование современных достижений различных наук о человеке и человеческой деятельности в ходе досудебного производства по уголовным делам террористической направленности повысит эффективность борьбы с терроризмом, успешность которой напрямую зависит не только от уровня технической оснащенности

правоохранительных органов и качества нормативной базы, но и от знаний практических работников об особенностях межличностного общения, а также их навыков и умений, способствующих процессуальной и тактически грамотной организации раскрытия, расследования и рассмотрения уголовных дел подобного рода на всех стадиях уголовного процесса.

Представляется, что с позиций криминалистики можно выделить два основных направления изучения личности женщин-террористок.

**Первое направление** связано с получением и анализом сведений, позволяющих осуществить отождествление личности и ответить на вопрос, кто именно совершил террористический акт.

**Второе направление** ориентировано на исследование личности женщин, подозреваемых и обвиняемых в совершении террористического акта. Решение комплекса тактических и процессуальных задач предполагает сбор сведений о социальном статусе, правовых, политических взглядах и прочей информации, но главным образом — о психологических свойствах женщин и их религиозных взглядах<sup>3</sup>. Кроме того, личность таких женщин следует изучать как участниц процесса, выявлять данные об их связях, особенностях поведения до и во время совершения преступления, что поможет наладить коммуникативный контакт, избрать эффективную тактику общения с целью получения криминалистически значимой информации и правдивых показаний.

Материалы следственной и судебной практики свидетельствуют о том, что изучение личности женщины, совершившей террористический акт, требует особого подхода.

Следует отметить, что Ю.А. Комов<sup>4</sup> одним из первых обратил внимание на необходимость учитывать психофизиологические особенности преступника и влияние гендерных особенностей на процесс раскрытия и расследования преступлений.

Данный автор справедливо отметил, что не разрабатываются методики, основанием которых является пол преступника. Недооценка «такого фундаментального биосоциального свойства, как пол, зачастую оборачивается тем, что традиционно мужские свойства и образцы поведения принимаются за универсальные, а функциональные, психологические, социальные особенности женщин при расследовании преступлений не учитываются, и это, в свою очередь, сказывается на качестве расследования этих преступлений»<sup>5</sup>.

Терроризм преимущественно является преступлением, которое более свойственно совер-

шать мужчинам; об этом свидетельствует вся история терроризма. Развитие технических средств и вооружения во многом способствовало тому, что акты терроризма все чаще стали совершать и женщины, поскольку новые боевые технологии позволяют им ограничиться и их физиологическими возможностями. На территории России террористками преимущественно являются жительницы Северо-Кавказского региона, Чеченской Республики, в частности<sup>6</sup>.

По мнению М.В. Савельева и А.Б. Смушкина, «криминалистическое изучение личности можно определить как деятельность, направленную на получение и анализ информации, содержащей сведения о биографических, антропометрических, психологических и иных данных, характеризующих личность, имеющую отношение к расследуемому событию»<sup>7</sup>.

Изучение внешнего облика человека позволяет решить ряд идентификационных задач. Психологические особенности женщины-террористки имеют значение для решения тактических задач следствия. Изучение механизма совершения преступлений, причин и условий, которые подтолкнули женщину к этому, способствует решению задач превентивного характера.

При изучении личности женщины необходимо использовать психолого-криминалистический подход, отдельные аспекты которого изложены в исследованиях К.Ф. Анищенко, Л.Ю. Кирюшиной, В.Г. Крючкова, М.А. Лактионовой, С.Л. Панова, С.А. Поповой и других авторов<sup>8</sup>.

Отметим, что научных исследований, посвященных изучению криминалистической характеристики личности женщины-террористки, крайне мало. В связи с этим, на наш взгляд, следует сделать акцент на исследование именно гендерного подхода в криминалистическом изучении личности женщины, совершившей террористический акт.

Необходимо изучение особенностей именно женского терроризма, рассмотрение криминалистической характеристики женщин, совершающих преступления террористической направленности.

Представляется, что данный подход крайне важен для теории и практики организации расследования преступлений террористической направленности.

Анализ следственной и судебной практики свидетельствует о необходимости разработки криминалистической типологии женщин, совершающих террористические акты, и использования этих сведений в уголовном судопроизводстве

для решения криминалистических поисково-познавательных, тактико-психологических и организационно-методических задач расследования преступлений.

Существуют различные критерии типологии женщин-террористок (пол, семья, возраст, взгляды и проч.).

Например, К.Ф. Анищенко приводит следующую типологизацию женщин, совершивших террористический акт:

- для которых вхождение в террористическое формирование, участие в совершении террористических актов является средством материального обеспечения, своего рода заработком;
- пришедшие в террористические организации в результате активной и целенаправленной вербовки, основываясь в целом на националистических или религиозных воззрениях, своем интересе к религии;
- совершающие отдельные террористические акты или входящие в незаконные вооруженные формирования под влиянием угроз, шантажа, запугивания, обещания материальной поддержки семьи и близких;
- совершающие террористические акты ради достижения известности, авторитета в своем кругу, внушения окружающим страха и т.п.<sup>9</sup>.

Итак, в научных дискуссиях предлагаются различные концепции криминалистической типологии женщин, совершающих террористические акты. Анализ учебной, монографической литературы, а также материалов следственной и судебной практики позволили нам выделить следующие типы женщин, совершающих террористические акты.

## 1. Тип национальной освободительницы

Принятие решения о совершении террористического акта продиктован у данной категории женщин стремлением участвовать в борьбе за национальное освобождение.

## 2. Тип мстительницы

Выбор данной категории женщин обусловлен желанием отомстить за любимого человека, погибшего в ходе вооруженного конфликта. Например, известно, что чеченский командир Шамиль Басаев организовал тренировки 36 женщин, обычно называемых «черными вдовами». В большинстве случаев они действительно вдовы, матери, сестры или дочери чеченцев, погибших в

боях с федеральными войсками, что выдвигает на первый план мотивы отмщения. В октябре 2002 г., после террористического акта в московском театре на Дубровке, телекомпания «Аль-Джазира» показала предварительно подготовленную запись обращения пяти из N-го числа террористок, заявлявших о своем желании умереть и отомстить за потери любимых людей<sup>10</sup>.

## 3. Феминистский тип

Для данной категории женщин-террористок, в основном мусульманок, терроризм — попытка вырваться из сферы личной жизни и войти в сферу общественной жизни. Мусульманка-террористка претендует на равноправие и обретение гражданского статуса.

## 4. Тип искупительницы

Данный тип женщин осуществляют террористические акты, главным образом, для того, чтобы искупить непростительные проступки, жестоко караемые их ближайшим окружением — семьей (мусульманским сообществом и т.д.).

## 5. Тип жертвы

В данном случае совершение террористического акта — результат воздействия наркотиков, манипуляции или индоктринации.

## 6. Тип смертницы

Это самый опасный тип преступниц, которые совершают гомицидальные террористические акты.

В криминалистической литературе имеется ряд подходов к определению структуры личности преступника, на основе которых можно выделить группы элементов структуры личности женщин, совершивших террористический акт<sup>11</sup>.

**1. Пол.** На территории России террористками преимущественно являются жительницы Северо-Кавказского региона, Чеченской Республики, в частности<sup>12</sup>. У женщин-террористок прослеживается наиболее тесная связь и зависимость от окружающей среды, особенно от ближайшего окружения<sup>13</sup>.

**2. Возраст.** Здесь следует выделить несколько категорий в зависимости от рассмотренной выше типологии личности женщин-террористок:

- первая категория — возраст 18—26 лет, состоящие в «мусульманском браке» с муж-

чинами, входящими в незаконные бандформирования;

- вторая категория — это достаточно зрелые женщины в возрасте 40—55 лет;
- третья категория — это женщины, которым в своей жизни довелось пережить обиду со стороны мужчины другой национальности<sup>14</sup>.

**3. Семейное положение.** Говоря о семейном положении женщин, совершивших террористических акт, следует отметить следующее: из общего числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности за данный вид преступления, только 12% состояли в официально зарегистрированном браке, 82% женщин — в так называемом «мусульманском браке», 6% были в разводе или не замужем<sup>15</sup>.

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о наличии гендерного аспекта терроризма, причем не только на территории России и в Северо-Кавказском регионе, но и в целом в мире.

Представляется, что следователю в процессе расследования указанной категории уголовных дел необходимо учитывать чрезвычайную сложность установления и поддержания психологического контакта, а также невозможность использования некоторых распространенных тактических приемов в отношении женщин, совершивших террористический акт. Нередко у них прослеживаются определенные расстройства психики, адаптации в социальной среде<sup>16</sup>. В данной ситуации следователь вынужден обращаться за помощью к специалистам — психологам и психиатрам.

При этом особенно пристальное внимание нужно уделять изучению личности обвиняемого (подозреваемого и обвиняемых) по делам о групповых преступлениях данной направленности. Тактика расследования преступлений, связанных с совершением террористического акта, основывается на данных о структуре группы, ролевых функциях ее отдельных участников и умелом использовании разногласий между ними. Эту информацию можно получить, тщательно изучив личность каждой обвиняемой, но не изолированно, а в сопоставлении с остальными, особое внимание уделяя наличию преступного опыта, волевым и эмоциональным свойствам и т.п.

Криминалистическое изучение женщины-террористки предполагает возможность создания наиболее благоприятных следственных ситуаций,

позволяющих следователю принимать оптимальные тактические решения. Объем криминалистического изучения личности определяется необходимостью получения сведений, направленных на установление состава преступления, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела.

*Криминалистические задачи*, решение которых базируется на использовании информации о свойствах женщины-террористки, можно разделить на несколько групп.

*Во-первых*, тактические задачи — по оптимизации процесса расследования.

*Во-вторых*, поисковые задачи — по установлению личности женщины-преступницы, совершившей террористический акт.

*В-третьих*, профилактическая задача — по предупреждению совершения преступлений.

*В-четвертых*, методическая задача — по анализу результатов исследования личности женщины, совершившей террористический акт, т.е. как совершенную определенной группой лиц.

Представляется, что изучение личности женщины-террористки проводится на всех стадиях уголовного судопроизводства. Изучение личности в ходе судебного разбирательства помогает решению тех же вопросов, которые возникают при предварительном расследовании.

Однако помимо проблем судебного следствия, правоприменители сталкиваются с необходимостью принятия судебного решения, непосредственно затрагивающего права и свободы не только подсудимой, но и других участников процесса. Судьи возвращаются к изучению личности и при решении вопроса об отмене или изменении приговора, и при рассмотрении ходатайств о снятии судимости и т.д. Эти аспекты в рамках криминалистического изучения личности пока не исследованы.

С нашей точки зрения, данное направление в криминалистическом учении о личности получит свое дальнейшее развитие, поскольку главная особенность здесь состоит в использовании гендерного подхода в расследовании таких тяжких преступлений, как терроризм, которые получили в настоящее время широкое распространение не только на территории Российской Федерации, но и во всем мире.

Данный подход позволяет изучить личность женщины-террористки как объекта и носителя специфических биологических характеристик, свойств, особенностей, признаков и следов.

<sup>1</sup> *Изучение личности обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего* // Криминалистика: Учебник / Под ред. В.А. Жбанкова. М.: РТА, 2012;

*Криминалистическое изучение личности* // Криминалистика: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М.: Закон и Право, 2009;

*Криминалистическое изучение личности участников расследования в тактических целях* // Криминалистика: Учебник / Под ред. Н.П. Яблокова. М.: Норма-ИНФРА-М, 2010; и др.

<sup>2</sup> *Криминалистика: Учебник* / Под ред. В.А. Образцова. М.: Юрист, 1997.

<sup>3</sup> *Ким И.А.* Женское участие в терроризме: религиозный женский опыт или женская дискриминация? // Соц. политика и социология. 2006. № 4. С. 108—118.

<sup>4</sup> *Комов Ю.А.* Особенности расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений, совершаемых женщинами: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1992. С. 12—13 // URL: <http://lawtheses.com/> (Дата обращения — 09.08.2015)

<sup>5</sup> Там же. С. 13.

<sup>6</sup> *Юцкова Е.М.* Криминологическая характеристика лиц, совершающих террористические акции на территории России // Преступность как она есть и направления антикриминальной политики. М., 2004. С. 105.

<sup>7</sup> *Савельева М.В., Смушкин А.Б.* Криминалистика: Учебник. М.: Деловой двор, 2009. С. 219.

<sup>8</sup> *Анищенко К.Ф.* Личностные характеристики преступников, совершающих акты терроризма // Право. 2007. № 2. С. 22—27;

*Киришина Л.Ю.* К вопросу о разработке психолого-криминалистического портрета женщин, совершающих преступление // Право. 2007. С. 43—47;

*Крючков В.Г.* Проблемы экстремизма среди женщин в республике Дагестан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2 (57). С. 30—32;

*Лактионова М.А.* Особенности феномена женского терроризма: региональный аспект // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2014. № 4 (148). С. 108—116;

*Панов С.Л.* Типология лиц, совершающих преступления террористической направленности // Современное право. 2007. № 10. С. 91—95;

*Попова С.А.* Женский терроризм: история и современность // Уголовное право: стратегия и развитие в XIX веке. М., 2005. С. 59—62.

<sup>9</sup> *Анищенко К.Ф.* Указ. соч. С. 26.

<sup>10</sup> *Дронзина Т.* Террористки-смертницы // Вестник Евразии. 2005. № 1. С. 171.

<sup>11</sup> *Анищенко К.Ф.* Указ. соч. С. 23.

<sup>12</sup> *Юцкова Е.М.* Указ. соч. С. 109.

<sup>13</sup> *Зиядова Д.З., Абасова С.А.* Проблемы террористической деятельности женщин // Терроризм в России и про-

блемы системного реагирования. М., 2004. С. 85 // URL: <http://lawtheses.com/> (Дата обращения — 09.08.2015)

<sup>14</sup> *Григорьева М.А.* Гендерная политика и эмансипация женщин в исламском культурном пространстве: политический контекст и тенденции // KANT. 2011. № 2. С. 112.

<sup>15</sup> *Состояние преступности в России на апрель 2015 г.* // Офиц. сайт Главного организационно-аналитического управления правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ / URL: <http://www.genproc.gov.ru> (Дата обращения — 07.08.2015)

<sup>16</sup> *Юцкова Е.М.* Указ. соч. С. 105.

## Библиографический список

### Нормативно-правовые акты

1. *О противодействии терроризму: Федеральный закон РФ от 06.03.2006 г. № 36-ФЗ* (ред. от 31.12.2014 г.) // СПС «Гарант»

2. *О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон РФ от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ* (ред. от 08.03.2015 г.) // СПС «Гарант»

3. *Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на период 2013—2018 годы* (утв. Президентом РФ 26.04.2013 г. № ПР-1069): // URL: <http://www.gov.ru> (Дата обращения — 09.08.2015)

### Научная литература

4. *Адамова М.А.* Феномен участия женщин в террористической деятельности // KANT. 2013. № 1. С. 105—107.

5. *Гавло В.К., Мазуров В.А.* Уголовно-правовые и криминологическо-криминалистические аспекты противодействия терроризму // Известия гос. Алтайск. ун-та. Барнаул. 2011. № 2. С. 93—96.

6. *Коваленко О.М.* Некоторые проблемы женского терроризма в России // Мат-лы XII студенческой междунар. заоч. науч.-практич. конф. «Молодежный научный форум: общественные и экономические науки»: <http://vsegdavyt.me.org/>

7. *Соловьева Н.А., Елфимова Е.И.* Криминалистическая типология женщин, совершивших насильственные преступления // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. Волгоград. 2010. № 2 (13). С. 146—154.

УДК 343.3  
ББК 67.99 (2) 8

## ПОНЯТИЕ ЭКСТРЕМИЗМА В МЕЖДУНАРОДНОМ И РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Альберто Хан ОМАЕВ,  
адъюнкт НИЦ № 2  
ФГКУ «ВНИИ МВД России»  
E-mail: dagm@mail.ru

Научная специальность: 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность;  
оперативно-розыскная деятельность

**Аннотация.** В статье дан анализ определения экстремизма в конвенциях и других актах ООН, а также в нормативно-правовых актах Совета Европы, посредством которых оценивается его понимание в российском праве.

**Ключевые слова:** экстремизм, конвенция, расизм, национализм, фундаментализм.

**Annotation.** The article analyzes the definition of extremism in the conventions and other instruments of the UN and in the regulatory legal acts of the Council of Europe, through which we evaluate his understanding in Russian law.

**Key words:** extremism, convention, racism, nationalism, fundamentalism.

Научный руководитель — А.А. Магомедов, главный научный сотрудник НИЦ № 2  
ФГКУ «ВНИИ МВД России», доктор юридических наук, профессор

Рецензент — А.А. Майдыков, ведущий научный сотрудник НИЦ № 2  
ФГКУ «ВНИИ МВД России», кандидат юридических наук, доцент

В международном праве впервые термин «экстремизм» получил свое закрепление в Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма, принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1994 г. № 49/60. В Декларации отмечается, что «Генеральная Ассамблея глубоко озабочена тем, что во многих регионах мира все чаще совершаются акты терроризма, в основе которых лежат нетерпимость или экстремизм»<sup>1</sup>. Однако в ней не дано определение понятия «экстремизм», а указывается лишь на связь терроризма с экстремизмом. Последний рассматривается в качестве причины терроризма.

На период принятия Декларации, как видно из ее содержания, ООН на этом историческом этапе, на наш взгляд, еще не в полной мере осознала характер и границы экстремизма как негативного социального явления, получающего все большее распространение по всему миру. Однако уже в начале XXI в., осознав возможный характер угроз экстремизма, Резолюция Генеральной

Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 г. № 58/174 придает экстремизму качественную характеристику как серьезной угрозе для международной законности и правопорядку в мире<sup>2</sup>.

Оценив содержание такой угрозы и признав терроризм наиболее радикальным проявлением экстремизма, ООН уходит от выработки и закрепления в международных актах понятия «экстремизм», что нельзя признать правильным. Необходимость наличия дефиниции данного явления в праве становится все больше и больше в современном мире. Например, в международном праве это позволило бы, прежде всего, обеспечить эффективность противодействия экстремистским проявлениям на международном и межгосударственном уровнях.

В международных актах, уже принятых ООН, термин «экстремизм» используется в качестве синонима терминам «расизм» (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 08.09.2000 г. № 55/2 «Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций»)<sup>3</sup>, «ксенофобия» (Резолюция Ге-

неральной Ассамблеи ООН от 04.12.2000 г. № 55/59 «Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века»<sup>4</sup>), «нацизм» (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1967 г. № 2331 «Меры, которые должны быть приняты против нацизма и расовой нетерпимости»). В документах, выработанных ООН, подвергаются осуждению проявления экстремизма, имеющие место на почве национализма, расовой и религиозной неприязни (Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 07.03.1966 г.<sup>5</sup>, здесь дано определение понятию расовой дискриминации).

К расовой дискриминации в Конвенции от 7 марта 1966 г. отнесены «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанные на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни».

Ряд других документов ООН посвящен разным формам дискриминации и нетерпимости, без нормативного определения в них выше приведенных терминов и признаков, их характеризующих.

Так, в Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языческим меньшинствам, от 18 ноября 1992 г.<sup>6</sup> указывается на необходимость охраны самобытности данных меньшинств.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г.<sup>7</sup> осуждает все формы нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений.

В декабре 2008 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости»<sup>8</sup>. Она порицает «пропаганду и все организации, основанные на идеях расового превосходства или пытающиеся оправдать или поощрять расовую ненависть и дискриминацию в какой бы то ни было форме» и призывает государства «объявлять противозаконными и запрещать организации и организованную, и всякую другую пропагандистскую деятельность, которые поощряют расовую дискриминацию и подстрекают к ней, и признавать участие

в таких организациях или в такой деятельности преступлением, караемым законом».

Кроме того, в Декларации государства — члены ООН призываются принять меры для прекращения героизации нацизма и его пособников, разрушений и осквернений памятников борцов с нацизмом. В ней указано, что такие пронацистские явления и экстремистские движения представляют «реальную угрозу демократическим ценностям»<sup>9</sup>.

Все приведенные выше международно-правовые акты, принятые под эгидой ООН, по своему содержанию являются во многом декларативными, в них не предусмотрен какой-либо эффективный механизм межгосударственного сотрудничества, взаимодействия в борьбе с экстремизмом<sup>10</sup>.

Анализ данных документов, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в них экстремизм представлен исключительно с религиозной, расовой и националистической точек зрения. Между тем вне рамок названных актов остались политические мотивы экстремизма.

В проанализированных нами документах ООН не дается определения понятия «экстремизм», т.е. общепринятого определения экстремизма в рамках ООН не выработано. Нет в них и перечня деяний, которые государства — члены ООН должны признать экстремистскими. Однако это не мешает определению в международных актах терроризма как наиболее радикального проявления экстремизма, что свидетельствует об оформляющемся в международном праве направлении по разработке мер противодействия экстремизму через призму борьбы с терроризмом.

Сегодня активные мероприятия, призванные обеспечить на европейском уровне противодействие современному экстремизму, предпринимает Совет Европы (далее — СЕ), осознавая опасность его для безопасности государств, входящих в его состав. Он так же, как и ООН, разрабатывает меры, направленные на борьбу с данным явлением, через призму противодействия терроризму, придавая экстремизму исключительно расово-религиозный оттенок.

Например, в приложении № 3 к Венской декларации от 9 октября 1993 г.<sup>11</sup> представлен план действий по борьбе с расизмом, ксенофобией, антисемитизмом и нетерпимостью. Приложение призывает государства — членов СЕ проводить широкомасштабную кампанию по популяризации в рядах европейской молодежи идеалов общества терпимости, предполагающих уважение достоинства всех его членов. Для этого рекомен-



дуются, прежде всего, учредить комитет правительственных экспертов СЕ, чтобы выработать рекомендации по борьбе с расизмом, ксенофобией, антисемитизмом и нетерпимостью. Предлагается создание национальных комитетов государств — членов СЕ по сотрудничеству с европейскими молодежными организациями.

Кроме того, указано на необходимость усиления ответственности за расизм и дискриминацию в национальных законодательствах государств — членов Совета Европы<sup>12</sup>.

Недостатком, законодательства СЕ в рассматриваемой нами сфере является то, что в нем отсутствуют дефиниции тех терминов, которым они посвящены, и не отражена сущность экстремизма. Использование понятий «расизм», «ксенофобия», «антисемитизм» и «нетерпимость» без определения их содержания свидетельствует о неосведомленности законодателей СЕ о том, что понимать под каждым из них. Это видно из того, что во многих документах СЕ данные термины употребляются как синонимы, а в остальных нередко в виде принципиально различающихся между собой понятий. В связи с этим представляется обоснованной необходимость выработки в скорейшее время на уровне СЕ единого для всех стран, в него входящих, понятийного аппарата в сфере противодействия экстремизму, начиная с определения его понятия, которого нет ни в законодательстве СЕ, ни в документах, принятых ООН.

В уже имеющихся нормативно-правовых актах СЕ борьбу с экстремизмом, как мы уже упоминали, предполагается осуществлять через призму противодействия терроризму. Именно такой подход просматривается в Европейской Конвенции о пресечении терроризма от 27 января 1977 г. ЕТС № 090<sup>13</sup> и Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. ЕТС № 196<sup>14</sup>.

В последней, надо отметить, предпринята попытка закрепления определения понятия «террористическое преступление», в основу которого положена политическая мотивация, имеющая место при совершении ряда преступлений террористической (экстремистской) направленности. Однако наличие такого рода мотивации Конвенцией от 27 января 1977 г. № 090 исключается при совершении захвата заложников.

В Конвенции от 16 мая 2005 г. ЕТС № 196 (ч. 1 ст. 1) к террористическим отнесено любое из преступлений в рамках положений и определений, содержащихся в одном из договоров, перечисленных в Приложении к данной Конвен-

ции, т.е. даваемое в нем определение такого деяния носит абстрактный и бланкетный характер.

Независимо от того, что предложенное в Конвенции определение террористического преступления не содержит в себе признаки, его характеризующие, следует отметить, что сама предпринятая в ней попытка выработки дефиниции такого деяния указывает на то, что в государствах, входящих в СЕ, имеет место осознанность и востребованность в разработке понятийного аппарата преступлений террористической и экстремистской направленности.

Актуальность этого уже признана в итоговой резолюции ПАСЕ в октябре 2010 г., в которой предложены выработка единого европейского подхода к определению понятия «экстремизм» и рассмотрение вопроса о возможности введения в уголовное законодательство 47 стран Совета Европы положения о борьбе с расовой ненавистью.

Для полноты освещения рассматриваемой нами проблемы надо отметить, что еще в 2003 г. ПАСЕ было принято решение, согласно которому: «Проблема экстремизма заключается в том, что демократия должна обеспечивать максимальные гарантии свободы мнений, собраний и объединений, но в то же время защитить себя от сил, чья идеология отрицает эти принципы. При этом, в отличие от террористической деятельности или националистических призывов, идеологии, отрицающие демократию, не могут быть уголовно наказуемы и преследуемы как таковые. Иначе пришлось бы запрещать и коммунистов, и анархистов, и монархистов. Поэтому и возникает необходимость специального понятия. И самый сложный вопрос — определить ту черту, за которой убеждения одних могут рассматриваться как угроза правам других».

ПАСЕ дала следующее определение рассматриваемого нами явления: «экстремизм — это такая форма политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии»<sup>15</sup>.

По нашему мнению, только выработка общего подхода в понимании экстремизма на международном и европейском уровнях, который будет отражать его конструктивные признаки, даст возможность создать эффективный инструмент противодействия экстремизму и связанному с ним еще более радикальному явлению — терроризму.

Впервые в современной России термин «экстремизм» был использован в Указе Президента Российской Федерации от 28 октября 1992 г.

«О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации» и вызвал массу нареканий со стороны правозащитников и отдельных ученых. В результате ему была дана следующая оценка Конституционным Судом России: «Признать не имеющим юридического значения содержащееся в данном пункте Указа понятие «экстремистские элементы», поскольку оно не имеет определенного юридического содержания, что может при применении Указа привести к нарушению конституционных прав граждан»<sup>16</sup>.

Иное, нежели в приведенном Указе, определение понятия «экстремизм» дано в ратифицированной Россией региональной международной Шанхайской Конвенции от 15 июня 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»<sup>17</sup>.

В пункте 3 ст. 1 Конвенции под экстремизмом предлагается понимать «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в выше указанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемое в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон».

В данном определении центральное (основное) место отведено насилию, используемому при посягательствах на власть, конституционный строй государства, общественную безопасность. При этом речь идет не только о применении насилия, но и об обеспечении этого посредством организации или участия в незаконных вооруженных формированиях.

В Федеральном законе от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ<sup>18</sup> (в ред. от 27.07.2006 г. № 148-ФЗ, от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ, от 10.05.2007 г. № 71-ФЗ, от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ, от 29.04.2008 г. № 54-ФЗ, от 25.12.2012 г. № 255-ФЗ, от 02.07.2013 г. № 185-ФЗ, от 21.07.2014 г.) в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности Российской Федерации определяются правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, устанавливается ответственность за ее осуществление.

В статье 1 Закона определены основные понятия, применяемые для достижения целей данного акта: «экстремистская деятельность», «эк-

стремизм», «экстремистская организация», «экстремистские материалы».

Приведем их содержание:

1) *экстремистская деятельность (экстремизм)*:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства, либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Россий-

ской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг;

2) *экстремистская организация* — общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности;

3) *экстремистские материалы* — предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы;

4) *символика экстремистской организации* — символика, описание которой содержится в учредительных документах организации, в отношении которой по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Как видим, в п. 1 ст. 1 Закона № 148-ФЗ содержание понятия «экстремизм» сведено напрямую к перечислению деяний, которые ориентированы на предусмотренные УК РФ и КоАП РФ соответствующие уголовные преступления и административные правонарушения.

По мнению многих ученых, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» с последующими внесенными в него изменениями — очень важный нормативно-правовой акт, но он противоречиво решает вопрос о том, что следует понимать под экстремизмом<sup>19</sup>.

Конечно, предусмотренный в п. 1 ст. 1 Закона перечень деяний экстремистской направленности имеет значение для правоприменительной сферы не только в плане уяснения содержания экстремизма, но и понимания его сущности. «Однако четкая правовая дефиниция понятия «экстремизм» с учетом его характерных признаков могла бы быть не только стабильнее, чем перечни проявления экстремизма (уже подвергшиеся ряду изменений), но имела бы и общее методологическое критериальное значение для оценки тех или иных явлений как экстремистских, для построения общей системы проявлений экстремизма»<sup>20</sup>.

Данное в Законе № 114-ФЗ определение не увязано законодателем ни с обыденным, ни с правовым либо политическим значением термина «экстремизм». Оно не предусматривает в своем содержании каких-либо родовых признаков, характеризующих данное явление, ограничиваясь «простым перечнем деяний экстремистского характера».

По мнению Р.М. Абызова, «Закон 2002 года создал чрезвычайно легкий механизм закрытия СМИ, чему также способствовала расплывчатость определения экстремизма»<sup>21</sup>. Наличие такого механизма в представленном в Законе виде, как полагает автор, «при достаточно низком уровне политкорректности в российских СМИ» легко позволяет властям прекратить их деятельность, поскольку «среди публикуемых в них материалах не трудно найти статьи, которые соответствовали бы, например, пункту об «унижении национального достоинства...»<sup>22</sup>.

Между тем, как мы знаем, право на свободу слова в ряду прав и свобод человека и гражданина «не без оснований называют базовым, так как без него невозможна реализация других фундаментальных прав человека: права на свободу мысли, совести и религии, свободу собраний и объединений»<sup>23</sup>.

В литературе встречается также позиция, согласно которой рассматриваемый Закон излишне усиливает уголовно-правовую репрессию, не оправдано дублируя в нем уже существующие в Особенной части УК РФ запреты. И это при том, что правоприменительная практика, по последним данным, не может быть признана безупреч-

ной, и прежде всего в части доказывания при обвинении по делам о преступлениях экстремистской направленности<sup>24</sup>.

Наиболее неприменимым в отношении содержания ст. 1 анализируемого нами Закона является мнение, согласно которому сами по себе заявленные в его нормах идеологические или политические мотивы не могут быть уголовно наказуемыми, ибо это не согласуется с Основным законом страны — Конституцией РФ (ст. 13), закрепившей принципы политического и идеологического многообразия в российском обществе<sup>25</sup>.

Поэтому предлагаемая согласно Закону № 114-ФЗ и соответствующим нормам УК РФ трактовка преступлений экстремистской направленности неприемлема, так как она «рождает вполне понятные опасения по поводу соблюдения основных демократических прав, гарантированных Основным законом Российской Федерации — Конституцией, в частности, свободы слова, являющейся необходимым условием демократического общества»<sup>26</sup>.

Несмотря на приведенную нами критику в отношении содержания понятия «экстремизм» в анализируемом Федеральном законе, его принятие следует признать правильным и полезным.

*Во-первых*, в нем даны легальные (правовые) определения экстремистской деятельности (экстремизма), экстремистской организации и экстремистских материалов, пригодные для обеспечения правового и криминологического осмысления экстремизма как явления.

*Во-вторых*, сегодня в российском законодательстве оформился перечень преступлений, отражающий различные виды и формы проявления национального и транснационального криминального экстремизма.

*В-третьих*, предусмотренное в законе № 114-ФЗ «широкое универсальное описательное определение экстремизма позволяет выделять его разновидности по различным основаниям, в зависимости от научных и / или практических интересов»<sup>27</sup>.

<sup>1</sup> Комментированный сборник международных и российских правовых актов о борьбе с терроризмом / Под ред. А.И. Долговой, В.В. Милинчук. М.: Рос. криминологическая ассоциация, 2007. С. 275—276.

<sup>2</sup> Там же. С. 320—324.

<sup>3</sup> Документ размещен на сайте ООН в internet: <http://www.un.org>

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 3. Ст. 219.

<sup>6</sup> Действующее международное право. Т. 2. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 90—94.

<sup>7</sup> СПС «Консультант Плюс»

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Овчинский В.С., Кочубей М.А. Экстремистские организации в США // Ж-л рос. права. 2009. № 6.

<sup>10</sup> Никитин А.Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: Дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 105.

<sup>11</sup> Документ имеется на сайте Совета Европы в internet: <http://conventions.coe.int>

<sup>12</sup> Никитин А.Г. Указ. соч. С. 107.

<sup>13</sup> СЗ РФ. 2003. № 3. Ст. 202.

<sup>14</sup> Там же. 2009. № 20. Ст. 2393.

<sup>15</sup> Каммерсантъ. 2006. № 102 (3433). 8 июня.

<sup>16</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 12.02.1993 г. № 3-П // [http://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo\\_ks/konstitut\\_big\\_30.htm](http://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_30.htm)

<sup>17</sup> Комментированный сборник международных и российских правовых актов о борьбе с терроризмом... С. 516.

<sup>18</sup> СЗ РФ. 2012. № 30. Ст. 3031.

<sup>19</sup> Долгова А.И. Экстремизм и терроризм, террористические и иные экстремистские преступления: понятие, анализ, динамика // Экстремизм и другие криминальные явления. М.: Рос. криминологическая ассоциация, 2008. С. 21.

<sup>20</sup> Авдеев Ю.Н. Развитие законодательства в области противодействия экстремизму // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы. М.: Рос. криминологическая ассоциация, 2010. С. 120.

<sup>21</sup> Абызов Р.М. О понятии и причинах экстремизма в российском обществе // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы. М.: Рос. криминологическая ассоциация, 2010. С. 26.

<sup>22</sup> Там же.

<sup>23</sup> Там же. С. 28.

<sup>24</sup> Иванов Н.Г. Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности совершения группового преступления // Гос-во и право. 2003. № 5. С. 42—52.

<sup>25</sup> Кудрявцев В.Н., Кузнецова Н.Ф., Комиссаров В.С., Лукеев В.В. Конституция — это закон и для Государственной Думы // Гос-во и право. 2007. № 5. С. 13—16.

<sup>26</sup> Сысоев А.М. О сущности экстремистских мотивов в отечественном уголовном законодательстве // История государства и права. 2009. № 1.

<sup>27</sup> Кабанов П.А., Газимзянов Р.Р. Криминальный политический экстремизм: понятие сущность, виды. Казань, 2009. С. 12.

УДК 35  
ББК 67УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ ТРЕБОВАНИЙ  
К ГОСУДАРСТВЕННОЙ  
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЕ

Роман Вадимович НАГОРНЫХ,  
директор Северо-Западного института (филиала)  
Московского государственного юридического  
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),  
кандидат юридических наук, доцент  
E-mail: Nagornikh-vipe@mail.ru

Научная специальность: 12.00.14 — административное право; административный процесс

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме установления единых универсальных требований к государственной правоохранительной службе и к служащим государственной правоохранительной службы. По мнению автора, универсализация государственной правоохранительной службы подразумевает единство субъектов, отнесенных к числу служащих государственной правоохранительной службы, единство правового статуса, классификационной характеристики должностей, системы специальных званий и классов чинов, системы оплаты труда и социальной защиты.

Автор приходит к выводу, что основой для регламентации и упорядочения в едином федеральном законе системы квалификационных разрядов в правоохранительной службе могли бы стать требования, известные еще дореволюционному отечественному законодательству, а именно: публичности; приоритета профессионализма и личной выслуги служащих; престижа и особого социального положения служащего; государственного денежного вознаграждения; соответствия чинов различных видов государственной службы.

**Ключевые слова:** административно-правовое положение, государственный служащий, правоохранительная служба.

**Annotation.** The article deals with the establishment of a single universal requirements for state law enforcement agencies and employees of state law enforcement officers. According to the author, the universalization of public law enforcement service implies unity of subjects related to the number of employees of the state security service, the unity of the legal status, classification characteristics positions of special ranks and class ranks, the system of remuneration and social protection.

The author concludes that the basis for the regulation and ordering in the uniform federal law competency discharges on law enforcement agencies could become more famous pre-revolutionary demands domestic legislation, namely publicity; Priority of service professionalism and personal service; prestige and social status of special civil servant; State of remuneration; compliance officials of different types of public service.

**Key words:** administrative and legal status, civil servant, law enforcement service.

Универсализация государственной правоохранительной службы в разных структурах предполагает единство субъектов, отнесенных к числу служащих государственной правоохранительной службы, единство правового статуса, классификационной характе-

ристики должностей, системы специальных званий и классов чинов, системы оплаты труда и социальной защиты. При этом основным практическим инструментом унификации статуса субъектов государственной правоохранительной службы является «должность», с помощью кото-

рой обеспечивается персонализация статуса служащих государственной правоохранительной службы.

В связи с этим административно-правовое регулирование государственной правоохранительной службы должно обеспечить наложение общих требований к служащим правоохранительной службы на все многообразие должностей в органах, осуществляющих правоохранительные функции. При этом закон о государственной правоохранительной службе должен закрепить единую модель служащего государственной правоохранительной службы через призму приоритетных социально-профессиональных ценностей.

На наш взгляд, ее основное содержание составляют четыре группы ценностей:

- совокупность морально-нравственных ценностей, где особое место занимают такие ценности, как отношение к Родине, своему общественному и профессиональному долгу; отношение к другим людям, отношение к самому себе;
- совокупность социально-политических ценностей, среди них развитое политическое мышление, готовность и способность отстаивать и защищать интересы своего государства, высокая гражданская ответственность, а также отношение к власти;
- совокупность ценностей социально-правовой направленности, которая включает правовые знания и готовность выполнять требования закона, законопослушность, социально-правовую активность, знание своих законных прав, свобод и обязанностей, особенностей их реализации в процессе служебной деятельности;
- совокупность непосредственно профессиональных ценностей, которая объединяет знания о сферах общественной жизни, формах и способах служебной деятельности; организационно-управленческие ценности (целеустремленность, ответственность, самостоятельность, инициативность, требовательность, пунктуальность, исполнительность, организованность, аккуратность, активность и т.д.); коммуникативные ценности (вежливость, выдержанность, уважительность, доступность, общительность, открытость).

Достоверность данного вывода подтверждается результатами изучения зарубежного опыта организации правоохранительной службы. Нами были изучены представляющие основные совре-

менные политико-правовые системы государственной службы США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Финляндии, Швеции, Чехии, Венгрии и т.д.<sup>1</sup>.

Зарубежный опыт показал, что правоохранительная служба является весьма важным компонентом организации управления общественными делами. Применительно к вопросу определения статуса государственных служащих правоохранительных органов следует особо подчеркнуть, что ни в одной из изученных стран правоохранительная служба не выделена в самостоятельный вид государственной службы. Однако органы, традиционно осуществляющие правоохранительные функции, как правило, имеют социальную направленность и соответствующее правовое регулирование.

Но в той или иной степени почти во всех исследованных государствах наблюдается стремление к унификации правового регулирования государственной службы на основе классификации по разрядам должностей государственной службы.

В Российской Федерации, наоборот, одной из проблем выступает отсутствие в законодательстве о государственной правоохранительной службе единой системы квалификационных разрядов для служащих. Обозначим основные составляющие данной проблемы.

**Во-первых**, Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ<sup>2</sup> для служащих правоохранительной службы предусмотрел два вида квалификационных разрядов: специальные звания и классные чины.

Законодательство о правоохранительной службе допускает учреждение в одном государственном органе одновременно нескольких видов специальных званий.

Так, только в органах внутренних дел учреждаются виды специальных званий по группам личного состава:

1) *рядовой состав*: рядовой полиции, рядовой внутренней службы, рядовой юстиции;

2) *младший начальствующий состав*:

а) младший сержант полиции, младший сержант внутренней службы, младший сержант юстиции;

б) сержант полиции, сержант внутренней службы, сержант юстиции;

в) старший сержант полиции, старший сержант внутренней службы, старший сержант юстиции;

г) старшина полиции, старшина внутренней службы, старшина юстиции;

д) прапорщик полиции, прапорщик внутренней службы, прапорщик юстиции;

е) старший прапорщик полиции, старший прапорщик внутренней службы, старший прапорщик юстиции;

3) *средний начальствующий состав*:

а) младший лейтенант полиции, младший лейтенант внутренней службы, младший лейтенант юстиции;

б) лейтенант полиции, лейтенант внутренней службы, лейтенант юстиции;

в) старший лейтенант полиции, старший лейтенант внутренней службы, старший лейтенант юстиции;

г) капитан полиции, капитан внутренней службы, капитан юстиции;

4) *старший начальствующий состав*:

а) майор полиции, майор внутренней службы, майор юстиции;

б) подполковник полиции, подполковник внутренней службы, подполковник юстиции;

в) полковник полиции, полковник внутренней службы, полковник юстиции;

5) *высший начальствующий состав*:

а) генерал-майор полиции, генерал-майор внутренней службы, генерал-майор юстиции;

б) генерал-лейтенант полиции, генерал-лейтенант внутренней службы, генерал-лейтенант юстиции;

в) генерал-полковник полиции, генерал-полковник внутренней службы, генерал-полковник юстиции;

г) генерал полиции Российской Федерации.

**Во-вторых**, установление различных видов квалификационных разрядов для правоохранительной службы приводит к сложностям не только в оформлении правового статуса служащих государственной правоохранительной службы (приобретение форменной одежды, эмблем, знаков различия и т.п.), но и в его реализации при переходе служащих из одного правоохранительного органа в другой.

Должность правоохранительной службы всегда предполагает наделение лица, ее исполняющего, специальным званием либо классным чином, которые, в отличие от должности, не являются элементом структуры органа, а присваиваются по должности персонально. В то же время существует связь между должностью, с одной стороны, и специальным званием (классным чином) — с другой,

но связь, как отмечается в литературе, не носит абсолютного характера.

Иногда лицо, имеющее более низкое звание, но занимающее вышестоящую должность, является начальником лица, имеющего более высокое звание, но занимающего нижестоящую должность.

Кроме того, специальное звание, в отличие от должности, при соблюдении определенных условий является пожизненным, а при прекращении службы к имеющемуся званию добавляется слово «в отставке»<sup>3</sup>.

Решение данной проблемы было бы возможным посредством установления унифицированной системы квалификационных разрядов в правоохранительной службе в едином законе «О государственной правоохранительной службе».

В последнее время в России наблюдается тенденция все большего использования зарубежного опыта законодательного регулирования при формировании тех или иных правовых институтов, в том числе и государственной службы. Однако технологии, успешно реализуемые в сфере организации государственной службы других государств, не всегда эффективны в российских условиях.

Многие известные ученые-административисты высоко оценивают опыт построения государственной службы дореволюционной России и предлагают использовать именно его для построения успешно работающей системы государственной службы современной России<sup>4</sup>.

За основу построения единой системы квалификационных разрядов на государственной правоохранительной службе было бы полезным обратиться к такому известному правовому акту, как «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше статских, хотя бы и старше кто в том классе пожалован был» от 24 января 1722 г.<sup>5</sup>

Табель о рангах состоял из расписания новых чинов по 14 классам или рангам и из 19 пояснительных пунктов к этому расписанию.

Важным в данном документе является то, что он заложил систему основных требований к государственной службе, которые составили базу для формирования системы квалификационных разрядов государственных служащих того времени и актуальны и для настоящего времени<sup>6</sup>.

Приведем данные требования:

1) требование публичности института государственной службы; именно с момента принятия Табеля о рангах связывают официальное возникновение особого слоя населения — российского чиновничества и правовое оформление его статуса;

2) требование приоритета профессионализма и личной выслуги служащих заложило механизм отбора и оценки кадров, направленный на привлечение, поощрение, удержание, продвижение наиболее квалифицированных управленческих кадров;

3) требование престижа государственной службы послужило основой формирования привилегированного вида деятельности посредством законодательного определения особого социального положения служащего в обществе;

4) требование государственного денежного вознаграждения, поскольку единственным источником дохода служащего стало получаемое им от государства жалование, и, как следствие, зависимость служащего от государства<sup>7</sup>;

5) требование соответствия чинов различных видов государственной службы, которое установило строгую иерархию должностей и чинов гражданского, военного и придворного ведомств, а также закрепило принцип продвижения чиновников по служебной лестнице в зависимости от их личной выслуги.

Указанные положения могли бы стать основой для регламентации и упорядочения в едином федеральном законе системы квалификационных разрядов в правоохранительной службе, что позволило бы четко разграничить специальные

звания и классные чины, действующие в настоящее время, и определить квалификационные требования по каждому из них.

<sup>1</sup> См., напр., *Власихин В.А.* Служба обвинения в США: закон и политика. М.: Юрид. лит., 1981;

*Зоммерманн К.П., Старилов Ю.Н.* Административное судопроизводство (юстиция) в Германии: история развития и основные черты // Гос-во и право. 1999. № 7; *Конституции государств Европейского Союза* / Под общ. ред. Л.А. Окунькова. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1997;

*Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь (НРПА РБ).* 2000. № 7 2/136;

*Новые конституции стран СНГ и Балтии:* Сб. док. Вып. 2. М.: Манускрипт, 1997;

*Пантелеев В.А.* Концептуальные требования к исполнению уголовных наказаний в России и США / Правоохранительная деятельность в России и США: сравнительно-правовой анализ: Мат-лы заседания «круглого» стола. 7—8 августа 1999 г. Владимир: ВЮИ МЮ РФ, 1999;

*Романов А.К.* Правовая система Англии. М.: Дело, 2000; *Оболонский А.В.* Бюрократия для XXI века? Модели государственной службы. Россия, США, Англия, Австралия. М., 2002; и др.

<sup>2</sup> *СЗ РФ.* 2003. № 22. Ст. 2063.

<sup>3</sup> *Полицейское право.* 2006. № 2 (6). С. 18—22.

<sup>4</sup> *Бельский К.С.* О концепции реформирования государственной службы в России // Гос-во и право. 1994. № 4. 26, 31.

<sup>5</sup> *Российское законодательство X — XX вв.:* В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. Ст. 8.

<sup>6</sup> *Метушевская Т.И.* Историко-правовые проблемы // Новый ракурс. 2011. № 4—2. С. 187—206.

<sup>7</sup> *Административные реформы в России: история и современность:* Монография / Под общей ред. Р.Н. Байгузина. М., 2006. С. 81—82.



УДК 351.74  
БК 67.401

## АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Заурбек Асланбекович САИДОВ,  
ректор Чеченского государственного университета,  
кандидат экономических наук  
E-mail: saidov1@chesu.ru

Научная специальность: 12.00.14 — административное право; административный процесс

**Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы доктринального понимания регулирования современной экономики, и на основании этого формулируются приоритетные направления ее административно-правового регулирования.

**Ключевые слова:** право, экономика, регулирование, доктрина, государство.

**Annotation.** In the article the problems of a doctrinal understanding of the regulation of the modern economy on the basis of what formulates the priorities of administrative-legal regulation of economy.

**Key words:** law, economics, regulation, doctrine, government.

Рецензент — А.В. Куракин, доктор юридических наук, профессор

В России, как и в ряде государств, придерживающихся принципов демократической организации власти и верховенства права, именно право является основным регулятором общественных отношений, а также отношений индивида и государства.

Конституция РФ подтверждает эту приверженность принципу верховенства права: «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации» (п. 2 ст. 4).

Как следствие, механизм регулирования экономики, как и любой сферы жизнедеятельности человека в Российской Федерации, является правовым.

Стоит отметить, что, несмотря на двусмысленность указанной формулировки Конституции РФ, именно последняя обладает верховенством, а законодательство носит по отношению к ней подчиненный характер, что явным образом следует из судебной практики Конституционного Суда РФ.

Это, в частности, вытекает из тех обязанностей законодателя в сфере экономики, которые в соответствии с судебной практикой наложены на него самой Конституцией.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, федеральный

законодатель, осуществляя регулирование права собственности и связанных с ним отношений, должен действовать в рамках предоставленных ему Конституцией Российской Федерации дискреционных полномочий и руководствоваться требованиями ее ст. 55 (ч. 3), согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В науке выделяется так называемая «экономическая конституция»<sup>1</sup> РФ, которая представлена в первую очередь ст. 8 Конституции РФ, гарантирующей единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности.

Данное положение Конституции РФ, на наш взгляд, является лишь частью «экономической конституции», расположенной в главе, посвященной основам конституционного строя Российского государства.

Другая часть «экономической конституции» РФ закреплена в ст. 34 Конституции, которая, в

свою очередь, расположена в главе, посвященной основным правам и свободам.

Следовательно, «экономическая конституция» Российской Федерации представлена как основными принципами устройства государственной власти, так и конституционными правами и свободами граждан, что позволяет говорить об особой природе конституционных принципов экономического устройства и об ограничении вмешательства государства в деятельность экономических субъектов в связи с наделением последних правами на ее ведение и коррелятивным ограничением государства на вмешательство в их деятельность.

Как пишет Г.А. Гаджиев по данному вопросу, «государство, закрепляя в конституциях нормы о своих функциях в экономике, берет на себя новое конституционное обязательство, защищая основные экономические права, соблюдать разумную меру в применении ограничительных правовых средств»<sup>2</sup>.

Аналогичные мнения высказываются и другими авторами<sup>3</sup>.

Ограничения основных экономических прав в соответствии с Конституцией РФ (ст. 55) могут быть осуществлены только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Данный принцип ограничения основных прав и свобод является общим и применяется, конечно же, в отношении экономических конституционных прав и свобод.

Указанные принципы являются основными принципами «экономической конституции» РФ, которые, тем не менее, должны рассматриваться в неразрывной связи с другими положениями текста Основного закона.

Последние, как следствие, также можно отнести к «экономической конституции».

Г.А. Гаджиев относит к ним также ст. 7 Конституции РФ, провозглашающую социальное государство, ст. 15 Конституции РФ, касающуюся значения общепризнанных норм и принципов международного права и норм, содержащихся в международных договорах; а также другие нормы, устанавливающие конституционный экономический публичный порядок<sup>4</sup>.

Данный автор также относит к положениям Конституции, закрепляющим основы «экономической конституции»:

- право выбирать род деятельности (ст. 37);
- право свободно передвигаться (ст. 27);
- право на объединение (ст. 30);
- право иметь имущество (ст. 35);
- право на защиту от монополизма (ст. 34).

Если некоторые из данных конституционных прав можно лишь «с натяжкой» отнести к конституционным основам «экономической конституции» (например: право свободно передвигаться), то основным из списка являются, конечно же, конституционные гарантии права частной собственности, которая по вполне понятным причинам является основой свободного рынка.

Следует отметить, что при практической реализации конституционных принципов, входящих в так называемую «экономическую конституцию», довольно часто возникают проблемы и противоречия. Эти противоречия возникают как между этими принципами, так и между ними и другими конституционными принципами.

Все это требует согласования конституционных принципов, что реализуется на уровне законодательных актов, а раскрывается в судебной практике Конституционного Суда РФ. Последний не раз обращал внимание на противоречия между конституционными правами, свободами и принципами и на необходимость разрешения данных противоречий.

Например, одним из таких примеров может служить столкновение свободы предпринимательской деятельности и защиты конкуренции.

Конституционный Суд РФ, в частности, отмечает, что «для проведения государственной политики по содействию развитию товарных рынков и конкуренции, предупреждению, ограничению и пресечению монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции федеральным законодателем в целях защиты прав и свобод граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью (хозяйствующих субъектов)», могут быть приняты соответствующие федеральные законы, ограничивающие свободу предпринимательской деятельности.

Другим примером является противопоставление свободы предпринимательства и прав потребителей.

В отношении этого Конституционный Суд РФ отметил, что «положения статьи 18 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» направлены на защиту прав потребителей в случае продажи им товара ненадлежащего качества и не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявителя».

И наконец, необходимость согласования противоречивых интересов, защищенных конституционными нормами, была отмечена и в решении Конституционного Суда РФ, где было выявлено противоречие между свободой распоряжения собственностью (в данном случае муниципальной) и необходимостью защиты интересов малого и среднего предпринимательства.

Таким образом, при практической реализации принципов «экономической конституции» происходят конфликты — и между ними, и между ними и другими конституционными правами, свободами и принципами.

Конституционный Суд РФ регулярно обращал внимание на необходимость их «примирения» в рамках процесса их конкретизации на уровне законодательных актов. В итоге, если базу конституционно-правовых основ механизма административно-правового регулирования экономики составляют те конституционные нормы, которые в науке принято относить к «экономической конституции», то в регулировании эконо-

номики участвуют практически все положения Основного закона.

<sup>1</sup> Гаджиев Г.А. Экономическая конституция. Конституционные гарантии предпринимательской (экономической) деятельности // Ж-л зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 1. С. 4.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Буданова А.С. Место предпринимательской свободы в конституционной модели экономики // Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. Вып. 1. Ч. 1. С. 117.

<sup>4</sup> Гаджиев Г.А. Экономическая конституция // Конституционный вестник. № 1 (19). 2008. С. 250.

### Библиографический список

1. Буданова А.С. Место предпринимательской свободы в конституционной модели экономики // Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. Вып. 1. Ч. 1.
2. Гаджиев Г.А. Экономическая конституция. Конституционные гарантии предпринимательской (экономической) деятельности // Ж-л зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 1.
3. Гаджиев Г.А. Экономическая конституция // Конституционный вестник. № 1 (19). 2008.

УДК 352(47 + 57)  
ББК 67.400.7 (2Рос)

## МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ПОЛИЦИЕЙ РОССИИ

Батор Цыдендамбаевич ЖАЛСАНОВ,  
доцент кафедры административного права  
Московского университета  
МВД России имени В.Я. Кикотя,  
кандидат юридических наук  
E-mail: Zhalsanov@mail.ru

Научная специальность: 12.00.14 — административное право; административный процесс

**Аннотация.** Практика применения специальных средств показывает несовершенство правового регулирования в данной области, недостаточный контроль над соблюдением законодательства о применении специальных средств, слабое техническое обеспечение применения названных средств полицией.

**Ключевые слова:** принципы международного права, российское законодательство, специальные средства, полиция России, должностные лица.

**Annotation.** Practice of application of special means shows imperfection of legal regulation in the field, insufficient control over compliance with the law about application of special means, weak technical ensuring application of these means by police.

**Key words:** principles of international law, Russian legislation, special means, police of Russia, officials.

В соответствии со ст. 15 Конституции Российской Федерации «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»<sup>1</sup>.

Основным международным правовым актом, регулирующим применение специальных средств, являются «Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка»<sup>2</sup>, принятые в 1990 г. Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Этот документ разработан с целью оказания помощи государствам — членам ООН в осуществлении их задач по обеспечению и содействию выполнению соответствующей роли должностными лицами по поддержанию правопорядка.

В преамбуле рассматриваемого международного документа указано, что:

*во-первых*, работа должностных лиц по поддержанию правопорядка имеет существенную социальную важность;

*во-вторых*, угроза жизни и безопасности должностных лиц по поддержанию правопорядка дол-

жна рассматриваться как угроза стабильности общества в целом;

*в-третьих*, должностные лица по поддержанию правопорядка играют исключительно важную роль в защите права человека на жизнь, свободу и безопасность;

*в-четвертых*, должностные лица по поддержанию правопорядка могут применять силу только в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей.

В то же время вышеуказанный международный документ не содержит нормативного определения понятия «специальные средства» и классификации таких средств. В связи с этим государства — члены ООН восполняют данный пробел в своих национальных законодательствах.

Следует отметить, что «Основные принципы» содержат Общие и Специальные положения, которые должны быть приняты во внимание правительствами государств — членов ООН, соблюдены в рамках своего национального законодательства и доведены до сведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, а также других лиц, таких, как судьи, работники прокуратуры, юристы, работники исполнительной власти и законодательной власти и населения в целом.

Согласно рекомендациям (принцип 2), закрепленным в Общем положении, государства долж-

ны разрабатывать как можно более широкий арсенал специальных средств, огнестрельного оружия и боеприпасов, позволяющих дифференцированно применять силу и огнестрельное оружие. В целом данные рекомендации основываются на принципе разработок, не приводящих к смерти, но нейтрализующих видов оружия, применяемых в надлежащих ситуациях, в целях большего сужения сферы использования средств, способных убить или ранить. В тех же целях необходимо также иметь возможность оснащения должностных лиц по поддержанию правопорядка для их самозащиты таким снаряжением, как щиты, каски, пуленепробиваемые транспортные средства для уменьшения необходимости использования любого рода оружия.

Кроме того, настоятельно рекомендуется предусмотреть в национальных законах вопрос о разработке и использовании не приводящих к смерти, но нейтрализующих видов оружия, чтобы свести к минимуму риск нанесения ущерба посторонним лицам и осуществлять строгий контроль в отношении использования такого оружия.

В соответствии с принципом 4 должностные лица по поддержанию правопорядка при осуществлении своих функций, насколько это возможно, используют ненасильственные средства до вынужденного применения силы или огнестрельного оружия. Они могут применять силу и огнестрельное оружие только в тех случаях, когда другие средства являются неэффективными или не дают каких-либо надежд на достижение намеченного результата.

Согласно принципу 5 во всех случаях, когда применение силы или огнестрельного оружия неизбежно, должностные лица по поддержанию правопорядка: проявляют сдержанность в таком применении силы, действуют исходя из серьезности правонарушения и той законной цели, которая должна быть достигнута; сводят к минимуму возможность причинения ущерба нанесения ранений и охраняют человеческую жизнь; обеспечивают предоставление медицинской и другой помощи любому раненому или пострадавшему лицу в самые кратчайшие сроки; обеспечивают уведомление в возможно короткий срок родственников или близких раненых или пострадавших.

Принцип 6 гласит, что если применение должностными лицами по поддержанию правопорядка силы или огнестрельного оружия приводит к ранению или смерти, они немедленно сообщают об этом вышестоящему начальству, а принцип 22 устанавливает содержание публичных процедур представления и разбора рапортов.

На фоне недавних событий в Украине, связанных с провоцированием массовых беспорядков, где в ходе пресечения незаконных действий были убиты и ранены, весьма актуальным представ-

ляется принцип 8, согласно которому чрезвычайные обстоятельства, в том числе и внутренняя политическая нестабильность, «не могут служить оправданием для любого отхода от настоящих Основных принципов».

В то же время не следует «медлить» с применением такой силы, поскольку это провоцирует больший рост массовых беспорядков. Анализ произошедшего события показывает, что запоздалое решение о применении специальных средств привело к массовому росту неповиновения сотрудникам правоохранительных органов.

Не менее актуален принцип 7, в соответствии с которым произвольное или злонамеренное применение силы или огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка карается в соответствии с внутренним законодательством как уголовное преступление.

Таким образом, «Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка» являются основополагающим международным стандартом, источником права для государств — членов ООН, значительно повышая авторитет международной организации.

Функцией международных стандартов является определение перечня положений, обязательных для всех государств-участников; формулирование главных черт содержания каждого из этих положений, которые должны получить воплощение в соответствующих конституционных и иных нормативных положениях; установление обязательств государств по признанию и обеспечению провозглашаемых положений и введение на международном уровне самых необходимых гарантий, обуславливающих их реальность.

Вместе с тем в Российской Федерации проблема заключается именно в реализации вышеуказанных положений, т.е. сегодня оснащение правоохранительных органов современными специальными средствами, новейшими разработками оружия не летального воздействия недостаточное.

Наличие качественного современного арсенала специальных средств у полиции России позволило бы эффективно выполнять возложенные на нее функции и своевременно решать поставленные задачи, что полностью отвечало бы обязательствам, принятым Российской Федерацией перед мировым сообществом как государством — членом ООН.

<sup>1</sup> Конституция Российской Федерации. 1993 г. // <https://www.consultant.ru/popular/cons/>

<sup>2</sup> Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка: Приняты Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Гавана, 27 августа — 7 сентября 1990 г.

УДК 340.131.6  
ББК 67

## ОСПАРИВАНИЕ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

### I. Предмет доказывания

Виктор Сергеевич ВАСИН,  
судья третейского суда при ТПП Иркутской области  
E-mail: trustme642@gmail.com

Научные специальности: 12.00.14 — административное право; административный процесс;  
12.00.15 — гражданский процесс; арбитражный процесс

**Аннотация.** В статье рассмотрены различные подходы к определению предмета доказывания по делам об оспаривании нормативных правовых актов, выявлены причины их расхождения.

**Ключевые слова:** арбитражный процесс, нормативные правовые акты.

**Annotation.** The article deals with different approaches to the definition of the subject of proof for challenging the regulations the reasons for their disagreement being revealed.

**Key words:** arbitration process, normative legal acts.

Рецензент — А.Р. Белкин, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Эффективность всего процесса доказывания во многом определяется еще на ранней стадии — в ходе установления его предмета. В современной правовой литературе содержится много мнений относительно предмета доказывания. В общем виде можно сказать, что он представляет собой обстоятельства или значимые юридические факты, которые необходимо установить в целях дальнейшего правильного разрешения дела по существу.

С точки зрения М.К. Треушникова, в качестве предмета доказывания по рассматриваемым судом делам следует понимать совокупность юридических обстоятельств, представляющих собой основания самого иска, а также и возражений против него, на которые указывают нормы материального права, подлежащие использованию и применению<sup>1</sup>.

Подобной точки зрения придерживаются и многие другие авторы<sup>2</sup>.

По мнению С.В. Курылева, предмет доказывания представляет собой любые факты, которые имеют значимость для дела и подлежат определению на основании применения соответствующих норм материального права. При этом

возражения и непосредственные требования сторон процесса не обладают определяющим значением<sup>3</sup>.

Тем не менее не во всех случаях предмет доказывания должен и может быть четко определен заявителем либо ответчиком. Утверждения сторон процесса не влияют прямым образом на формирование данного предмета, но дают возможность суду выявить и установить нормы, которые относятся к рассматриваемому им делу, а также факты, которые подлежат определению судом.

Подобный вывод можно сделать из указаний законодателя, приведенных в ст. 65 АПК (ч. 2), где четко прописано, что арбитражный суд имеет обязанность по установлению совокупности юридически значимых фактов, выступающих в качестве предмета по разбираемому им делу. Указанное во многом обусловлено тем, что лица, которые участвуют в деле, далеко не во всех случаях могут самостоятельно и правильно определить этот предмет<sup>4</sup>.

По мнению Я.Х. Бекова, установление предмета доказывания представляет собой один из результатов подготовки дела к рассмотрению в суде.

Отсутствие данного результата, на взгляд данного автора, приводит нередко к отложению судебного разбирательства и, как следствие, ведет к нарушению сроков рассмотрения соответствующих дел. Формирование предмета доказывания по делу является весьма важным и прямым образом взаимосвязано с задачей по представлению доказательств в суде. С целью же представления доказательств по делу стороны процесса должны как можно более четко осознавать, что именно им предстоит доказать, какие обстоятельства необходимо подтвердить для обоснования своих требований и возражений<sup>5</sup>.

Тем не менее правильное определение предмета доказывания не во всех случаях взаимосвязано только с рассмотрением того или иного дела по существу. Предмет доказывания может иметь основную по значимости роль также при разрешении некоторых отдельных вопросов процессуальной направленности (например, связанных с установлением оснований к приостановлению производства по разбираемому судом делу и др.).

Однако проведенное нами исследование научно-правовой литературы и судебной практики по делам об оспаривании нормативных правовых актов показало, что вопросы правильного установления судом предмета доказывания сопряжены с многочисленными трудностями, обусловленными, прежде всего, пробелами законодательного регулирования, что ставит нередко в логический тупик как многочисленных правоприменителей, так и ученых-юристов.

Прежде всего, отметим, что производство по делам об оспаривании нормативных правовых актов (далее — НПА) по своей правовой природе приближено к исковому производству, несмотря на то, что в полной мере не совпадает с таковым. Например, в ч. 1 ст. 191 АПК РФ приводятся следующие указания по этому поводу:

«Дела об оспаривании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти в сфере патентных прав и прав на селекционные достижения, права на топологии интегральных микросхем, права на секреты производства (ноу-хау), права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, права использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии... рассматриваются Судом по интеллектуальным правам *по общим правилам искового производства, предусмотренным настоящим Кодексом, с особенностями, установленными в настоящей главе*».

В современной правовой литературе на сегодняшний день преобладает мнение, согласно которому предмет доказывания прямым образом взаимосвязан с основанием самого иска, а также и возражениями против него<sup>6</sup>. Однако вопросы о предмете доказывания по делам об оспаривании НПА представляются весьма спорными и неоднозначными, что можно объяснить отсутствием четких критериев качества самих нормативных правовых актов.

В научной правовой мысли существует точка зрения, согласно которой по делам данной группы суд не устанавливает фактических обстоятельств, т.е. не устанавливается комплекс юридических фактов, которые необходимы для применения той или иной правовой нормы. Судебная функция сводится лишь к изучению умозаключений и логических доводов сторон арбитражного процесса относительно свойств и характеристик НПА, обязанностей и полномочий издавшего его органа, соответствия закрепленных в рамках нормативного правового акта положений Конституции РФ и иному федеральному законодательству, обладающему более высокой (по сравнению с оспариваемым НПА) юридической силой. Именно таким образом, по мнению Л.В. Тумановой, суд и реализует свою правовую оценку соответствующей нормативно-правовой базы<sup>7</sup>.

М.К. Треушников высказался еще критичнее, указав, что по делам рассматриваемой группы процессуального доказывания не существует вообще.

С этим согласился В.А. Федоров, полагающий, что непосредственно в предмет доказывания по делам исследуемой категории не входят вопросы, касающиеся юридических фактов как таковых.

В то же время перечисленные категории (свойства НПА, обязанности и полномочия издавшего его органа, соответствие его положений нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу) без каких-либо дополнительных объяснений М.К. Треушников полагает «юридическими фактами, входящими в предмет доказывания по делу»<sup>8</sup>.

Наша позиция заключается в том, что по делам об оспаривании НПА доказывание существует, а юридические факты, входящие в предмет доказывания по соответствующим делам, могут и должны устанавливаться, и в этом нет никакого сомнения.

И действительно, из текста ст. 30 АПК РФ следует, что в арбитражном процессуальном за-

конодательстве под данными фактами понимаются *обстоятельства, имеющие юридическое значение для возникновения, изменения и прекращения прав организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности*.

К такому же выводу можно прийти из анализа положений, приведенных в ст. 218 АПК РФ; из текста п. 4 ч. 2 данной статьи следует, что под фактами, имеющими юридическое значение, законодатель предлагает рассматривать обстоятельства, порождающие юридические последствия в сфере предпринимательской и иной деятельности экономического характера. В таком случае очевидно, что принятие, издание, обнародование НПА уполномоченными на то органами есть не что иное, как юридические факты. Данные действия порождают юридические последствия для неопределенного круга лиц, чья сфера деятельности может подпадать под регулирование норм, изложенных в спорных НПА.

Полномочия данных органов также можно считать фактами юридического характера, их компетенции должны подтверждаться установленным регламентом, должностными инструкциями и т.д.

Сама регистрация (учреждение нормотворческого органа) — сложная законодательно установленная процедура, и факт такой регистрации (учреждения) правильно считать юридическим.

Если же говорить об общей возможности доказывания по делам об оспаривании НПА в Суде по интеллектуальным правам, то, помимо вышеуказанных доводов, она также находит подтверждение в формулировке законодателя, использованной им в ч. 6 ст. 194 АПК РФ.

Действительно, регламентируя общие правила судебного разбирательства по делам об оспаривании НПА, в данной норме законодатель употребляет словосочетание «обязанность доказывания», что, на наш взгляд, является безусловным подтверждением его позиции относительно не только самой возможности, но и обязательности данного процесса по делам рассматриваемой группы.

Проанализированная нами судебная практика также подтверждает, что по делам об оспаривании НПА, несмотря на имеющуюся специфику, может и реализуется доказывание с применением различных его средств, в числе которых: объяснения лиц, участвующих в деле; свидетельские показания; письменные документы и др.

Итак, безосновательность точки зрения авторов, полагающих, что доказывания по делам об

оспаривании НПА не существует, нам представляется очевидной. Несостоятельно и мнение о том, что в предмет доказывания по делам данной группы не входят факты, имеющие юридическое значение.

Возможность и обязательность доказывания по делам рассматриваемой группы подчеркивают и другие авторы.

Так, Ю.А. Попова полагает, что предмет доказывания является не чем иным, как правовыми фактами<sup>9</sup>.

М.С. Носенко подчеркивает, что при оспаривании НПА происходит доказывание фактов, которые имеют важную значимость для всего дела, с которыми законом связывается действительность того или иного НПА как такового<sup>10</sup>.

Есть разногласия и по поводу того, *какие именно юридические факты правильно включать в предмет доказывания по соответствующим делам*.

В.А. Кирсанов к таковым относит наличие / отсутствие противоправности оспариваемого акта, а также нарушения свобод и законных прав граждан и организаций<sup>11</sup>.

В то же время Д. Гордеюк полагает, что предмет доказывания по данным делам представляет собой совокупность обстоятельств, указывающих на наличие противоречий в спорном НПА текстам федеральных законов, устанавливаемых судом в конкретных случаях и обстоятельствах<sup>12</sup>, сужая перечень возможных обстоятельств (фактов), которые могут входить в предмет доказывания.

Несколько шире предмет доказывания рассматривается в работе И.В. Решетниковой, включающей в него принятие должностным лицом, органом местного самоуправления или государственной власти нормативного правового акта; права и полномочия должностного лица, органа местного самоуправления или органа государственной власти на принятие этого документа; нарушение либо возможность нарушения в будущем положениями оспариваемого нормативного правового акта или части такового прав и охраняемых отечественным законодательством интересов заявителя; доказательственную базу, подтверждающую вышеуказанные обстоятельства<sup>13</sup>.

Похожий перечень элементов приведен в исследовании О.А. Ереминой, упоминающей нарушение положениями спорного НПА законных интересов и прав заявителей; нормативный характер спорного акта; соблюдение порядка и



правил его принятия; полномочия органа или должностного лица, его представляющего, на принятие данного документа; соответствие спорного НПА федеральному конституционному закону, федеральному законодательству или другим НПА, обладающим большей юридической силой<sup>14</sup>.

В отличие от других авторов И.В. Решетникова и О.А. Еремина предлагают включать также факт нарушения положениями спорного НПА законных интересов и прав заявителя. Однако далеко не все юристы с этим согласны.

С.В. Никитин, признавая правомерность доказывания по делам об оспаривании НПА, высказывает несогласие с возможностью рассмотрения в качестве предмета доказывания юридического факта, заключающегося в нарушении оспариваемым НПА прав и свобод граждан и организаций, указывая, что реализация судебной оценки законности НПА не связана прямым образом с проверкой фактов нарушения прав и свобод граждан и организаций, которые вызваны действием этого акта. Например, не во всех случаях отсутствие нарушения будет свидетельствовать о законности оспариваемого НПА, и наоборот<sup>15</sup>.

Итак, юридические факты, которые должны входить в предмет доказывания по делам об оспаривании НПА, рассматриваются различными учеными неоднозначно.

Часть авторов предлагают более узкий их перечень, другие обосновывают мнение о целесообразности более широкого понимания составляющих элементов данного предмета.

Мы убеждены, что спорность и неоднородность понимания поднятых здесь вопросов возникла неспроста и обусловлена вполне конкретными причинами.

По нашему мнению, это вызвано, прежде всего, пробелами и грубыми противоречиями, содержащимися по данным вопросам в самом арбитражном процессуальном законодательстве, и в частности в гл. 23 АПК РФ.

Указанное обстоятельство не позволяет ученым прийти к единому выводу относительно юридических фактов, которые следует относить к предмету доказывания по делам рассматриваемой группы.

<sup>1</sup> Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2005. С. 15—16.

<sup>2</sup> См.: Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. М.—Л., 1950. С. 34—37;

Юдельсон К.С. Проблемы доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951. С. 149—155;

Амосов С. Предмет доказывания в арбитражном процессе // Хозяйство и право. 1997. № 9. С. 14—21; и др.

<sup>3</sup> Курyleв С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С. 36—43.

<sup>4</sup> Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. М.С. Шакарян. М.: Велби; Проспект, 2003. С. 164—167.

<sup>5</sup> Беков Я.Х. Подготовка дела к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве: Монография. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 69—71.

<sup>6</sup> Подроб. об этом см., напр., Адарченко С.А. К вопросу о влиянии материального (регулятивного) права на доказательства и доказывание в арбитражном процессе по делам о признании права собственности на объекты недвижимого имущества // Рос. судья. 2014. № 2. С. 45—47;

Рыжаков А.П. Постатейный комментарий к АПК РФ. 10-е изд., испр. и доп. // СПС «Консультант Плюс». 2015; и др.

<sup>7</sup> Туманова Л.В. Рассмотрение судами дел, возникающих из публично-правовых отношений. Тверь, 1998. С. 77—83.

<sup>8</sup> См.: Треушников М.К. Указ. соч. С. 57—58;

Федоров В.А. Проблемы доказывания в арбитражном судопроизводстве. М., 2014. С. 97—112.

<sup>9</sup> Попова Ю.А. Защита публично-правовых интересов граждан в судах общей юрисдикции. Краснодар, 2001. С. 53—57.

<sup>10</sup> Носенко М.С. Оспаривание нормативных правовых актов в судах общей юрисдикции: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 122—129.

<sup>11</sup> Кирсанов В.А. Теоретические проблемы судопроизводства по оспариванию нормативных правовых актов: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 161—167.

<sup>12</sup> Гордеюк Д. Дела о признании законов субъектов противоречащими федеральному закону // Рос. юстиция. 2001. № 2. С. 45—48.

<sup>13</sup> Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / Под ред. И.В. Решетниковой. М.: Норма, 2005. С. 79—94.

<sup>14</sup> Еремина О.А. Особенности рассмотрения арбитражными судами дел об оспаривании нормативных правовых актов // Администратор суда. 2008. № 1. С. 26—31.

<sup>15</sup> Подроб. об этом см.: Никитин С.В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе: Монография. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 118—125;

Никитин С.В. Косвенный судебный нормоконтроль: понятие и проблемы реализации // Ж-л рос. права. 2014. № 1. С. 88—101;

Никитин С.В. Основания судебного оспаривания нормативных правовых актов // Рос. юстиция. 2009. № 9. С. 48—54; и др.

УДК 351.81  
ББК 67.99(2)116.1

## НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Игорь Юрьевич ХАРЫБИН,  
адъюнкт кафедры административного права и административной  
деятельности ОВД Орловского юридического  
института МВД России имени В.В. Лукьянова  
E-mail: besser57rus@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.14 — административное право; административный процесс

**Аннотация.** Представленная статья раскрывает некоторые особенности организационного обеспечения агитационно-пропагандистской деятельности в области обеспечения безопасности дорожного движения. В работе раскрываются подходы автора по вопросам организации агитационно-пропагандистской деятельности в области безопасности дорожного движения.

**Ключевые слова:** агитационно-пропагандистская деятельность, обеспечение безопасности дорожного движения, средства массовой информации, государственная инспекция безопасности дорожного движения.

**Annotation.** The presented article opens some features of organizational support of agitation and propaganda activity in the field of traffic safety. In work approaches of the author concerning the organization of agitation and propaganda activity in the field of traffic safety reveal.

**Key words:** agitation and propaganda activity, safety of traffic, mass media, state inspection for road traffic safety.

Рецензент — В.С. Болотин, доцент кафедры административного и финансового права Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент

Вопросы пропаганды безопасности дорожного движения (далее — БДД) на федеральном уровне регулируются исключительно ведомственными нормативными правовыми актами. При этом перечень субъектов пропаганды БДД, определенный в Наставлении об организации работы ГИБДД по пропаганде БДД<sup>1</sup> (средства массовой информации, автотранспортные предприятия, общественные объединения, деятельность которых связана с дорожным движением, дошкольные и иные образовательные учреждения), не является исчерпывающим.

Одним из важнейших средств передачи информации, обеспечивающей процесс взаимодействия человека и общества в реализации важнейших проектов жизнедеятельности, являются

средства массовой информации (коммуникации) как системы учреждений, реализующих процесс публичного распространения идей, учений, теорий, общественно значимой информации и воспитывающих социальные чувства, формирующие привычки, определяющие побуждения и намерения.

В полной мере данное воздействие проявляется и по отношению к сотрудникам института органов внутренних дел, призванным для реализации задач информационно-пропагандистского обеспечения деятельности органов внутренних дел совершенствовать и укреплять взаимодействие со средствами массовой информации, способствовать формированию положительного образа сотрудника.

Каждое из этих средств информации обладает своими особенностями в области производства и подачи сведений.

Освещение в средствах массовой информации деятельности органов внутренних дел не только способствует правовому воспитанию граждан, расширению информированности населения о состоянии и тенденциях борьбы с преступностью, проблемах и просчетах в этой работе, но и помогает в решении таких задач, как:

- содействие профилактике, предупреждению правонарушений;
- формирование в обществе нетерпимого отношения к преступлениям, нарушениям закона и лицам, виновным в этом;
- оказание помощи органам внутренних дел в решении стоящих перед ними задач;
- разъяснение гражданам мер, принимаемых органами охраны правопорядка по борьбе с преступностью;
- формирование позитивного общественного мнения о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации, повышение престижа и авторитета органов внутренних дел в глазах населения.

В частности, нами в 2014 г. в городе Москве и Орловской области было проведено анкетирование среди сотрудников ОВД различных подразделений (педагогических подразделений, инспекторов ДПС, дознавателей, участковых и сотрудников кадровых подразделений). Всего в опросе участвовало 457 человек. Вопросы касались эффективности проведения агитационной и пропагандистской деятельности органов внутренних дел в сфере безопасности дорожного движения.

По результатам данного анкетирования сделан ряд выводов в сфере эффективной работы по агитации и пропаганде безопасности дорожного движения.

Так, из числа опрошенных сотрудников органов внутренних дел 98% считают важной проблему, связанную с необходимостью совершенствования информационно-пропагандистской деятельности.

На вопрос о готовности участвовать (в рабочее время) в информационных программах, направленных на развитие безопасности на дорогах, 78% респондентов ответили утвердительно.

Подавляющее большинство согласно с необходимостью соблюдения сотрудниками Правил дорожного движения как фактору личного примера для иных участников дорожного движения.

По вопросу наиболее эффективной формы агитационно-пропагандистской деятельности в

сфере безопасности дорожного движения ответы распределились следующим образом:

- плакаты на дорогах — 16%;
- агитация на официальных сайтах ГИБДД — 11%;
- работа общественных организаций, сотрудничающих с ГИБДД по линии безопасности дорожного движения, — 31%;
- социальная реклама по телевидению — 1%;
- социальная реклама по радио — 4%;
- организация проведения автомототелопробегов, конкурсов, выставок и других массовых мероприятий — 24%;
- проведение научных конференций и методических семинаров по безопасности дорожного движения — 2%;
- иной вариант — 1%.

Из данного опроса можно сделать следующий вывод.

Наиболее эффективным средством, с точки зрения сотрудников различных подразделений органов внутренних дел, является работа общественных организаций, сотрудничающих с ГИБДД по линии безопасности дорожного движения. Однако, исходя из того, что в той или иной мере были выбраны все предложенные в анкете варианты, для наибольшего результата необходимо комплексно использовать весь перечень форм пропагандистской и агитационной работы, имеющийся в арсенале государства.

Таким образом, необходимо отметить, что пропаганда БДД — совместная задача всей системы публичного управления государством, особенно на региональном и местном уровнях.

В информационно-пропагандистскую деятельность — основную движущую силу осознания каждым членом общества серьезности проблемы БДД — вовлечен широкий круг участников.

<sup>1</sup> Приказ МВД России от 02.12.2003 г. № 930 «Об организации работы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения» (вместе с «Наставлением по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде дорожного движения» // СПС «Консультант Плюс»: <http://www.consultant.ru>

УДК 342.924  
ББК 67

## НАРУШЕНИЕ СРОКОВ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ПРАКТИКЕ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ

### Часть III<sup>1</sup>

Юлия Сергеевна ПОКЛАД, соискатель  
E-mail: trustme642@gmail.com

Научные специальности: 12.00.14 — административное право; административный процесс;  
12.00.15 — гражданский процесс; арбитражный процесс

**Аннотация.** Заключительная часть исследования предлагает конкретные рекомендации по совершенствованию арбитражного и административного процессуального законодательства, призванные устранить затягивание рассмотрения дел, связанное с нечетко определенными сроками и злоупотреблением правом подачи ходатайств и заявлений.

**Ключевые слова:** арбитражный процесс, административные правонарушения.

**Annotation.** The final part of the study offers concrete recommendations for improvement of arbitration and administrative procedural law designed to eliminate the delay of cases associated with unclearly defined deadlines and abuse of right to submit petitions and applications.

**Key words:** arbitration proceedings, administrative offense.

Рецензент — А.Р. Белкин, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

В первых частях нашего исследования мы вскрыли причины затягивания процессов по административным делам в арбитражных судах, связанные с обязанностью суда извещать, уведомлять, отправлять документацию и копии таковой по различным поводам и ситуациям и возможностью любого лица, участвующего в деле, подавать по различным мотивам и поводам неограниченное количество самых разнообразных *ходатайств*.

Сравнивая указания, данные в АПК РФ относительно ходатайств, с нормой, регулирующей близкие (пересекающиеся) в рамках КоАП РФ вопросы, в частности ст. 24.4 («Ходатайства»), можно прийти к дополнительным выводам и

умозаключениям. Прежде всего, обращает на себя внимание более общая формулировка вопросов, регламентирующих правоотношения, связанные с ходатайствами. Статья 24.4 КоАП РФ выглядит следующим образом:

1. Лица, участвующие в производстве по делу об административном правонарушении, имеют право заявлять ходатайства, подлежащие обязательному рассмотрению судьей, органом, должностным лицом, в производстве которых находится данное дело.

2. Ходатайство заявляется в письменной форме и подлежит немедленному рассмотрению. Решение об отказе в удовлетворении ходатайства выносится судьей, органом, должностным ли-

<sup>1</sup> Часть I данной статьи см.: *Закон и право*. 2015. № 7. С. 170—172.

Часть 2 см.: *Закон и право*. 2015. № 8. С. 144—147.

цом, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, в виде определения.

Как видно из данной формулировки, здесь не содержится какого-либо определения ходатайства (впрочем, как и в АПК РФ). Кроме того, и здесь не прописаны какие-либо требования к ходатайству (помимо указания, что оно должно быть представлено в письменной форме). Однако в данной статье, в отличие от АПК РФ, не говорится и про какие-либо заявления.

Можно констатировать, что требований к процессуальному поведению, каких-либо условий и ограничений в подаче ходатайства заинтересованным на то лицом в данной статье КоАП РФ, как и в АПК РФ, не предусмотрено. Здесь просто регламентируется право подавать некое ходатайство (без определения такового) любым лицом, участвующим в производстве по делу об административном правонарушении.

При этом процессуально допустимое поведение судьи в данном случае также обозначено крайне не четко. Из текста указанной нормы следует лишь то, что некое ходатайство, будучи заявленным, *подлежит немедленному рассмотрению*. А также указано, кто может вынести решение об отказе в удовлетворении ходатайства (кроме органа, должностного лица, называется и судья).

Относительно арбитражного процесса буквально это означает, что любое лицо, участвующее в производстве по делу об административном правонарушении, может заявлять ходатайства (или не заявлять таковых). Судья же арбитражного суда обязательно должен рассмотреть эти ходатайства, причем — немедленно. При этом судья может вынести решение как об удовлетворении, так и об отказе в удовлетворении каждого конкретного ходатайства.

Однако еще раз повторим: в рассматриваемых законодательных нормах не содержится четких пояснений и регламентации случаев, когда правильным будет вынесение того или иного решения судьей.

Остается не совсем понятным вопрос о том, что именно подразумевал законодатель, указав в ст. 24.4 КоАП РФ требование о немедленном рассмотрении ходатайства. Обращает на себя внимание отсутствие в этой формулировке каких-либо временных границ, которыми бы очерчивалось понятие *немедленно*. Очевидно, что судья,

даже получив какое-либо ходатайство, должен освободиться от каких-либо дел, совершаемых им в тот или иной текущий момент, прежде чем перейти к внимательному рассмотрению данного ходатайства, изучению и анализу такового, что тоже, разумеется, потребует некоего времени.

Кроме того, непонятно, с какого именно момента законодатель требует *немедленно перейти к рассмотрению ходатайства*: с момента, когда данное ходатайство составлено либо передано, например через секретаря, в суд; с момента получения его самим судьей; с даты и времени прихода такого ходатайства на соответствующий электронный адрес в сети Интернет и т.п.

Таким образом, требование *немедленности* рассмотрения ходатайства оказывается субъективным и неточным, а, кроме того, сформулированным в отрыве от объективной реальности. Даже получив ходатайство на руки или в электронном виде (что предусмотрено ст. 159 АПК РФ), судья, вероятнее всего, будет занят в этот момент какими-либо иными делами, поэтому вероятность того, что он в ту же секунду сможет приступить к рассмотрению соответствующего документа, очень мала.

На наш взгляд, изученные нормы КоАП РФ и АПК РФ нуждаются в существенной редакции. *При этом мы рекомендуем:*

- Дополнить АПК РФ и КоАП РФ определениями термина «ходатайства». Данные определения можно выделить либо отдельными статьями соответствующих кодексов, либо внести их в виде дополнений к ст. 159 АПК РФ и ст. 24.4 КоАП РФ. При формулировке определений необходимо учесть специфику ходатайств в рамках арбитражного процесса и по делам об административных правонарушениях (в рамках АПК РФ и КоАП РФ — соответственно).
- Ввести в арбитражное процессуальное законодательство полный перечень конкретных требований, на основании которых судья должен принимать решение об удовлетворении ходатайств, либо, напротив, об отказе в удовлетворении таковых. В числе прочего дополнить ч. 5 ст. 159 АПК РФ конкретными указаниями случаев (призна-

ков), свидетельствующих о высокой вероятности умышленной подачи заинтересованным лицом ходатайства с целью затягивания арбитражного процесса, воспрепятствования правосудию и установлению объективной истины в суде.

- Отказаться от использования в ч. 2 ст. 24.4 КоАП РФ указания на *немедленность* рассмотрения ходатайств в связи с субъективностью данного выражения, а во многих случаях — нереальностью его выполнения судьями, соответствующими органами и должностными лицами. При этом рекомендуется заменить соответствующее выражение на указание реального и конкретного срока, когда эти лица, органы и судьи должны приступить к рассмотрению поступивших к ним ходатайств (например, в течение одного рабочего дня после поступления ходатайства и т.п.).
- Привести ст. 159 АПК РФ к логическому соответствию в плане единообразия и четкости с иной (помимо уже отмеченной выше) терминологией. В частности, отказаться от использования в частях 1, 2 и 5 ст. 159 слова *заявлений* (которое в ныне действующей редакции анализируемой статьи используются вместе со словом *ходатайства*) либо дать определение и этому термину, из которого стала бы понятной смысловая разница, которую законодатель имеет в виду, используя одновременно и *заявления*, и *ходатайства*.
- Разработать и закрепить на федеральном законодательном уровне или хотя бы в виде методических рекомендаций конкретную форму ходатайства в рамках арбитражного судопроизводства, в том числе и при рассмотрении арбитражными судами дел об административных правонарушениях.

Таким образом, мы выявили и проанализировали причины и факторы, приводящие на практике к затягиванию рассматриваемых арбитражными судами дел об административных правонарушениях.

Однако заметим, что современное арбитражное процессуальное законодательство предусматривает не только косвенными, но и прямыми указаниями случаи, когда судебное разбирательство может быть отложено, что считается в нем допустимым.

Например, в ч. 4 ст. 136 АПК РФ регламентировано, что *суд по ходатайству лиц, участвующих в деле, вправе объявить перерыв в предварительном судебном заседании на срок не более пяти дней для представления ими дополнительных доказательств*.

Кроме того, в ч. 1 ст. 157 АПК РФ указано, что *при неявке в судебное заседание экспертов, свидетелей, переводчиков, надлежащим образом извещенных о времени и месте судебного заседания, арбитражный суд выносит определение об отложении судебного разбирательства, если стороны не заявили ходатайство о рассмотрении дела в отсутствие указанных лиц*.

В части 2 ст. 205 АПК РФ мы встречаем указание на то, что *арбитражный суд может продлить срок рассмотрения дела о привлечении к административной ответственности не более чем на месяц по ходатайству лиц, участвующих в деле, или в случае необходимости в дополнительном выяснении обстоятельств дела. О продлении срока рассмотрения дела арбитражный суд выносит определение*.

Помимо отмеченных причин, еще одним фактором, который в ряде случаев приводит к различным проблемам, препятствующим оперативному и быстрому правосудию по делам об административных правонарушениях в рамках арбитражного производства, является следующее обстоятельство.

В части 3 ст. 30.1 КоАП РФ регламентировано, что *постановление по делу об административном правонарушении, совершенном юридическим лицом или лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, обжалуется в арбитражный суд в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством*.

В самом же арбитражном законодательстве предусмотрено:

- оспаривание решений (по терминологии КоАП РФ — обжалование постановлений) административных органов о привлечении

к административной ответственности в арбитражный суд первой инстанции;

- в свою очередь, эти решения, а также решения арбитражных судов первой инстанции по делам о привлечении к административной ответственности могут быть обжалованы уже в арбитражный суд апелляционной инстанции;
- решение же суда, рассмотренное в суде апелляционной инстанции, а также постановление арбитражного суда апелляционной инстанции, принятое по соответствующему делу, в установленных законодательством случаях могут обжаловаться в арбитражный суд кассационной инстанции;
- в определенных законодательством случаях уже вступившие в законную силу решения арбитражных судов по делам об административных правонарушениях могут быть пересмотрены Верховным Судом РФ (а ранее — в порядке надзора Высшим Арбитражным Судом РФ).

Как видно из данного перечня судебных инстанций, у заинтересованных в том или ином исходе рассмотрения дела об административном правонарушении лиц имеется множество возможностей обжаловать то или иное решение (по-

становление) административного органа или суда. Кроме того, даже уже вступившее в законную силу решение может впоследствии быть пересмотрено.

Очевидно, что, кроме положительных моментов, заключающихся в возможности разнообразными способами отстаивать свои законные права и интересы, указанное обстоятельство на практике нередко приводит и к многочисленным злоупотреблениям со стороны заинтересованных лиц, участвующих в процессе.

### Библиографический список

1. Михайлов С.В. Заявления и ходатайства в арбитражном процессе. М., 2008.
2. Панкова О.А. Усмотрение суда. М., 2005.
3. Поляков А.Н. Рассмотрение дел в арбитражном судопроизводстве. М., 2010.
4. Сергиенко А.В. Ходатайства и жалобы в арбитражном судопроизводстве. М., 2011.
5. Суханов В.Б. Понятие и виды доказательств в арбитражном процессе. М., 2003.
6. Юдин А.В. Затягивание судебного процесса в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 3.

УДК. 351.811.123  
ББК 67

## К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СОТРУДНИКАМИ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГИБДД МВД РОССИИ ОТСТРАНЕНИЯ ВОДИТЕЛЕЙ ОТ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Иван Алексеевич АНИКИН,  
заместитель командира 2-го взвода в составе  
ОР ДПС ГИБДД МВД России по г. Архангельску,  
адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России  
E-mail: anikinvanja@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.14 — административное право; административный процесс

**Аннотация.** Отстранение от управления транспортными средствами является мерой обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и относится к компетенции дорожно-патрульной службы ГИБДД МВД России. Применение мер обеспечения к должностным лицам, выполняющим определенные государственные функции (депутаты, судьи, прокуроры и иные лица), имеет ряд характерных ограничений.

**Ключевые слова:** водитель, транспортное средство, отстранение, мера обеспечения, административное производство, правонарушение, должностное лицо, неприкосновенность.

**Annotation.** Removal from driving is a measure of maintenance of manufacture on affairs about administrative offenses and is the responsibility of traffic police of the Russian Interior Ministry traffic police. The application of measures to ensure that officials performing certain public functions (MPs, judges, prosecutors and other persons), has a number of limitations.

**Key words:** driver, vehicle suspension, removal, measure security, administrative proceedings, the offense, official, immunity.

Среди мер, обеспечивающих участие обязанных лиц в производстве по делам об административных правонарушениях, важная процессуальная роль отведена законодателями мере обеспечения в виде отстранения от управления транспортными средствами соответствующего вида.

Практическая деятельность дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел России непосредственно связана с применением мер обеспечения, поскольку одна из основных задач службы — предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений в области дорожного движения, выполнение функций по осуществлению в соответствии с действующим законодательством Россий-

ской Федерации производства по делам об административных правонарушениях.

Согласно ч. 1 ст. 27.12 Кодекса РФ об административных правонарушениях отстранению от управления транспортным средством до устранения причины применения данной меры подлежат лица, которые управляют транспортным средством соответствующего вида и в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения, а также лица, совершившие административные правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 12.3, ч. 2 ст. 12.5, частями 1 и 2 ст. 12.7 КоАП РФ<sup>1</sup>.

При наличии оснований в соответствии с действующим законодательством мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в виде отстранения от управ-



ления транспортным средством может применяться в отношении следующих должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции:

- зарегистрированных кандидатов на должность Президента РФ (ст. 42 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации» от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ);
- членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ (ст. 19 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ);
- зарегистрированных кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ (ст. 47 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ);
- зарегистрированных кандидатов в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, представительного органа местного самоуправления, зарегистрированных кандидатов на должность выборного должностного лица местного самоуправления (ст. 41 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ);
- Уполномоченных по правам человека в Российской Федерации (ст. 12 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ);
- членов избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса, председателей избирательных комиссий субъектов Российской Федерации (п. 18 ст. 29 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Не применяется мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в виде отстранения от управления транспортными средствами в отношении:

- судей (ст. 122 Конституции РФ, ст. 15 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ, ст. 16 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г. № 3132-1, ст. 2 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ);
- прокуроров (ст. 42 и абз. 2 ст. 54 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1).

На основании поправок, внесенных 22 декабря 2014 г. в ст. 28 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации», в случаях, предусмотренных КоАП РФ, сотрудники Следственного комитета Российской Федерации за совершение административного правонарушения несут дисциплинарную ответственность<sup>2</sup>. С учетом вышесказанного в отношении данной категории водителей не применяется мера обеспечения в виде отстранения от управления транспортным средством.

В случаях, когда отстранение от управления транспортным средством не применяется в виду занимаемой должности водителя, сотрудниками полиции выполняются действия, направленные на прекращение дальнейшего движения транспортного средства.

При выявлении административного правонарушения, совершенного судьей, прокурором или следователем Следственного комитета Российской Федерации, сотрудник незамедлительно докладывает в дежурную часть полиции и составляет рапорт, который с другими материалами передается руководителю подразделения для дальнейшего направления в органы прокуратуры.

Производство по делу об административном правонарушении в отношении водителей транспортных средств депутатов, судей, прокуроров, следователей Следственного комитета Российской Федерации, в том числе при наличии указанных лиц в транспортном средстве в качестве

пассажиров, осуществляется на общих основаниях (за исключением случаев наличия у данных лиц установленных нормативными правовыми актами МВД России специальных документов, ограничивающих допустимый объем проверки).

Таким образом, сотрудники дорожно-патрульной службы ГИБДД МВД России в своей практической деятельности должны четко руководствоваться требованиями соответствующих нормативно-правовых документов, чтобы исключить неправомерное применение к участникам дорожного движения мер административного принуждения.

---

<sup>1</sup> *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях* (по состоянию на 01.02.2015 г.). М.: Проспект, КноРус, 2015. Ст. 27.14.

<sup>2</sup> *Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и ст. 28 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» от 22.12.2014 г. № 439-ФЗ // СПС «Консультант»*

### Библиографический список

1. *Конституция Российской Федерации* от 12.12.1993 г. М., 2015.
2. *Федеральный закон «О полиции»* от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ // Рос. газ. 2011. 8 февр.
3. *Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения: Приказ МВД России от 02.03.2009 г. № 185.*

## Критика и библиография

УДК 34  
ББК 67

## РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**Зеленцов А.Б.** Административная юстиция. Общая часть: Теория судебного административного права: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 399 с.



**Егор Викторович ТРОФИМОВ,**  
заместитель директора по научной работе, заведующий  
кафедрой административного и финансового права  
Северо-Западного (г. Санкт-Петербург) филиала  
Всероссийского государственного университета  
юстиции (РПА Минюста РФ),  
доктор юридических наук, доцент  
E-mail: diterihs@mail.ru

Научная специальность: 12.00.14 — административное право; административный процесс

**Аннотация.** В рецензии на учебное пособие А.Б. Зеленцова «Административная юстиция. Общая часть: Теория судебного административного права» анализируется содержание данного издания, обращается внимание на его основные положения, связанные с развитием института судебного спора по административным делам.

**Ключевые слова:** рецензия, административное право, административная юстиция, судебное административное право.

**Annotation.** The author of the review analyzes the contents of the textbook for the training of masters «The Overview of the Administrative Justice. The Theory of the Administrative Litigation Law» by Alexander B. Zelentsov, draws attention to its main provisions relating to the development of the institution of litigation in administrative cases.

**Key words:** review, administrative law, administrative justice, litigation administrative law.

**П**рофессор А.Б. Зеленцов, автор одного из первых в нашей стране специальных учебных курсов административной юстиции, представил вниманию научно-педагогической общественности свой новый труд — учебное пособие для подготовки студентов юридических вузов и факультетов «Административная юстиция. Общая часть: Теория судебного административного права».

В этом издании, предназначенном для учебных целей, автор не только обобщает и систематизирует свои многолетние исследования в области административно-правового спора и административной юстиции, но и подает свои идеи в новом ключе, развивая их в теорию судебного административного права. Он обосновывает кон-

цепцию судебного административного права как отрасли российского права, которая регулирует общественные отношения, связанные с реализацией административного правосудия.

Данное учебное пособие выгодно отличается тем, что автор не приемлет менторского стиля изложения, а вводит студента в проблематику административной юстиции во всей ее сложности и неоднозначности возможных решений, заведомо оставляя поле для дискуссий и раздумий.

Красной нитью в учебном пособии проходит идея ценности судебного административного права, обусловленной прямой связью между уровнем развития административной юстиции и степенью реализации принципов правового государства. Ведь именно эффективное административное

правосудие нивелирует величину, безликость и безответственность публичной администрации, ставит ее лицом к лицу с гражданином и рассматривает их перед судом как равных. Этот потенциал и смысл административной юстиции никогда не утрачивается автором в изложении и служит мерилем всех доктринальных построений.

Хорошим примером такого выдержанного концептуального подхода является § 5.3.1, посвященный соотношению споров о праве административном и праве гражданском.

Профессор А.Б. Зеленцов, вопреки распространенной практике, отстаивает идею приоритета административного судопроизводства перед гражданским в тех случаях, когда имущественные требования непосредственно вытекают из административно-правовых отношений (например, требование возмещения ущерба или компенсации морального вреда при оспаривании законности административного акта). При этом достаточно убедительная теоретическая аргументация подкрепляется яркими примерами из опыта зарубежных стран.

В рассматриваемом труде в полной мере учтена необходимость достижения высокого уровня теоретической подготовки студентов, он содержит систематическое изложение вопросов административной юстиции, предлагает для размышления оригинальные идеи автора и ранее высказанные суждения многочисленных ученых-правоведов.

Издание включает обширную библиографию и продуманный учебно-методический аппарат, ориентированный на действующий федеральный государственный образовательный стандарт.

Как и многие другие труды профессора А.Б. Зеленцова, данное учебное пособие дает читателю обстоятельное представление о развитии административной юстиции как в России, так и за рубежом. Автор превосходно иллюстрирует разнообразие государственно-правовой жизни примерами организации и функционирования административной юстиции в странах ближнего и дальнего зарубежья.

В своих важнейших положениях разрабатываемая и излагаемая автором теория судебного административного права опирается на юридический опыт и научные достижения не только России, но и многих зарубежных стран, что, безусловно, поможет студентам расширить кругозор и избежать косности мышления.

В теоретическую канву учебного пособия удачно вписываются базовые концептуальные положения, на которых основывается Кодекс административного судопроизводства РФ (КАС РФ), вступивший в действие 15 сентября 2015 г.

Автор дает оригинальную интерпретацию принципов административного судопроизвод-

ства, установленных Кодексом, и верно указывает на упущение законодателя, не включившего в их систему принцип диспозитивности. Необходимость правового закрепления этого принципа в судебном административном праве неизбежно вытекает из процессуальных нововведений в КАС РФ по сравнению с правовым регулированием административного судопроизводства в ГПК РФ. Речь идет о таких институтах искового административного судопроизводства, как признание административного иска, отказ от административного иска (ст. 157), соглашение о примирении сторон (ст. 137).

Следует признать обоснованной авторскую концепцию двух видов административного судопроизводства, опирающуюся на выделение в КАС РФ двух видов судопроизводств (ч. 2 и ч. 3 ст. 1).

Судопроизводство по делам об обязательном судебном контроле (ч. 3 ст. 1) в учебном пособии обозначается как судопроизводство по делам о судебном санкционировании (ст. 232—235). Такое обозначение, думается, достаточно точно выражает суть установленного в этой норме вида судебного контроля, при котором публичная администрация не вправе осуществлять свои неблагоприятные для частных лиц решения самостоятельно, собственной властью, без санкции суда, т.е. предварительно, до подтверждения правильности этих неблагоприятных решений и судебного санкционирования их исполнения.

В результате имеет место такая юридическая конструкция: административные акты, несмотря на то что обладают исполнительной силой, в силу закона не обладают исполняющей силой, т.е. использование принудительных мер для их исполнения находится в зависимости от решения суда.

В учебном пособии верно отмечается, что эта конструкция обусловила специфику административных дел, указанных в ч. 3 ст. 1 КАС РФ, и является общей основой для производств, выделенных в главах 27 — 32 этого Кодекса.

Интерес студентов, несомненно, вызовут и другие идеи и концепции, составляющие основу теории административной юстиции и доходчиво интерпретируемые в учебном пособии.

Этот труд автора вполне можно рассматривать как своего рода концептуальное введение в современную отечественную теорию административного судопроизводства и судебного административно-процессуального права.

Данное учебное пособие, безусловно, займет достойное место среди современной административно-правовой литературы, а изложенные в нем идеи и предложения послужат импульсом к новым научным дискуссиям и развитию учения об административной юстиции в нашей стране.